

ГАУК КО МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

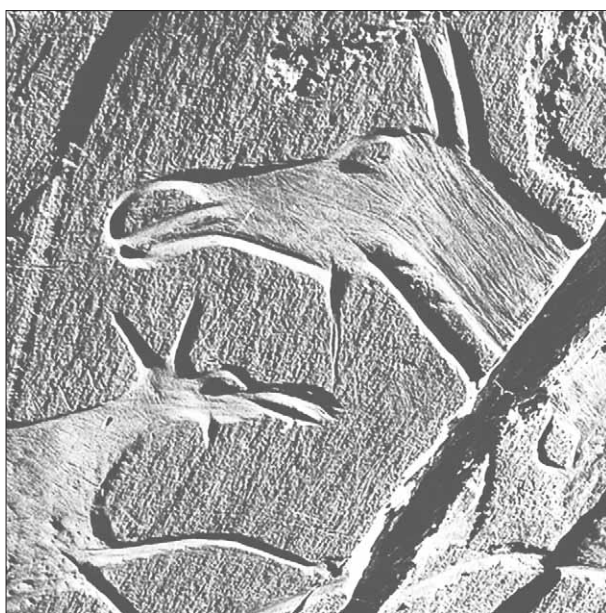
9/2019

Учёные
записки
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
ТОМСКАЯ
ПИСАНИЦА

ГАУК КО МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница»

Выпуск 9

Кемерово
2019

ISSN 2411-7838

Научное издание
Учёные записки музея-заповедника
«Томская Писаница»

Журнал издаётся с 2015 г.,
выходит два раза в год

Учредитель

Государственное автономное учреждение
культуры Кемеровской области
«Историко-культурный и природный
музей-заповедник "Томская Писаница"»
650000, г. Кемерово, ул. Томская, 5а
Тел./факс: (3842) 75 86 33,
e-mail: pisanitsa@mail.ru
Официальный сайт: www.gukmztp.ru

Главный редактор:

А. Н. Мухарева, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
научно-экспозиционного отдела музея-
заповедника «Томская Писаница», доц. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровского
государственного университета

Редакционная коллегия:

А. Г. Марочкин, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
лаборатории археологии Института эко-
логии человека, Федеральный исследова-
тельский центр угля и углехимии СО РАН
Е. А. Миклашевич, ст. науч. сотр. научно-
экспозиционного отдела музея-заповед-
ника «Томская Писаница», Вице-президент
Сибирской Ассоциации исследователей
первобытного искусства
Е. А. Орлова, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
научно-экспозиционного отдела музея-
заповедника «Томская Писаница»
И. Д. Русакова, канд. ист. наук, науч. кон-
сультант музея-заповедника «Томская
Писаница», науч. сотр. лаборатории архео-
логии Института экологии человека, Феде-
ральный исследовательский центр угля и
углехимии СО РАН

Ответственный секретарь:

С. В. Иванова, ст. хранитель отдела фондов
музея-заповедника «Томская Писаница»

Редактор текстов на английском:

Т. А. Логунов, канд. филол. наук, доц. ка-
федры иностранных языков в профессио-
нальной коммуникации Института исто-
рии и международных отношений Кеме-
ровского государственного университета

Междисциплинарное периодическое из-
дание, нацеленное на публикацию ориги-
нальных исследований, проектов, обзоров,
сообщений, отчётов о конференциях, ре-
цензий на работы по актуальным вопро-
сам теории и практики музееведения, ар-
хеологии и этнологии.

Журнал включен
в национальную базу данных
«Российский индекс научного цитирования»
(РИНЦ, договор № 245-04/2015).
Разделы тематического рубрикатора РИНЦ:
История. Исторические науки
Культура. Культурология

Редакционный совет:

А. М. Стоянов, директор музея-заповедника
«Томская Писаница» – *председатель совета*
Л. Н. Ермоленко, д-р ист. наук, проф. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровского
государственного университета, Президент
Сибирской Ассоциации исследователей
первобытного искусства
Л. Ю. Китова, д-р ист. наук, проф. кафедры
археологии Института истории и междуна-
родных отношений Кемеровского государ-
ственного университета
А. И. Мартынов, д-р ист. наук, проф. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровско-
го государственного университета, ака-
демик РАЕН, главный специалист музея-
заповедника «Томская Писаница»
Д. Г. Савинов, д-р ист. наук, проф. кафедры
археологии Института истории Санкт-
Петербургского государственного универ-
ситета, чл.-кор. Германского Археологиче-
ского Института

СОДЕРЖАНИЕ

Археологические исследования

Герман П. В., Марочкин А. Г., Боброва Л. Ю., Щербакова А. В. Случайные находки бронзовых кельтов в северных предгорьях Кузнецкого Алатау	5
Марочкин А. Г., Плац И. А. Каменные артефакты из археологических находок у Суховского озера в городе Кемерово	12
Монгуш К. М., Монгуш М. А. Погребения раннескифского времени с предметами парадной поясной фурнитуры могильника Демир-Суг II в Туве.....	17
Мухарева А. Н. Петроглифы местонахождения Улазы V на Среднем Енисее	30
Савельева А. С. Об элементном составе металла зеркал тагарской культуры	40
Сулейменов М. Г., Илюшин А. М. Раскопки курганов близ села Мусохраново	53

Экспедиции

Миклашевич Е. А. Исследования Петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2018 году	66
---	----

Архивные изыскания

Плац И. А. Деревня Талая (Тутальская) в первой половине XIX века	82
Скрябина Л. А. Деревянное зодчество и домовая роспись Томского и Кузнецкого уездов в рисунках архитектора А.Д. Крячкова	91
Скрябина Л. А. Новые сведения о времени и обстоятельствах постройки Верхотомского острога	98

Музейное дело

Русакова И. Д., Симоненко Е. В. Музей петроглифов в составе музея-заповедника «Томская Писаница» (из истории формирования экспозиции)	106
--	-----

CONTENTS

Archaeological research

- German P. V., Marochkin A. G., Bobrova L. Yu., Shcherbakova A. V.**
Stray finds of bronze celts in northern foothills of the Kuznetsk Alatau 5
- Marochkin A. G., Plats I. A.**
Stone artifacts from archaeological finds near Sukhovskoye lake in Kemerovo 12
- Mongush K. M., Mongush M. A.**
Early Scythian burials
with accessories of ceremonial belt set in the cemetery of Demir-Sug II in Tuva 17
- Mukhareva A. N.**
Petroglyphs of the Ulazy V rock art site on the Middle Yenisei 30
- Savelyeva A. S.**
On the elemental composition of the metal of Tagar mirrors 40
- Suleymenov M. G., Ilyushin A. M.**
Excavations of mounds near the settlement of Musokhranovo 53

Expeditions

- Miklashevich E. A.**
Investigations of rock art sites by the expedition
of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa" in 2018 66

Archival research

- Plats I. A.**
Talaya (Tutalskaya) village in the first half of the 19th century 82
- Skryabina L. A.**
Wooden architecture and house painting of Tomsk and Kuznetsk counties
in drawings by the architect A. D. Kryachkov 91
- Skryabina L. A.**
New data on the time and circumstances of construction
of Verkhotomsky ostrog (stockaded town) 98

Museum work

- Rusakova I. D., Simonenko E. V.**
Museum of Petroglyphs as part of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"
(from the history of the formation of exposition) 106

УДК 902/904

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ БРОНЗОВЫХ КЕЛЬТОВ В СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРЬЯХ КУЗНЕЦКОГО АЛАТАУ

П. В. Герман¹, А. Г. Марочкин¹, Л. Ю. Боброва², А. В. Щербакова²

¹Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН;

²Кемеровский областной краеведческий музей

Статья содержит подробную характеристику трёх бронзовых кельтов из случайных находок разных лет в северных предгорьях Кузнецкого Алатау (Нижнее Притомье и Мариинская лесостепь). Морфологически изделия представляют собой безушковый кельт со сквозной сомкнутой втулкой («пещеркой») (Мариинская лесостепь); поясковый двушковый кельт (Мариинская лесостепь); кельт с лобным ушком (левобережная часть Нижнего Притомья). Аргументирована принадлежность кельта с «пещеркой» к древностям андроновской культуры, пояскового двушкового кельта – к кругу памятников лугавской культуры, кельта с лобным ушком – к ирменской культуре. Подтверждён тезис С. В. Хаврина о присутствии кельтов с «пещеркой» на всем ареале андроновской (Фёдоровской) культуры. Территориальная локализация ирменского и лугавского кельтов совпадает с зоной контакта этих культур поздней бронзы Верхней Оби и Среднего Енисея, но при этом лежит в пределах их «традиционных» ареалов.

Ключевые слова: случайные находки, бронзовые кельты, андроновская культура, ирменская культура, лугавская культура, эпоха поздней бронзы, Нижнее Притомье, Мариинская лесостепь

STRAY FINDS OF BRONZE CELTS IN NORTHERN FOOTHILLS OF THE KUZNETSK ALATAU

P. V. German¹, A. G. Marochkin¹, L. Yu. Bobrova², A. V. Shcherbakova²

¹Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, SB RAS;

²The Kemerovo Regional Museum of Local Lore

The paper contains detailed description of three bronze celts (socketed axes) from stray finds of different years in the northern foothills of the Kuznetsk Alatau (the Lower Tom Region and Mariinsk forest-steppe). Morphologically the objects present a loopless celt with a double flanged socket ("collar") (Mariinsk forest-steppe); a banded double-looped celt (Mariinsk forest-steppe); and a celt with a frontal loop (the left bank of the Lower Tom). The authors substantiate attribution of the celt with collar to the Andronovo culture, the banded double-looped celt to the Lugavskaya culture, and the celt with a frontal loop to the Irmen culture. The article confirms S. V. Harvin's conclusion that flanged celts existed in the area of the Andronovo (Fedorovo) culture. The territorial localization of the Irmen and Lugavskaya celts coincides with the contact zone of these Late Bronze cultures of the Upper Ob and Middle Yenisei, while being within their "traditional" areas.

Keywords: stray finds, bronze celts, the Andronovo culture, the Irmen culture, the Lugavsk culture, the Late Bronze Age, the Lower Tom Region, Mariinsk forest-steppe

Введение

Бронзовые кельты для Западной и Средней Сибири по праву считаются уникальной категорией артефактов. Крайне редкое обнаружение подобных предметов в закрытых комплексах или в культурном слое поселений определяет ценность даже

случайных находок [Молодин, Софейков, Ненахов, 2012].

Цель настоящей работы – введение в научный оборот информации о трёх бронзовых кельтах, случайно обнаруженных в 1950-е и 2010-е гг. в Нижнем Притомье и Мариинской лесостепи. Для каждого ору-

дия приведены подробная морфологическая характеристика, качественные графические и фотоиллюстрации. Сколько-нибудь развернутая историко-культурная интерпретация данных находок не входит в задачи статьи, но полученных сведений достаточно для их надежной культурно-хронологической атрибуции.

При подготовке публикации использованы предметы из коллекций Историко-краеведческого музея Тисульского района Кемеровской области и Кемеровского областного краеведческого музея, а также одного кельта из Центра хранения археологических коллекций Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН (ФИЦ УУХ СО РАН).

Описание бронзовых кельтов и проблемы их культурно-хронологической принадлежности

1. Находка из д. Большепичугино (Тисульский район Кемеровской области) (рис. 1: 1; рис. 2). Кельт обнаружен в 2010-е гг. жителем д. Большепичугино А. Н. Каменским на огороде собственной усадьбы. Изделие хранится в Историко-краеведческом музее Тисульского района.

Кельт-тесло асимметричной формы со сквозной сомкнутой втулкой («пещер-

кой») и валиком по краю втулки. Сечение в средней части и ниже «пещерки» шестигранное, сечение втулки в форме полукруга. На боковых гранях сохранились продольные валики от литейных швов. Длина изделия – 69 мм, размер втулки 26×42 мм, размер средней части 20×39 мм, ширина лезвия – 37 мм. На поверхности изделия имеются следы современной заточки на токарном станке.

Изделия, аналогичные большепичугинской находке, были объединены М. П. Грязновым в один тип с карасукскими кельтами-тёслами (тип VI) [Грязнов, 1941, с. 250, табл. IV]. С. В. Хавриным на основании широкого круга аналогий обоснована принадлежность кельтов с «пещеркой» к андроновскому времени [Хаврин, 1999]. В то же время, учитывая находку кельта с «пещеркой» в карасукском могильнике Чарков улус, верхняя граница бытования подобных кельтов в Минусинской котловине может доходить до последней четверти II тыс. до н.э. Следует отметить, что место большепичугинской находки расположено в непосредственной близости к могильнику Большепичугинские курганы (раскопки А. И. Мартынова в 1956–1959 гг.). Культурно-хронологическая атрибуция

Рис. 1. Карта местонахождения случайных находок топоров-кельтов. Номера на карте соответствуют нумерации предметов при их описании в тексте

шести курганов этого могильника связана с андроновской (фёдоровской) культурой, а фрагменты посуды с узнаваемым меандровым орнаментом обнаружены в насыпях тагарских курганов и на прилегающей к могильнику территории. Данное обстоятельство позволяет согласиться с предложенной С. В. Хавриным культурно-хронологической атрибуцией кельтов-тёсел с «пещеркой», время появления которых на территории Мариинской лесостепи со-

ответствует бытованию андроновских комплексов.

2. Находка из Мариинской лесостепи (Тисульский район Кемеровской области) (рис. 1: 2; рис. 3). Изделие хранится в Кемеровском областном краеведческом музее. Кельт найден в 1950-е гг., но точное место находки и её автор не известны.

Кельт поясковый двушковый симметричной формы с валиком-воротничком по краю втулки. Ниже валика по окружно-

Рис. 2. Находка из д. Большепичугино (Тисульский район Кемеровской области)

Рис. 3. Находка из Мариинской лесостепи (Тисульский район Кемеровской области)

сти следует рельефно выделенный пояс с массивными ушками на гранях. Пояс орнаментирован на обеих плоскостях рельефными разнонаправленными уголками, между которыми по центру выделено ребро с круглым навершием. Лезвие кельта полукруглое. Сечение втулки овальное, сечение ниже полости втулки подпрямоугольное. Длина изделия 163 мм, размер втулки 49×62 мм, размер в средней части 36×55 мм, ширина лезвия 68 мм.

В классификации М. П. Грязнова мариинский кельт имеет аналогии среди «поясковых кельтов карасукского типа» (тип II) [Грязнов, 1941, с. 248, табл. III]. С. В. Хаврин конкретизирует культурно-хронологическую принадлежность кельтов данного типа кругом лугавских древностей [Хаврин, 1999, с. 35]. Полагаем, что такая атрибуция в полной мере применима и для подобных изделий на сопредельной территории Кия-Чулымского междуречья. По калиброванным значениям радиоуглеродных датировок Тамбарского поселения со смешанной лугавско-ирменской керамикой время их бытования определено в пределах последней четверти II тыс. до н.э. [Бобров, Членова, 1991]. Самые последние исследования эпохи бронзы Минусинских котловин уточняют датировку лугавских комплексов XI–X вв. до н.э. [Поляков, Лазаретов, 2019, с. 202].

3. Находка из д. Мануйлово (Болотнинский район Новосибирской области) (рис. 1: 3; рис. 4). Этот кельт обнаружен в 2016 г. местными жителями при заборе грунта из разрушенного речного берега. Передан в Центр хранения археологических коллекций ФИЦ УУХ СО РАН.

Кельт-тесло асимметричной формы с лобным ушком. Изделие повреждено или является литейным браком (недолив формы?) – по всей окружности втулки отсутствует часть выше верхней дужки ушка. Сечение в средней части шестигранное, сечение втулки в форме овала. На противоположной от ушка плоскости, симметрично ему, расположен рельефный орнамент в виде заштрихованного треугольника. Длина изделия 64 мм, размер втул-

ки 28×39 мм, размер в средней части 18×40 мм, ширина лезвия 40 мм.

Место обнаружения связано с левобережным притоком р. Томи – р. Лебязей. Кроме кельта, на данном участке была найдена в единственном экземпляре бронзовая лапчатая подвеска. Вероятнее всего, находка кельта и подвески маркирует местоположение разрушенного археологического памятника.

Мануйловская находка аналогична кельтам-тёслам карасукского типа [Грязнов, 1941, с. 250, табл. IV]. В Западной Сибири шестигранные асимметричные кельты с лобным ушком и орнаментом в виде заштрихованного треугольника известны среди материалов ирменской культуры [Матющенко, 1974, с. 50, рис. 22: 11; Бобров, 1979; Членова, 1994, с. 19, рис. 4: 18, 19; Илюшин, Борисов, 2016, с. 108]. Совместное обнаружение с кельтом характерной лапчатой подвески лишь подтверждает его ирменскую принадлежность.

По мнению Н. Л. Членовой, контекст нахождения подобных кельтов на памятниках Люскус-1 и Чекист (также расположенных в Притомье) позволяет определить их хронологию в пределах VIII–VII вв. до н.э. [Членова, 1994, с. 19]. Последние данные о датировке ирменских древностей юга Западной Сибири [Молодин, 2008; Папин, 2015] говорят о необходимости скорректировать хронологию и данной категории кельтов – в пределах последней четверти II тыс. до н.э.

Вместо заключения

Как указано во вступительном разделе, детальная историко-культурная интерпретация не входит в задачи нашей работы. Вместе с тем, атрибуция описанных в статье предметов позволяет сделать две простых констатации.

Первое – С. В. Хавриным очень убедительно аргументирована контекстуальная связь кельтов с «пещеркой» с памятниками андроновской культурно-исторической общности на всём её ареале от Южного Урала до Минусинских котловин [Хаврин, 1999, с. 33]. Большепичугинская находка в полной мере подтверждает этот

Рис. 4. Находка из д. Мануйлово
(Болотнинский район Новосибирской области)

тезис. География аналогичных предметов теперь дополнена лесостепной частью северных предгорий Кузнецкого Алатау, с возможной экстраполяцией на другие районы Кузнецко-Салаирской горной области.

Второе – территориальная локализация описанных в статье ирменского и лугавского кельтов совпадает с зоной контакта культур поздней бронзы Верхней Оби и Среднего Енисея. Как известно, в Мариинской лесостепи, Среднем Притомье и Кузнецкой котловине на ряде памятников

известны немногочисленные факты совместного залегания ирменской и лугавской керамики, или даже посуды с общими признаками [обзор см.: Ковалевский, 2008]. Отмечены в Кузнецкой котловине и факты обнаружения лугавских бронз, в частности, коленчатых ножей. Но, при всех свидетельствах взаимного влияния, следует говорить о чётких «традиционных» ареалах этих культур. В том числе, маркируют эти ареалы и описанные в статье кельты из Нижнего Притомья и Мариинской лесостепи.

Литература

- Бобров В. В. Поселение на р. Люскус // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1979. Вып. 10. С. 47–59.
- Грязнов М. П. Древняя бронза Минусинских степей. 1. Бронзовые кельты // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.: Государственный Эрмитаж 1941. Т. 1. С. 245–270.
- Илюшин А. М., Борисов В. А. Коллекция бронзовых изделий из раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2016. Вып. XXII. С. 104–109.
- Ковалевский С. А. Проблема взаимодействия населения юга Западной и Средней Сибири в эпоху поздней бронзы // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4 (60). Т. 2. С. 94–97.
- Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Часть IV. Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Томск: ТГУ, 1974. Вып. 12. 196 с.
- Молодин В. И. Периодизация, хронология и культурная идентификация памятника Чича (Барабинская лесостепь) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. С. 155–164.
- Молодин В. И., Дураков И. А., Софеев О. В., Ненахов Д. А. Бронзовый кельт турбинского типа из центральной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 226–230.
- Папин Д. В. Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 135–138.
- Поляков А. В., Лазаретов И. П. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 188–202.
- Хаврин С. В. Кельты эпохи поздней бронзы Минусинской котловины // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1999. Вып. LVIII. С. 32–35.
- Членова Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М.: Наука, 1994. 170 с.
- Членова Н. Л., Бобров В. В. Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии. М.: Наука, 1991. С. 143–180.

УДК 902/904

КАМЕННЫЕ АРТЕФАКТЫ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК У СУХОВСКОГО ОЗЕРА В ГОРОДЕ КЕМЕРОВО

А. Г. Марочкин, И. А. Плац

Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН

Статья посвящена типолого-морфологической характеристике и культурно-хронологической интерпретации предметов каменной индустрии из археологических находок у Суховского озера в черте современного города Кемерово. Обозначена разница археологического контекста между серией артефактов поселения Сухово I, маркирующих производственную площадку (подставка «наковальня», отщепы, заготовки, орудия), и отдельными галечными грузилами, представляющими собой случайные находки в пойме р. Томи. Аргументирована гипотеза о поздненеолитическом возрасте выявленного производственного комплекса на поселении Сухово I.

Ключевые слова: поселение Сухово I, каменные артефакты, производственная площадка, археологическая интерпретация, поздний неолит-энеолит, Суховское озеро, город Кемерово, Кузнецкая котловина

STONE ARTIFACTS FROM ARCHAEOLOGICAL FINDS NEAR SUKHOVSKOYE LAKE IN KEMEROVO

A. G. Marochkin, I. A. Plats

Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, SB RAS

The paper deals with typological and morphological characteristics and cultural and chronological interpretation of the stonework objects from archaeological finds near Sukhovskoye lake located on the modern territory of Kemerovo city. The authors state the difference in the archaeological context between a series of artifacts from the settlement of Sukhovo I, which marks a production site ("anvil" stand, flakes, billets, tools), and individual pebble weights, representing random finds in the floodplain of the Tom river. Arguments are given to support the assumption of dating the identified production complex in Sukhovo I to the Late Neolithic.

Keywords: Sukhovo I settlement, stone artifacts, production site, archaeological interpretation, the Late Neolithic-Chalcolithic, Sukhovskoye lake, Kemerovo, the Kuznetsk Depression

Введение

В 2018 г. при поддержке городской администрации и Фонда президентских грантов дан старт исследовательскому и научно-популяризационному проекту «Древняя история Кемерово». Научные задачи проекта включают две позиции.

Первая задача – комплексное историко-археологическое изучение русских исторических поселений XVIII–XIX вв. в черте современного города и, в первую очередь, эпонимной деревни Кемерово [Марочкин и др., 2018].

Вторая задача направлена на выявление и изучение древних и средневековых археологических памятников на террито-

рии г. Кемерово, что, в свою очередь, продолжает планомерные исследования археологического наследия в Среднем и Нижнем Притомье.

Важнейшие результаты проведённых работ – выявление сохранившихся участков культурного слоя городища ирменской культуры Люскус-1 (устье одноимённого правобережного притока р. Томи); открытие поселенческого памятника раннего средневековья Люскус-3 (там же); уточнение топографии и атрибуция археологических памятников в окрестностях Суховского озера (старица на левом берегу р. Томи).

Ревизия имеющихся данных и результаты целенаправленной разведки 2018 г.

дают все основания говорить не об одном, а о двух археологических комплексах на разных берегах озера (рис. 1: 1). Один из них, найденный местным жителем С. Н. Ивлевым в 1971 г., расположен в пойме между северо-западной оконечностью старицы и современным левым берегом р. Томи. В материалах этого памятника, получившего наименование Сухово I, кроме каменных артефактов есть небольшое количество разновременной керамики, но без посуды ирменской культуры. В то время как известное по публикациям А. М. Кулемзина ирменское поселение, обозначенное нами как Сухово II, расположено на юго-западном берегу озера в устье небольшого безымянного ручья, что подтверждается характерной керамикой из шурфов и подъёмных сборов [Плац, 2019].

Настоящая статья посвящена характеристике и интерпретации каменных артефактов поселенческого памятника Сухово I.

Описание каменных артефактов памятника Сухово I

На данный момент коллекция включает 107 предметов, полученных преимущественно во время подъёмных сборов С. Н. Ивлева в начале 2000-х гг. и находящихся на хранении в Кемеровском областном краеведческом музее. Единичные предметы найдены при зачистке обнажений в 2018 г. Выделяется несколько категорий.

Подставка-«наковальня» – найдена в единственном экземпляре. Крупный галечный валун овальной формы, линзовидный в поперечном сечении (рис. 1: 10). Размеры – 300×210×70 мм. На одной плоскости в центре чётко фиксируется скопление многочисленных, бессистемно расположенных утилитарных выщербин.

Пластины ножевидные – 3 экз.

– Целый экземпляр трапециевидной пластины. Длина – 47 мм, ширина – до 15 мм. Ретушь отсутствует.

– Дистальный конец треугольной пластины. Длина – 22 мм, ширина – 15 мм. Ретушь отсутствует.

– Целый экземпляр трапециевидной пластины. Длина – 33 мм, ширина – 15 мм. Один маргинал подработан очень мелкой эпизодической краевой ретушью.

Заготовка бифасиального наконечника стрелы – обнаружена в единственном экземпляре. Судя по всему, в качестве заготовки использован крупный пластинчатый отщеп, с дорсальной стороны которого крупной сплошной покрывающей (от центра к краям) ретушью начато формирование листовидной формы изделия. С вентральной стороны нанесено несколько крупных краевых сколов, лишь обозначивших начальную модификацию заготовки. Размеры – 40×21×10 мм.

Перфоратор-провёртка – представлен в единственном экземпляре в виде выполненного на пластинчатом отщепе остроконечника треугольной формы (рис. 1: 4). Рабочее остриё сформировано крупной непрерывной притупляющей ретушью с альтернативной стороны нанесения. Размеры – 27×13×3 мм.

Скребки – 3 экз.

– Скребок на отщепе случайной формы. Рабочий край пологий, оформлен мелкой непрерывной краевой ретушью и занимает всего 1/7 периметра. Размеры – 40×32×12 мм.

– Скребок на отщепе случайной формы. Пологий рабочий край занимает до 1/3 периметра и оформлен мелкой эпизодической краевой ретушью, нанесённой с дорсальной стороны. Размеры – 50×32×9 мм.

– Выполненный на отщепе скребок почти правильной округлой формы, имеет два рабочих края, занимающих весь периметр (рис. 1: 7). Один рабочий край крутой, занимает 7/8 периметра и тщательно оформлен мелкой непрерывной краевой ретушью, нанесённой с дорсальной стороны. Второй рабочий край почти отвесный, занимает 1/8 периметра и оформлен на ударном бугорке крупной захватывающей ретушью, нанесённой с вентральной стороны. Размеры – 30×33×7 мм.

Нож на отщепе – 2 экз.

– Нож на отщепе случайной формы. Рабочее лезвие занимает до 1/2 периметра и оформлено на одном маргинале мелкой эпизодической краевой ретушью, нанесённой с дорсальной стороны. Размеры – 41×25×9 мм.

– Фрагмент ножа на отщепе. Фрагмент крупного отщепа, возможно, изначально

Рис. 1. Материалы поселения Сухово I: 1 – карта расположения археологических памятников в окрестностях Суховского озера; 2 – ранняя керамика из подъемных сборов; 3 – фрагмент ножа на крупном отщепе; 4 – перфоратор-провёртка; 5 – наконечник стрелы; 6 – бифасиальный вкладыш; 7 – скребок на отщепе; 8, 9 – галечные грузила с перехватом; 10 – «наковальня» из галечного валуна; 11 – проушное грузило со сквозным отверстием. 2 – керамика, 3–11 – камень

имевшего листовидную или овальную форму. Один маргинал подработан мелкой непрерывной захватывающей ретушью, нанесённой с дорсальной стороны. Размеры – 31×36×8 мм.

Вкладыш-бифас – представлен в единственном экземпляре. Выполнен на пластине или пластинчатом отщепе (рис. 1: 6). Имеет правильную прямоугольную форму в плане и линзовидное поперечное сечение. Бифасиальная обработка совершена крупной непрерывной покрывающей ретушью. Размеры – 259×148×34 мм.

Наконечник стрелы листовидной формы (рис. 1: 5). Выполнен на крупной пластине или пластинчатом отщепе тщательно нанесённой от центра к краям покрывающей бифасиальной ретушью. Размеры – 485×138×43 мм.

Скопление отщепов случайной формы – 90 экземпляров. Размер предметов варьирует от миниатюрного до крупного. Ретушь и другие признаки вторичной обработки отсутствуют.

Галечные грузила для сети – 4 экз.

– Грузило из небольшой плоской гальки овальной формы в плане, линзовидной в поперечном сечении. Размеры – 79×40×20 мм. На двух противоположных длинных гранях симметрично расположены две выемки-перехвата, оформленные крупными сколами. Ширина выемок – 17–20 мм, глубина до 4 мм. Выемки заглажены от контакта с бечевой.

– Грузило из небольшой плоской овальной гальки, линзовидной в поперечном сечении (рис. 1: 8). Размеры – 66×56×24 мм. Также имеет две симметрично расположенные выемки-перехвата шириной 15–17 мм и глубиной 5–6 мм. Выемки несут следы утилитарной затёртости.

– Грузило из небольшой плоской гальки овальной формы, линзовидной в поперечном сечении (рис. 1: 9). Размеры – 78×60×27 мм. Идентично вышеописанным предметам, отличается от них только размерами выемок-перехватов – шириной до 15–20 мм и глубиной до 5 мм. Выемки затёрты.

– Грузило из плоской гальки округлой формы в плане, линзовидной в поперечном сечении (рис. 1: 11). Размеры – 123×114×22 мм. В центре методом биконического

сверления сделано круглое отверстие диаметром 15 мм. Диаметр прилегающей области сверления, дополнительно подвергшейся утилитарному воздействию вследствие контакта с бечевой, достигает 26 мм.

подавляющее большинство отщепов, пластин и орудий (кроме грузил) выполнено из одного сырья – пластичного окремнённого песчаника серого цвета.

Археологический контекст и интерпретация каменных артефактов памятника Сухово I

Сведения, полученные от С. Н. Ивлева, и их проверка в ходе разведки свидетельствуют, что вся коллекция каменных артефактов памятника по своему археологическому контексту делится на две неравные группы.

Первая группа – это галечные грузила. Они обнаружены в разных местах поймы р. Томи, что связано, вероятнее всего, с обрывом грузил с сети непосредственно на месте их использования. Установить время и обстоятельства этого не представляется возможным. Галечные грузила с перехватом представляют собой тип простейших в изготовлении предметов, хронологический охват бытования которых очень широк, начиная как минимум с неолита и заканчивая этнографической современностью. Создание грузила с проушным отверстием требует более совершенных навыков обработки камня, но и такой тип грузил широко распространён во времени и пространстве. Следовательно, эта категория артефактов не имеет большой ценности для культурно-хронологической атрибуции памятника.

Вторую группу артефактов составляют каменная подставка-«наковальня», отщепы, пластины, заготовки орудий и небольшие орудия (скребки, ножи, перфораторы и вкладыши, наконечники стрел). Все они найдены на одном участке разрушенного берегового борта и, скорее всего, являются элементами одного комплекса. По всей видимости, следует говорить о разрушенной производственной площадке («мастерской») по обработке каменного сырья и изготовлению орудий.

Аналогичные объекты известны в правобережье юга Нижнего Притомья на па-

мятников Новороманово-2 и Долгая-1, расположенных в 75–80 км ниже по течению р. Томи. Рабочую площадку на стоянке Долгая-1, исходя из залегания в слое характерной керамики, следует датировать поздним неолитом-энеолитом, то есть концом V – первой половиной IV тыс. до н.э. [Марочкин, Юракова, 2014]. Скорее всего, к этому же времени относится и новоромановская площадка, хотя обнаруженная вблизи неё керамика менее выразительна.

С указанными комплексами суховскую «мастерскую» роднит выраженный отщеповый характер индустрии при наличии небольшого количества пластин, используемый тип сырья (серый сливной песчаник), залегание в едином контексте атрибутов производства (подставки, большое количество отщеповых отходов при почти полном отсутствии первичных сколов), заготовок орудий и готовых изделий. Морфологически идентичны и некоторые категории орудий – листовидные наконечники стрел, треугольные перфораторы, ножи на отщепах.

В последние годы на юге Нижнего Притомья изучены производственные комплексы крохалёвской культуры ранней – начала развитой бронзы (последняя треть III – первая треть II тыс. до н.э.) на памятниках Ивановка-1 и Ивановка-2. Их отличие от «мастерских» Новороманово-2, Долгая-1 и Сухово I – в преобладании разнообразного галечного сырья, большом количестве продуктов первичного расщепления и особенно первичных сколов, общем «макролитоидном» характере индустрии. Хотя некоторое сходство все же прослеживается в морфологии ножей на отщепах, скребков и наконечников стрел. Специфичной чертой крохалёвских производственных комплексов выступает наличие следов бронзолитей-

ного производства и присутствие в слое характерной «псевдотекстильной» керамики.

Среди нескольких осколков керамической посуды на Сухово I выделяется один фрагмент тулова, декорированный сочетанием круглых ямок и горизонтальных рядов наколов приострѐнной палочки (рис. 1: 2). С осторожностью его можно соотнести с керамикой кипринско-ирбинско-новокусковского культурного массива, занимавшего северную часть Верхнего Приобья в позднем неолите-энеолите. Остальные обнаруженные фрагменты либо не имеют орнамента, либо демонстрируют поздние черты. Посуда периода ранней бронзы отсутствует.

Мы отдаем себе отчет в дефицитности данных для уверенной культурно-хронологической атрибуции исследуемого комплекса, но всё же рассматриваем в качестве рабочей гипотезы его поздненеолитический возраст с датировкой в пределах второй половины V – первой половины IV тыс. до н.э.

В пользу этого говорит не только общий «неолитоидный» облик каменных артефактов, но и типичное сходство археологического контекста суховской «мастерской» и хорошо датированных поздненеолитических комплексов Новороманово-2 и Долгая-1, а также наличие пусть единичной, но характерной керамики.

Если гипотеза верна, то поселение Сухово I пока является наиболее древним археологическим памятником на территории г. Кемерово. Учитывая известную диспропорцию неолитических могильников и поселений в Кузнецкой котловине, полученные материалы имеют большое научное значение и свидетельствуют о необходимости дальнейшего выявления и изучения сохранившихся участков культурного слоя.

Литература

- Марочкин А. Г., Плац И. А., Сизѐв А. С., Васютин С. А., Веретенников А. В. Начало археологического изучения «кемеровских» деревень // Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка. Новокузнецк: НФИ КемГУ; «Арт-экспресс», 2018. С. 65–73.
- Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Материалы неолита-энеолита стоянки Долгая-1 (южные районы Нижнего Притомья) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 189–201.
- Плац И. А. Сухово II – стоянка ирменской культуры в черте г. Кемерово // Материалы Ежегодной конференции молодых ученых ФИЦ УУХ СО РАН «РАЗВИТИЕ – 2019» (в печати).

УДК 902/904

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ПРЕДМЕТАМИ ПАРАДНОЙ ПОЯСНОЙ ФУРНИТУРЫ МОГИЛЬНИКА ДЕМИР-СУГ II В ТУВЕ

К. М. Монгуш^{1, 2}, М. А. Монгуш¹

¹Национальный музей Республики Тыва им. «Алдан-Маадыр»;

²Кемеровский государственный университет

Парадные пояса играли знаковую роль в обществе кочевников азиатской Скифии, являясь особыми атрибутами воинской субкультуры. Последние исследования на территории Верхнего Енисея (современная Республика Тыва) показывают, что эта традиция имела распространение у носителей алды-бельской культуры раннескифского времени. В статье анализируются предметы парадной поясной фурнитуры, происходящие из двух раннескифских курганов могильника Демир-Суг II в Центральной Туве. Памятник был изучен в 1970 г. четвёртым отрядом Саяно-Тувинской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством И. У. Самбу. В процессе раскопок центральной могилы кургана 1 были обнаружены фрагмент парадного пояса, две накладки и подвесная бляха, а в кургане 2 – наконечник ремня, концевая обойма и стержневидная застёжка-«костылёк». Предметы из первого комплекса в своё время были опубликованы и привлекли большое внимание специалистов. В предлагаемой работе представлен подробный анализ предметов поясной фурнитуры из этих двух курганов с полной информацией о контексте находок; рассмотрен вопрос хронологической позиции публикуемых комплексов в системе памятников алды-бельской культуры Тувы.

Ключевые слова: раннескифское время, алды-бельская культура, курган, могила, парадная поясная фурнитура, Демир-Суг, Тува

EARLY SCYTHIAN BURIALS WITH ACCESSORIES OF CEREMONIAL BELT SET IN THE CEMETERY OF DEMIR-SUG II IN TUVA

К. М. Mongush^{1, 2}, М. А. Mongush¹

¹National Museum of the Republic of Tuva "Aldan-Maadyr";

²Kemerovo State University

Ceremonial belts played a significant role in the society of early nomads being special attributes of the military subculture. Recent studies in the Upper Yenisei region (the present-day Republic of Tuva) show that this tradition was widespread among the carriers of the Aldy-Bel culture of the Early Scythian period. At the moment, several burial complexes are already known. The paper discusses interesting front accessories of the ceremonial belt sets from two Early Scythian mounds in the cemetery of Demir-Sug II in Central Tuva. The sites were studied in the field season of 1970 by the Forth detachment of the Sayan-Tuva Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences under I. U. Sambu. In the central grave of mound 1, a fragment of the ceremonial belt, two mounts and pendant badge were found, while in mound 2 – the tip of the belt, an end clip and a toggle clasp were found. Objects of the former complex have already been published and attracted considerable attention. The paper presents a detailed analysis of the belt accessories from the two mounds, with comprehensive data on the context of the findings. A special consideration is given to the chronological position of the published complexes in the system of the Aldy-Bel sites in Tuva.

Keywords: the Early Scythian period, the Aldy-Bel archaeological culture, mound, graves, ceremonial belt accessories, the Demir-Sug river, Tuva

В полевом сезоне 1970 г. четвёртым отрядом Саяно-Тувинской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством И. У. Самбу были исследованы курганы 1 и 2 могильника Демир-Суг II, относящиеся к раннескифскому времени Тувы. Погребальные объекты были разграблены ещё в древности, из оставшихся в могилах вещей особый интерес представляют предметы бронзовой поясной фурнитуры. Ранее фрагмент парадного пояса из кургана 1 был проанализирован специалистами [Семёнов, 2001; Таиров, 2004; Шульга, 2008; 2016; Чугунов, 2016]. Одним из авторов настоящей работы недавно были опубликованы предметы этого памятника [Монгуш, 2018]. Между тем, находки поясной фурнитуры из центральной могилы кургана 2 до сих пор оставались не введенными в научный оборот, предметы поясной фурнитуры из этих курганов не анализировались совокупно, отсутствовала информация о контексте находок.

Описание памятников с некоторыми поправками приводится по отчёту И. У. Самбу за 1970 г., иллюстрации выполнены по альбому отчёта. К настоящему времени отчёт, альбом и коллекция находок (инв. № 9972) из курганов могильника Демир-Суг II хранятся в фондах Национального музея Республики Тыва (далее – НМРТ).

Описание комплексов

Могильник Демир-Суг II расположен на правом берегу р. Демир-Суг, правого притока р. Улуг-Хем (Верхний Енисей), в 6 км к северо-востоку от г. Новый Шагонар (Улуг-Хемский кожуун Республики Тыва). Памятник включает несколько десятков каменно-земляных объектов, относящихся к различным историческим эпохам. Погребальные сооружения расположены цепочками в несколько рядов в меридиональном направлении. Публикуемые в настоящей работе курганы 1 и 2 находились в южной части могильника.

Курган 1 (рис. 1: 1–3) представлял собой задернованный каменно-земляной объект округлой в плане формы, с грабительской воронкой посередине. Диаметр наземного сооружения составлял 11,5 м. До раскопок по абрису сооружения про-

слеживалась округлая в плане ограда, которая полностью выявилась после расчистки каменно-земляной насыпи. Внутри неё зафиксированы контуры двух могил.

Мои́ла 1 (рис. 2: 1) располагалась в центре. Грунтовая яма имела подпрямоугольную в плане форму. Размеры: 2,4×1,7 м, глубина – 1,6 м. Могила оказалась потревоженной. На дне были прослежены остатки сруба, очевидно, прямоугольной формы, где удалось обнаружить кости скелетов двух человек. Из сопровождающего инвентаря в центре ямы найдены наконечники стрел из бронзы, железный нож (предметы не поступали в фонды НМРТ) и две бронзовые S-овидные накладки (рис. 2: 4, 5). В скоплении костей у северной стенки могилы находились фрагмент пояса (рис. 2: 2) и подвесная бляха (рис. 2: 3).

Мои́ла 2 располагалась к югу от могилы 1. Грунтовая яма имела подпрямоугольную в плане форму. Размеры: 1,3×0,95 м, глубина – 0,75 м. Внутри ямы – остатки колоды (?) и фрагменты нескольких костей ребёнка. Находок не найдено.

Курган 2 (рис. 1: 4–6) представлял собой каменно-земляной объект подовальной в плане формы, с грабительской воронкой посередине. Он располагался к северу от кургана 1. С северной и южной сторон от объекта имелись две поминальные выкладки. Диаметр наземного сооружения составлял 15,5 м. После расчистки каменно-земляной насыпи выявлено две могилы и конструкция из камней. Последняя располагалась к югу от могилы 1 на уровне древней дневной поверхности, находок внутри не обнаружено.

Мои́ла 1 (рис. 2: 3) располагалась в центре. Грунтовая яма имела подовальную в плане форму. Размеры: 2×1,6 м, глубина – 2,2 м. Могила оказалась потревоженной. В процессе разборки заполнения ямы встречались отдельные кости скелета человека и некоторые находки: костяное шило, бусы, зуб кабана (предметы не поступали в фонды НМРТ). При окончательной разборке могильной ямы были обнаружены остальные кости погребённых, предположительно от двух человек. Первоначальное положение захоронённых установить не удалось. Из инвентаря

могилы найдены: бронзовый наконечник пояса, концевая обойма (рис. 3: 2, 3), стержневидная застёжка-«костылёк» (рис. 3: 5), бронзовый наконечник стрелы (рис. 3: 6), удила с кольчатыми окончаниями звеньев (рис. 3: 4), железный предмет неизвестного назначения, клык кабана, а так-

же костяной наконечник стрелы (предметы не поступали в фонды НМРТ). Все находки располагались на дне могилы разрозненно по причине ограбления.

Могилы 2 располагалась к северу от могилы 1. Каменный ящик из врытых на ребро плит имел подквадратную в плане

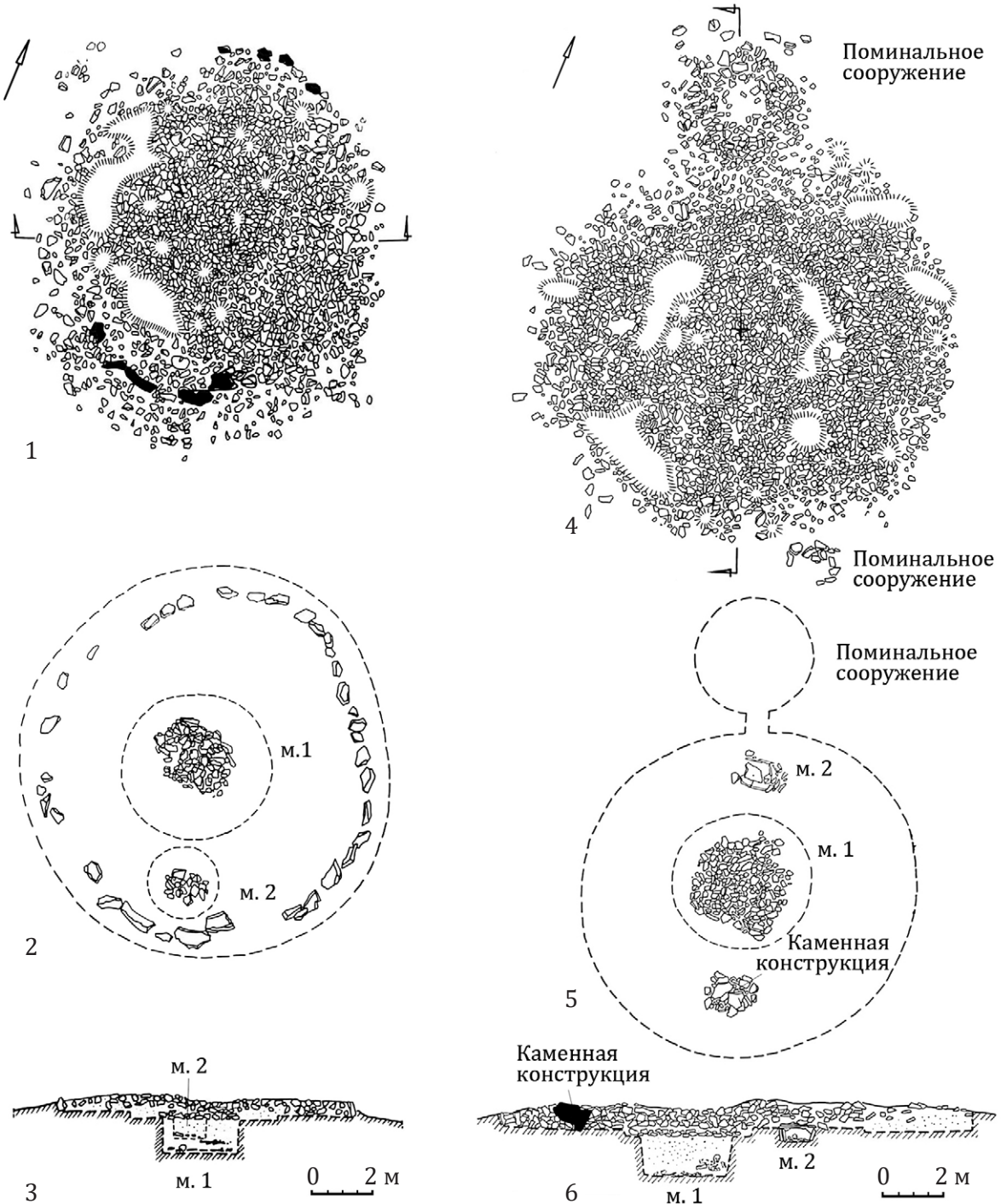

Рис. 1. Могильник Демир-Суг II: 1 – план кургана 1 до расчистки; 2 – план кургана 1 после расчистки; 3 – разрез кургана 1; 4 – план кургана 2 до расчистки; 5 – план кургана 2 после расчистки; 6 – разрез кургана 2

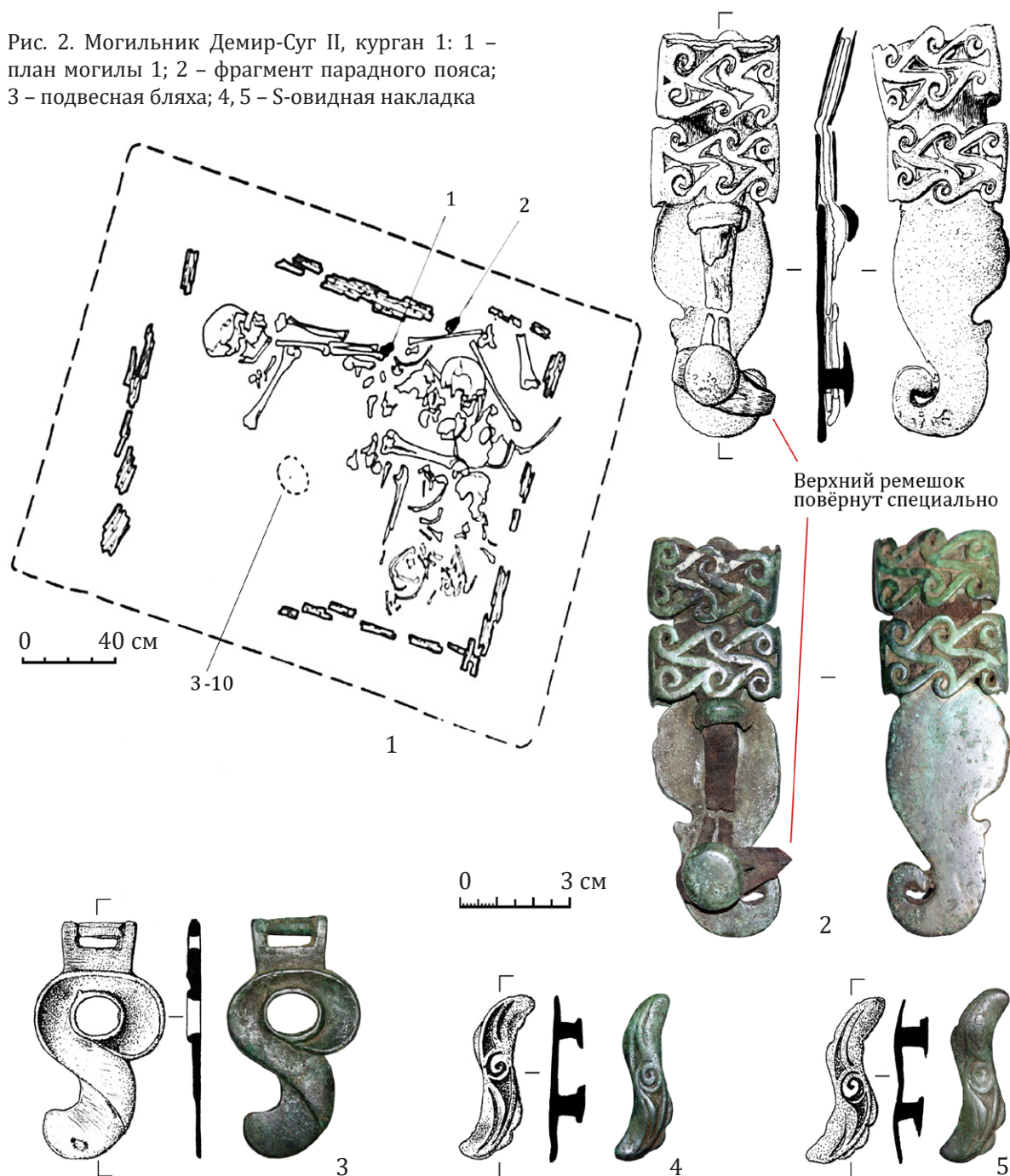
форму. Размеры: 1,2×0,9 м, глубина – 1,1 м. На дне ящика – детское захоронение. Костяк лежал на левом боку, головой на запад; в районе тазовых костей был обнаружен бронзовый нож (находка не поступала в фонды НМРТ).

Анализ материала

Исследованные экспедицией курганы могильника Демир-Суг II можно уверенно отнести к раннескифскому времени, как это было сделано ещё А. Д. Грачом, кото-

рый включил их в состав алды-бельской культуры Тувы [Грач, 1980, табл. 1]. Наземные конструкции и погребальный обряд комплексов могильника являются типичными для этой культуры. Насыпи сооружены из земли и разномасштабных скальных пород. Курган 1 имеет характерную для памятников этого периода округлую в плане ограду из обломков горных пород (рис. 1: 1), а курган 2 – две поминальные выкладки с севера и юга

Рис. 2. Могильник Демир-Суг II, курган 1: 1 – план могилы; 2 – фрагмент парадного пояса; 3 – подвесная бляха; 4, 5 – S-овидная накладка

1, 7 - наконечник ремня и концевая обойма;
 2 - бронзовый наконечник стрелы;
 3 - удила;
 4 - железный предмет неизвестного назначения;
 5 - клык кабана;
 6 - костяной наконечник стрелы;
 8 - подвеска-«костыль».

Рис. 3. Могильник Демир-Суг II, курган 2: 1 - план и разрез могилы 1; 2 - наконечник ремня; 3 - концевая бляха; 4 - удила; 5 - застёжка-«костыль»; 6 - наконечник стрелы

(рис. 1: 4), которые, по-видимому, построены уже после сооружения данного объекта. Остаётся неизвестным назначение каменной конструкции, установленной в наземном сооружении кургана на уровне древней дневной поверхности. Он может быть синхронен основному сооружению или установлен значительно позднее.

Могилы комплексов расположены по линии север-юг (рис. 1: 2, 5). Позы погребённых людей в центральных могилах по причине разграбления установить невозможно, можно лишь предположить, что они лежали головой на запад. По-видимому, обе могилы являлись парными захоронениями. Боковые могилы курганов содержали погребения детей. В неповрежденном каменном ящике кургана 2 погребённый ребёнок лежал в типичной для алды-бельской культуры позе – на левом боку головой на запад.

По причине сильного разграбления при раскопках найдено незначительное количество инвентаря. Наибольший интерес представляют артефакты, относящиеся к поясной фурнитуре.

Предметы парадного пояса из могилы 1 кургана 1 могильника в своё время привлекли внимание специалистов. Фрагмент пояса и накладки впервые были опубликованы в ряде работ Вл. А. Семёнова [1997, рис. 26, 5; 2001, рис. 2, 13]. Вещи поясного набора из данного комплекса были кратко проанализированы одним из авторов настоящей работы [Монгуш, 2018, рис. 1–4].

Пояс (рис. 2: 2) состоял из кожаного ремня, сложенного вдвое по всей длине, фрагмент которого сохранился благодаря воздействию окислов бронзы от напущенных на него двух ажурных обойм и крепившейся к его концу бляхи. Обоймы имели узор в виде соединённых между собой параллельно поставленных четырёх деталей S-овидной формы на обеих сторонах обоймы (рис. 2: 2). Бляха, выполненная в виде стилизованной головы хищной птицы, крепилась к концу ремня. На её обороте с одного края располагалась петля, а с другого отлита запонка со шляпкой, с помощью которой она крепилась

к концу ремня. Фрагмент ремня на месте соединения бляхи требует подробного описания: он являлся продолжением той части, где были напущены ажурные обоймы, и был образован путём срезания ремня по длине, верхнему и нижнему торцам. Таким образом, образовывался узкий двухслойный ремешок, на конце которого имелся вырез для продевания запонки. Следует отметить, что участок узкого ремешка между петлёй и запонкой был оборван. В нижнем слое разрыв был небольшой, в верхней части – значительный, около 1 см. Верхний кусок ремня, надетый на запонку, имел каплевидную форму.

В литературе высказывались разные мнения по поводу фиксации этого фрагмента парадного пояса. К. В. Чугунов указывает, что фрагмент пояса из Демир-Суга II фиксировался встык или даже мог являться фурнитурой подвеса [Чугунов, 2016, с. 350]. П. И. Шульгой был предложен другой тип фиксации данного предмета. По аналогии со способом крепления парадных поясов из воинских погребений могильника Юйхуанмяо в Северном Китае, им указывалось, что справа на поясе должна находиться бляха с запонкой, а на противоположном конце – несколько отверстий под запонку для регулировки [Шульга, 2016, с. 145]. Однако высота стержня запонки на бляхе из Демир-Суга II составляет всего 5 мм, а толщина концевой петлевидной части, если допустить, что фрагмент узкого ремешка был целым во время эксплуатации, – 4 мм. В таком случае не остаётся места для прикрепления противоположной части пояса с отверстиями для регулировки. Кроме того, шляпковидная часть запонки, очевидно, является не очень удобной для быстрого закрепления и открепления пояса. Поэтому, на наш взгляд, данная бляха могла являться своеобразным наконечником ремня, на что правильно указывалось ещё Вл. А. Семёновым [2001, с. 170]. Что же касается способа ношения данного пояса, то, вероятнее всего, он носился подобно парадному поясу из могилы 5 элитного кургана Чинге-Тэй I, где правый конец свободно свисал с наконечником ремня и плотно

напущенными обоймами [Чугунов, 2016, рис. 174].

Следует подробно рассмотреть аналогии бронзовым элементам фрагмента из Демир-Суга II – наконечнику ремня и ажурным напускным обоймам. Наконечнику ремня (рис. 2: 2) имеется ряд соответствий в фурнитуре пояса и конской узды в раннескифское и скифское время. В частности, аналогичная бляха, но только уздечная, происходит из кургана 19 могильника Бойтыгем 2 (Горный Алтай), датированного первой четвертью VI в. до н.э. [Шульга, 2008, с. 171, 172, рис. 46, 2]. П. И. Шульга считает, что наконечник ремня из Демир-Суга II может быть концептуально сопоставлен с этим предметом. Действительно, данная уздечная застёжка также стилизована в виде головы хищной птицы, на обороте её с одного края расположена такая же петля, а в центре – Т-образный шпенёк для крепления [Там же]. Необходимо также отметить, что наконечник ремня из Демир-Суга II и приведённая выше уздечная застёжка из Бойтыгема 2 не являются единственными на территории Саяно-Алтая. На Алтае и в Хакасско-Минусинской котловине известно, по крайней мере, ещё несколько сходных по внешнему виду предметов, происходящих, правда, из случайных находок [Король, 2008, с. 317, прил. 10, табл. VIII (в центре); Макаров, 2011, рис. III, 19; Шульга, 2013, рис. 43, 30, 33 и, возможно, 31, 32]. Все эти предметы имеют аналогичную конфигурацию, но несколько отличную стилистику. В частности, на щитке имеются каплевидная прорезь и изогнутые клювовидные выступы.

Ажурные обоймы (рис. 2: 2) парадного пояса, очевидно, могут говорить о юго-восточных связях алды-бельской культуры Тувы [Чугунов, 2015]. В частности, аналогичные обоймы известны среди парадных поясов в указанном выше могильнике Юйхуанмяо (могилы М95, М230). Памятник датируется, по мнению П. И. Шульги, в рамках конца VII–VI вв. до н.э. [Шульга, 2015, с. 124, рис. 100]. Но, вместе с тем, единственные абсолютные аналогии обоймам пояса и портупей из могилы 5 кургана

Аржан-2 достаточно уверенно датируются серединой VII в. до н.э. [Чугунов, 2011, с. 330]. В определённом смысле это может говорить о существовании более ранних памятников, чем могильник Юйхуанмяо. Более того, следует отметить, что рассматриваемый памятник может датироваться, согласно мнению китайского археолога Хун Мэна, началом VI в. до н.э., основанием чему являются находки чжоуских бронзовых сосудов [Шульга, 2015, с. 114]. Но это, разумеется, не отменяет тесных контактов этих двух регионов. Следует отметить и другие находки предметов поясной фурнитуры, которые имеют определённое стилистическое сходство. Интересные бронзовые обоймы (рис. 4: 3, 4) с близким рассматриваемому нами декором происходят из двух алды-бельских памятников: первая находка была обнаружена в могиле 1 кургана 29 могильника Чинге II (раскопки И.У. Самбу 1972 г.), вторая – в могиле 2 кургана 6 могильника Усть-Хадынныг I (раскопки А.В. Виноградова 1977 г.).

Другие предметы поясной фурнитуры – две накладки и подвесная бляха. Подвесная бляха (рис. 2: 3) располагалась в скоплении костей у северной стенки могилы. Можно сказать, что находка является одним из часто встречаемых предметов парадных поясов воинских погребений алды-бельской культуры Тувы, определённо отражающих региональную специфику. На сегодняшний момент здесь известно 7 предметов из погребальных комплексов, изготовленных из бронзы и золота [Грач, 1980, рис. 86; Виноградов, 1980, рис. 1; Чугунов, 2016, рис. 165, А, 168, 7]. Очевидно, что к ним подвешивались предметы фурнитуры, подобно стремевидным обоймам пояса из могилы 5 Чинге-Тэя I [Чугунов, 2016, рис. 174, А]. Однако единичность этих находок среди наборных поясов алды-бельской культуры, безусловно, может указывать, что эти вещи демонстрировали определённый статус. Показательно, что в реконструкции облачения царя из кургана Аржан-2 Д. В. Поздняков продемонстрировал их без подвешенных предметов [Pozdnjakov, 2010, Abb. 225]. Достаточно

Рис. 4. Предметы поясной фурнитуры из комплексов алды-бельской культуры Тувы: 1, 2 – наклад-ки на пояс из кургана 17 могильника Куйлуг-Хем I; 3 – напускная обойма из могилы 1 кургана 29 могильника Чинге II; 4 – напускная обойма из могилы 2 кургана 6 могильника Усть-Хадынныг I

убедительным свидетельством этому предположению являются древнетюркские древности Южной Сибири и Центральной Азии, а именно такая интересная категория предметов парадных поясов, как лировидные подвески. Б. Б. Овчинникова, анализируя наборные пояса этого времени, прямо указывает, что лировидные подвески служили отличительным (ранговым) знаком социального статуса погребённого: были воинским знаком, определяющим род деятельности в войске, или даже служили символом содержателя большого табуна. Об этом убедительно могут говорить каменные изваяния древнетюркских воинов, где лировидные подвески изображены без крепившихся к ним предметов [Овчинникова, 1990, с. 39; Кызласов, 1969, рис. 26]. Разумеется, между раннескифским периодом и древнетюркским временем имеется значительный хронологический и культурный разрыв, который может объясняться, очевидно, феноменом (паттерном) цикличности, когда «воспроизведение отдельных элементов сложившегося культурного комплекса, как бы «перешагивающих» через историческую эпоху, и в том же самом или очень близком оформлении продолжающих существовать наряду с инновациями следующего исторического периода» [Савинов, 2013, с. 44]. За пределами Тувы подвесные бляхи в составе парадных поясов встречаются редко. Один предмет происходит из разграбленного кургана 31 могильника Южный Тагискен (Приаралье) [Итина, Яблонский, 1997, рис. 12, 1]. Авторы раскопок памятника называют этот предмет накладкой, однако очевидно, что это именно подвесная бляха парадного пояса. Кроме того, вместе с ней в могиле кургана найдены: бронзовая застёжка с перехватом посередине (очевидно, поясная), небольшая обойма, нашивная бляшка из золота, выполненная в виде профильной фигуры кошачьего хищника. Памятник датируется авторами от середины VI до начала V в. до н.э. [Там же, с. 70]. Однако предложенная датировка является завышенной. По мнению авторов статьи, хронологическая позиция этого комплекса может

находиться в рамках первой половины VI в. до н.э.

Накладки из Демир-Суга II (рис. 2: 4, 5) имеют S-овидный абрис, в центральной лицевой части – рельефный спиралевидный завиток, от которого отходят изогнутые треугольники; на обороте обеих имеются по две запонки. Они лежали в центре могилы вместе с бронзовым наконечником стрелы, железным ножом и клыком кабана. Ранее указывалось, что все они находились в положении *in situ* [Монгуш, 2018, с. 129], однако сильная разграбленность комплекса вынуждает говорить об этом с большой осторожностью. Две похожие накладки происходят из могилы 1 кургана 4 могильника Сыпучий Яр на правом берегу Улуг-Хема, датируемого не ранее рубежа VII–VI вв. до н.э. [Семёнов, 2001, с. 170]. На лицевой части этих находок имеются рельефные изображения головок хищных птиц, на обороте, как в случае с рассматриваемыми нами предметами, две запонки и выступы по центру [Там же, рис. 2, 3, 4]. Есть основания полагать, что выступы на этих накладках служили для фиксации узкого ремешка, проходящего по всей длине пояса, как в случае с напускными обоймами парадных поясов, на которых имеются такие детали [Чугунов, 2016, рис. 174]. Аналогичные по конструкции предметы также происходят из кургана 17 могильника Куйлуг-Хем I в Центральной Туве. В сильно ограбленном коллективном захоронении данного комплекса были найдены две разнотипные по оформлению накладки. На лицевой части первой имеются изображения перевёрнутых головок хищных птиц (рис. 4: 1), а на второй – такие же головки, но выполненные в более схематичной манере (рис. 4: 2). Из других находок в могиле кургана обнаружены бронзовая застёжка с навершием в виде головы хищной птицы (вероятно, поясная) и уникальный для Тувы и Саяно-Алтайского региона кинжал с почковидной гардой, сегментовидным навершием и рубчатой рукоятью. Хронологическая позиция памятника определена А. Д. Грачом в рамках усть-хемчикского этапа алды-бельской культуры, т.е. датиру-

ется VII–VI вв. до н.э. [Грач, 1980, рис. 84, 1]. Однако, общее рассмотрение инвентарного комплекса кургана, в частности кинжала, в определённом смысле может датировать комплекс последней четвертью VII в. до н.э. На это указывают отдалённые аналогии из ранних комплексов Казахстана, Приаралья и Нижнего Поволжья [Кадырбаев, 1966, рис. 66, 20, 21; Итина, Яблонский, 1997, рис. 44, 5, 55, 8, 9; Чугунов, 2011, с. 316; Дворниченко и др., 1997, рис. 5, 1, 2].

К сожалению, остальные находки из центральной могилы и сопроводительного захоронения кургана 1 – наконечники стрел, клык кабана (?), железный нож и предмет неизвестного назначения – в фонды музея не поступали.

В кургане 2 могильника Демир-Суг II из предметов поясной фурнитуры найдены наконечник ремня, концевая обойма и застёжка-«костылёк». Ременной наконечник (рис. 3: 2) имеет полукруглую форму, от верхнего торца выступает головка хищной птицы, расположенная горизонтально; в основании предмета выполнен фигурный вырез. В центре наконечника имеется отверстие для штифта, внутри, благодаря консервирующим свойствам бронзы, сохранился небольшой кусок кожи от ремня, сложенный вдвое. Концевая обойма (рис. 3: 3) тоже имеет полукруглую форму и фигурное основание, внутри которого также сохранилась полоска кожи. Единственным отличием предмета является прорезь, расположенная в верхнем торце для пропускания кожаного ремня. Застёжка-«костылёк» (рис. 3: 5) представляет собой круглый в сечении стержень с навершием в виде петли.

Интересны находки наконечника ремня и концевой обоймы (рис. 3: 2, 3). Они не имеют полных аналогий на территории Тувы. Близким по форме к рассматриваемым нами предметам можно считать ременной наконечник, обнаруженный в кургане 6 могильника Кызык-Телань I в Горном Алтае. Данный предмет имеет, в частности, фигурное основание, такое же, как у публикуемого наконечника. Памятник датируется первой половиной VI в. до н.э. [Шульга, 2008, с. 111, рис. 80, 1–8].

Следует также особо отметить прорезь на торцевой части концевой обоймы из кургана 2 могильника Демир-Суг II – аналогичное отверстие имеется у наконечника ремня пояса из главной могилы кургана Аржан-2 [Чугунов, 2016, рис. 165 (крайний в правом углу)].

Подвеска-«костылёк» (рис. 3: 5) является типичным предметом фурнитуры воинских погребений и, вероятно, служила застёжкой портупеи древкового рубящего оружия. Такие находки в Туве бытуют достаточно длительное время, со второй половины VII в. до н.э. до V в. до н.э. [Чугунов, 2007, с. 130, ил. 20, 8].

Из прочих находок этого комплекса в фонды музея поступили наконечник стрелы и двузвенные удила. Не сданы или утрачены: костяной черешковый наконечник стрелы, железный предмет неизвестного назначения, костяное шило (?) и бусины.

Представляют большой интерес находки удила и наконечника (рис. 3: 4, 6). Первый предмет (рис. 3: 4) лежал у северной стенки могилы. Он имеет разные окончания звеньев: левое в виде кольца, правое можно условно назвать «сердцевидным», поскольку верхний торец внешнего кольца был деформирован. Очевидно, он был когда-то кольчатый. Следует сказать, что обнаружение конского снаряжения в могиле является весьма примечательным. Не исключено, что удила случайно попали в могильную яму в ходе ограбления из так называемых ритуальных кладов-приношений, которые иногда устраивались на уровне древнего горизонта недалеко от центральной могилы [Грач, 1980, с. 25]. Вместе с тем, уникальный случай был отмечен в могильнике Эки-Оттуг 2 в 2012 г. В кургане 1 данного памятника, соотнесённого с поздним этапом алдыбельской культуры, клад конского снаряжения, включающий бронзовые удила с кольчатым окончанием (единственная пока аналогия рассматриваемому нами предмету), подпружную пряжку, блок и полусферическую бляху, находился под каменной плитой под головой младенца, захороненного в деревянной колоде. Ком-

плекс предварительно датируется VI–V вв. до н.э., но, возможно, нижняя граница памятника может находиться в пределах второй четверти или середины VI в. до н.э. [Килуновская и др., 2013, с. 211, рис. 36], поскольку клад конского снаряжения в общих чертах соответствует раннескифской традиции. Этому не противоречит, по нашему мнению, почти полная аналогия данным удилам с неотделённой рамкой повода (тип 2 по классификации П. И. Шульги) из указанного выше могильника Юйхуанмяо (из могилы M156, участка № 6) [Шульга, 2015, рис. 63, 8].

Еще один случай нахождения бронзовых удил с кольчатыми окончаниями был встречен в алды-бельском кургане 2 могильника Ээрбек 2. находка была обнаружена под насыпью комплекса. Автором раскопок памятник датируется в рамках VII–VI вв. до н.э., но нахождение в одной из могил черешковых наконечников стрел с трёхлопастной головкой позволяют сказать, что комплекс может датироваться в пределах рубежа VII–VI вв. до н.э. или начала VI в. до н.э. [Килуновская, 2014, с. 90, рис. 1, 2; 3, 6–12, 14, 15, 21].

Также есть основания считать удила из могилы 1 кургана 2 могильника Демир-Суг II предметом поясной фурнитуры. Об этом может говорить факт обнаружения удил вместе с парадным поясом в могиле 5 погребально-поминального комплекса Чинге-Тэй I. Удила в этом поясе были использованы для подвеса плети, на что указывают полностью сохранившиеся кожаные ремни [Чугунов, 2016, с. 350]. Это лишний раз подтверждает догадку П. И. Шульги о том, что конская фурнитура тесно связана с поясными наборами [Шульга, 2008, с. 106, 107].

Сильно повреждённый коррозией трёхлопастной наконечник стрелы с черешковым насадом (рис. 3: 6) из могилы является характерным для колчаных комплексов раннескифского времени Тувы и сопредельных регионов. Аналогичные находки происходят из ряда алды-бельских комплексов. К примеру, похожий наконечник был найден в кургане Аржан-2 в колчане могилы 20 комплекса, устроенного

на площади кургана во время постройки первичного каменного сооружения, т.е. датируемого третьей четвертью VII в. до н.э. [Чугунов, 2011, табл. 1, тип 2А3, табл. 3]. Самые поздние наконечники происходят из памятников первой половины VI в. до н.э., например, подобный наконечник был найден в комплекте стрел из кургана 9 могильника Куйлуг-Хем I [Грач, 1980, рис. 86 (крайний слева)]. За пределами тувинского региона наиболее близкие по конфигурации наконечники были обнаружены в кургане 57 могильника Южный Тагискен (VII–VI вв. до н.э.) [Итина, Яблонский, 1997, рис. 52, 3, 5].

Относительная хронология комплексов

Относительная хронология публикуемых в настоящей работе курганов могильника Демир-Суг II представляет большой интерес. Данный вопрос был подробно рассмотрен в отношении кургана 1. Ещё в монографии А. Д. Грача памятник относился к алды-бельской культуре, но без конкретной датировки. Очевидно, он рассматривался исследователем в общих рамках VII–VI вв. до н.э. [Грач, 1980, табл. 1]. А. Д. Таировым дважды ставился вопрос о синхронности данного объекта с курганом Аржан-2, т.е. должен датироваться второй половиной VII в. до н.э. Основанием для этого являлась почти полная аналогия ажурным обоймам из главной могилы данного элитного комплекса [Боталов, Таиров, 2010, с. 62; Таиров, 2015, с. 308]. Такая датировка была поддержана и одним из авторов настоящей работы [Монгуш, 2018, с. 130]. Однако хронологическая позиция памятника все же требует определённого пересмотра. Вероятно, аналогии накладкам из кургана 17 могильника Куйлуг-Хем могут указывать, что публикуемый памятник имеет узкую дату – на наш взгляд, это последняя четверть VII в. до н.э.

Вопрос о хронологической позиции кургана 2 не рассматривался специально. Необходимо отметить, что автор раскопок в отчёте об исследовании обоснованно относил памятник к раннескифскому времени Тувы, сопоставляя материалы кургана с известными на тот момент памятни-

ками алды-бельской культуры [Грач, 1971]. В целом, рассмотрение материального комплекса из центральной могилы кургана 2 могильника Демир-Суг II позволяет говорить об относительной хронологии комплекса более определённо, чем у кургана 1. Наконечник стрелы из могилы указывает на общую датировку памятника в рамках VII–VI вв. до н.э., но более узкая дата может находиться в пределах начала/первой половины VI в. до н.э. из-за нахождения там двузвенных удил, имеющих кольчатые окончания. На это в определённом смысле указывают материалы из Горного Алтая и упомянутых выше кладов конского снаряжения из Эки-Оттуга 2 и Эрбека 2 [Шульга, 2008, рис. 50, 21; Килуновская и др., 2013, рис. 36; Килуновская, 2014, с. 90; рис. 1, 2; 3, 6–12, 14, 15, 21].

В заключение настоящей публикации следует добавить несколько слов о структуре воинской субкультуры алды-бельской культуры Тувы. Новые материалы достаточно уверенно свидетельствуют,

что воинская прослойка алды-бельского общества была более неоднородной, чем представлялось ранее [Семёнов, 1992]. Можно условно выделить погребения воинской элиты и рядовых воинов. Маркерами первой категории являются парадные пояса с различной художественно оформленной металлической фурнитурой, кинжалы, пекторали из золота и бронзы (хотя нередко они обнаруживаются в женских могилах), различные украшения, подчёркивающие принадлежность к элите. Вторая категория характеризуется отсутствием перечисленного [см. например: Монгуш, Донгак, 2018, рис. 3]. Общим между ними является наличие комплекса вооружения дальнего и ближнего боя (чеканы, ножи, колчан со стрелами), оселков. При этом важно понимать, что «внешние признаки (устройство и величина надмогильных сооружений, внутреннее устройство погребальных камер) не выделяются из числа всех прочих, раскопанных в тех же могильниках» [Семёнов, 1992, с. 116].

Литература

- Виноградов А. В. Памятник алды-бельской культуры в Туве // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1980. С. 60–64.
- Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы // Учёные записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1971. Вып. XV. С. 93–106.
- Дворниченко В. В., Плахов В. В., Очир-Горяева М. А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // Российская археология. 1997. № 3. С. 127–141.
- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 214 с.
- Килуновская М. Е. Памятники раннескифского времени Тувы (по материалам раскопок ТАЭ в 2011–2013 гг.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы V Международной научной конференции. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2014. Ч. I. С. 88–92.
- Килуновская М. Е., Семёнов В. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции по трассе железной дороги Кызыл–Курагино // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2013. № 3. С. 197–222.
- Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 332 с. (Труды САИПИ. Вып. V).
- Макаров Н. П. Художественная бронза раннего железного века в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. Вып. 26. С. 68–76.
- Монгуш К. М. Ещё раз о фрагменте наборного пояса и фурнитуре к нему из погребения раннескифского времени могильника Демир-Суг II // Древние и средневековые культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. Материалы LVIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. С. 129–130.

- Монгуш К. М., Донгак А. А. Погребальный комплекс раннескифского времени долины реки Хут в Северной Туве // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. Вып. 8. С. 23–35.
- Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.
- Семёнов В. А. Воинские погребения ранних кочевников Тувы // Археологические вести. 1992. № 1. С. 116–125.
- Семёнов В. А. Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 167–172.
- Семёнов В. А. Монгун-Тайга (Археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг.). СПб.: ИИМК РАН, 1997. 48 с.
- Савинов Д. Г. К определению понятия «цикличность» в культурогенезе // Цикличность: динамика культуры и сохранение традиции. СПб: МАЭ РАН, 2013. С. 43–52. (Теория и методология архаики. Вып. 6).
- Таиров А. Д. Раннесакские боевые пояса // Российская археология. 2007. № 1. С. 140–146.
- Таиров А. Д., Боталов С. Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и прилегающих территорий. Сб. статей в честь 60-летия Л. Т. Яблонского. М.: «Таус», 2010. С. 393–334.
- Таиров А. Д. Комплекс раннесакского времени кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 300–319.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН, 1997. 187 с.
- Чугунов К. В. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры // А. В. Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-пресс, 2007. С. 123–144.
- Чугунов К. В. Ранние кочевники Саяно-Алтая и Северного Китая – к вопросу о культурных контактах // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Пекин, 2015. Том. 1. С. 237–242.
- Чугунов К. В. Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 336–356.
- Шульга П. И. О стилизованных образах орла и грифона VII–IV вв. до н.э. в Южной Сибири // История и культура Востока Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. Том II. С. 186–191.
- Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Часть. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.
- Шульга П. И. Могильник Юйхуанмяо в северном Китае (VII–VI вв. до н.э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 304 с.
- Шульга П. И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н. М. Мартыанова). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 149 с.
- Шульга П. И. Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2016. 258 с.
- Pozdnjakov D. V. Die Rekonstruktion der Tracht // Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstentkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. S. 211–216. (Archäologie in Eurasien; Band 26).

УДК 902/904

ПЕТРОГЛИФЫ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ УЛАЗЫ V НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

А. Н. Мухарева

*Музей-заповедник «Томская Писаница»;
Кемеровский государственный университет*

Статья посвящена наскальным изображениям местонахождения Улазы V и продолжает серию публикаций петроглифов одного из самых северных комплексов наскального искусства Минусинской котловины. Горный массив Улазы расположен на правом берегу Енисея (Красноярского водохранилища) в Новосёловском районе Красноярского края. Улазы V представляет собой самый компактный пункт среди всех, известных к настоящему времени в составе этого комплекса. Среди петроглифов местонахождения выявлены антропоморфные фигуры и изображения животных, хронологическая атрибуция которых пересмотрена в связи с новыми данными о петроглифах тесинского времени.

Ключевые слова: Средний Енисей, Улазы, петроглифы, наскальное искусство, документирование, атрибуция, тесинская культура

PETROGLYPHS OF THE ULAZY V ROCK ART SITE ON THE MIDDLE YENISEI

A. N. Mukhareva

*Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa";
Kemerovo State University*

The article is focused on the rock art of Ulazy V site and continues a series of publications of petroglyphs of one of the most northern rock art complexes in the Minusinsk Basin. The Ulazy mountain range is located on the right bank of the Yenisei (Krasnoyarsk reservoir) in Novosyolovo district of Krasnoyarsk Territory. Ulazy V is the most compact of all currently known parts of this complex. Among the petroglyphs of the location, anthropomorphic figures and images of animals were revealed, the chronological attribution of which was revised in connection with new data on the petroglyphs of the Tes' period.

Keywords: the Middle Yenisei, Ulazy, petroglyphs, rock art, documentation, attribution, Tes' culture

Улазы V – одно из семи местонахождений, известных к настоящему времени в составе крупного комплекса наскального искусства, расположенного на правом берегу Енисея (Красноярского водохранилища) в Новосёловском районе Красноярского края (рис. 1). Напротив памятника, на противоположном берегу, находится с. Новосёлово, а в 4 км выше по течению – паромная переправа. Комплекс Улазы образует цепочка гор, которая тянется перпендикулярно водохранилищу с запада на восток (рис. 1: 3). Петроглифы встречаются как на вертикальных выходах, имеющих на юго-западных оконечностях гор, так и

на горизонтальных, сосредоточенных на вершинах некоторых из них.

Улазы V – самый компактный из пунктов (рис. 2), локализованный юго-восточнее местонахождения Улазы IV, во внутренних логах скального массива. Выходы девонского песчаника образуют несколько ярусов на южном склоне горы, который спускается к небольшой речке Каменушке, пересыхающей в жаркое время года. Впервые это местонахождение было нами осмотрено в 2004 г., после чего многофигурная композиция на одной из плоскостей Улазы V была опубликована наряду со сценами других пунктов комплекса [Леонтьев, Ми-

квашевич, Мухарева, 2005, рис. III, V]. Повторный осмотр памятника был предпринят в 2015 г., а в 2017 г. проводилось документирование всех выявленных петроглифов. Помимо копирования и фотофиксации наскальных изображений осуществлялось их картографирование, индексация, а также документирование повреждений.

Всего в ходе обследования было выявлено четыре плоскости с изображениями (рис. 3–7). Все они зафиксированы на верхнем ярусе горы; при осмотре других ярусов, расположенных ниже, рисунков обнаружить не удалось. Однако, исходя из неудовлетворительной сохранности плоскостей с петроглифами, нельзя исключать, что изначально их было больше. Исследование состояния сохранности памятника показало, что деструкция изображений

происходила, прежде всего, в результате разрушения скальных плоскостей трещинами (рис. 3–7), из-за отслоения и утрат фрагментов скальной корки (рис. 3, 4, 6), а также выветривания (рис. 4, 6), как бы сглаживающего рисунки, выбитые на мягком песчанике. Например, из-за последнего фактора стали едва заметны антропоморфная фигура на плоскости 2 (рис. 4: 2) и некоторые из зооморфных изображений на плоскости 3 (рис. 6: 1, 3). Несмотря на значительную удалённость местонахождения и от дороги, и от береговой линии, имеются повреждения антропогенного характера. Они представлены следами крупных выбоин, нанесённых поверх изображений на плоскости 4 (рис. 7), а также сравнительно недавно процарапанными на этой же плоскости буквами.

Рис. 1. Скальный массив Улазы: 1 – общий вид с юго-запада с указанием расположения местонахождений I–VII; 2 – расположение комплекса на карте; 3 – расположение местонахождений Улазы I–VII на спутниковом снимке

Все рисунки выполнены в технике выбивки (пикетажа), тем не менее, на двух плоскостях удалось зафиксировать едва заметные гравированные линии, не складывающиеся в фигуры. Ниже приводятся описания плоскостей с петроглифами (нумерация осуществлялась с запада на восток) и каталог изображений.

Плоскость 1 (рис. 3). Большая длинная плоскость с изображением животного, отдельными выбоинами и гравированными линиями в нижней левой её части, ориентированная на запад с небольшим отклонением к юго-западу. Прикрыта скальным карнизом. Пикетаж. Выбоины довольно

редкие, неглубокие, по цвету не отличаются от скальной поверхности.

Плоскость 2 (рис. 4). Большая плоскость с изображением антропоморфной (?) фигуры, сохранившейся частично, и следами выбивки. Ориентирована на юго-восток с небольшим отклонением к востоку, частично прикрыта скальным карнизом. Пикетаж. Характер выбоин не прослеживается (антропоморфная (?) фигура); нечастые, продолговатой формы, средней величины (следы выбивки); по цвету не отличаются от скальной поверхности. Имеются многочисленные трещины и места отслоения скальной корки.

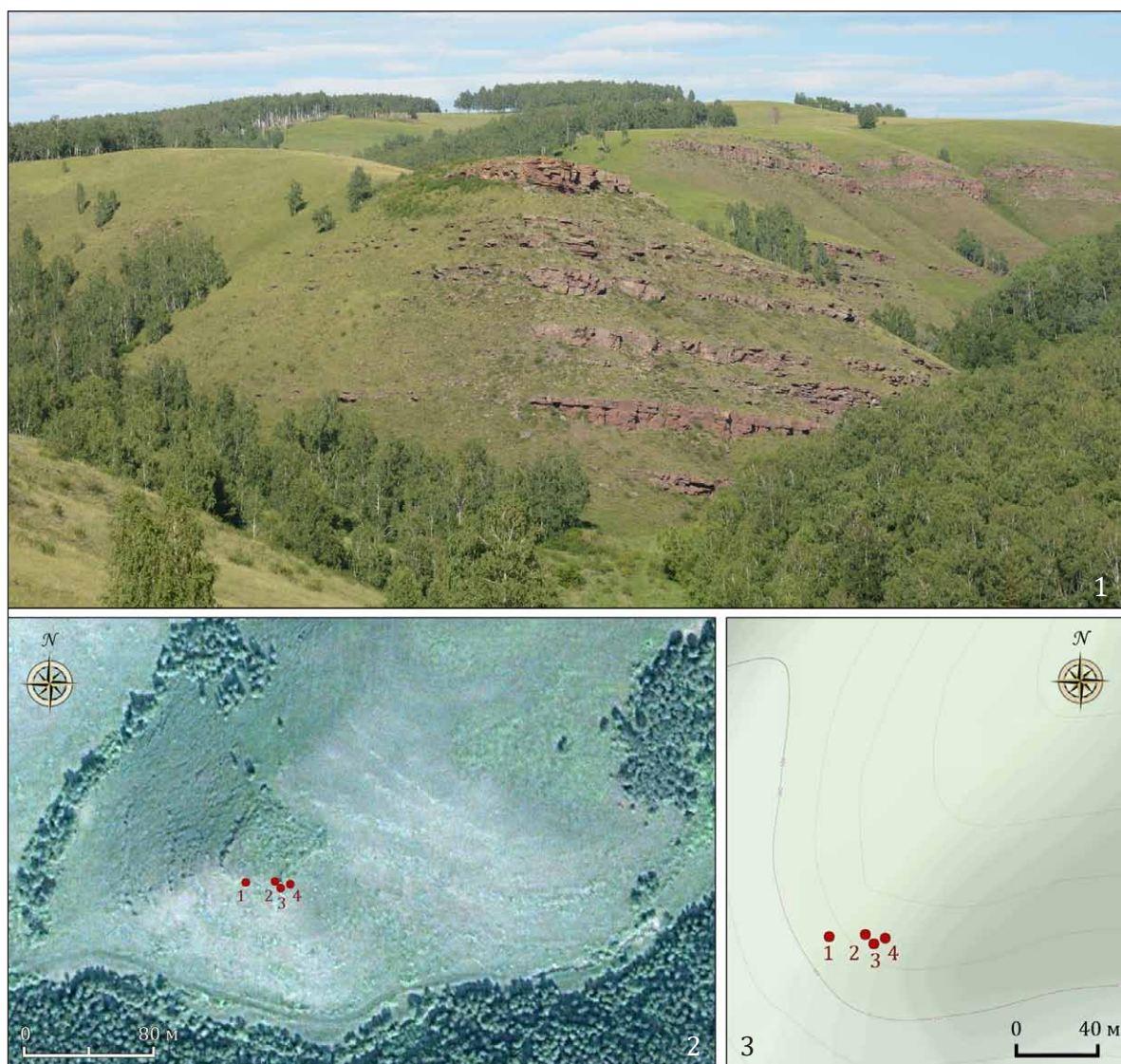

Рис. 2. Местонахождение Улазы V: 1 – общий вид с юго-запада, фото 2015 г.; 2 – спутниковый снимок SASPlanet с обозначением скальных плоскостей с петроглифами; 3 – ситуационный план расположения плоскостей с петроглифами

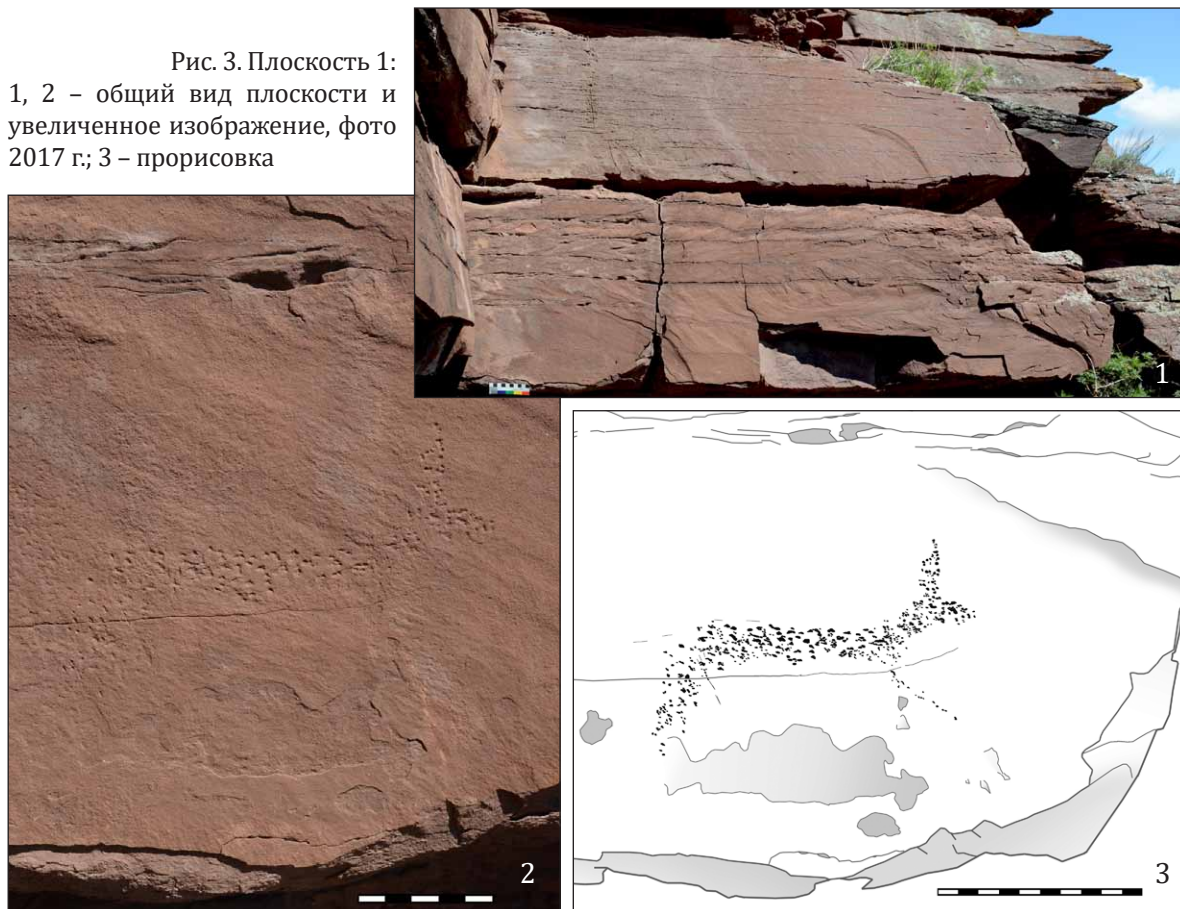
Плоскость 3 (рис. 5, 6). Большая плоскость с изображениями копытных животных, неопределённых фигур и гравированных линий, ориентированная на западо-юго-запад, частично прикрытая скальным карнизом. Пикетаж. Выбоины частые, средней величины (две антропоморфные фигуры и животное) и мелкие (незавершённая антропоморфная фигура), по цвету не отличаются от скальной поверхности. Петроглифы сосредоточены в левой части плоскости, в некоторых местах перекрыты кальцитовым натёком, контуры отдельных фигур сглажены из-за выветривания и едва прослеживаются. Правая часть грани покрыта лишайниками и в значительной степени выветрена.

Плоскость 4 (рис. 7). Длинный выход, в правой части которого изображены зооморфная и антропоморфные фигуры, в левой – следы выбивки. Плоскость расположена перпендикулярно плоскости 3, прикрыта скальным карнизом, имеет выпуклую форму: левая её часть ориенти-

рована на восток, а правая – на юго-восток с небольшим отклонением к востоку. Пикетаж. Выбоины частые, средней величины (две антропоморфные фигуры и животное) и мелкие (незавершённая антропоморфная фигура), по цвету не отличаются от скальной поверхности. В правой части плоскости фиксируются крупные выбоины, беспорядочно нанесённые поверх изображений; в левой – процарапаны современные буквы. Имеются многочисленные сколы и трещины.

В целом, среди сохранившихся изображений наибольший интерес представляют схематичные фигуры копытных животных, выполненные в единой линейной манере на плоскости 3. Стилистическое своеобразие этих рисунков состоит в том, что линиями одинаковой толщины переданы прямой или слегка изогнутый корпус и две ноги животного. Небольшая голова с ушами завершает линию шеи, являющуюся продолжением корпуса. Плавные переходы линий создают ощущение того, что фигура

Рис. 3. Плоскость 1:
1, 2 – общий вид плоскости и
увеличенное изображение, фото
2017 г.; 3 – прорисовка

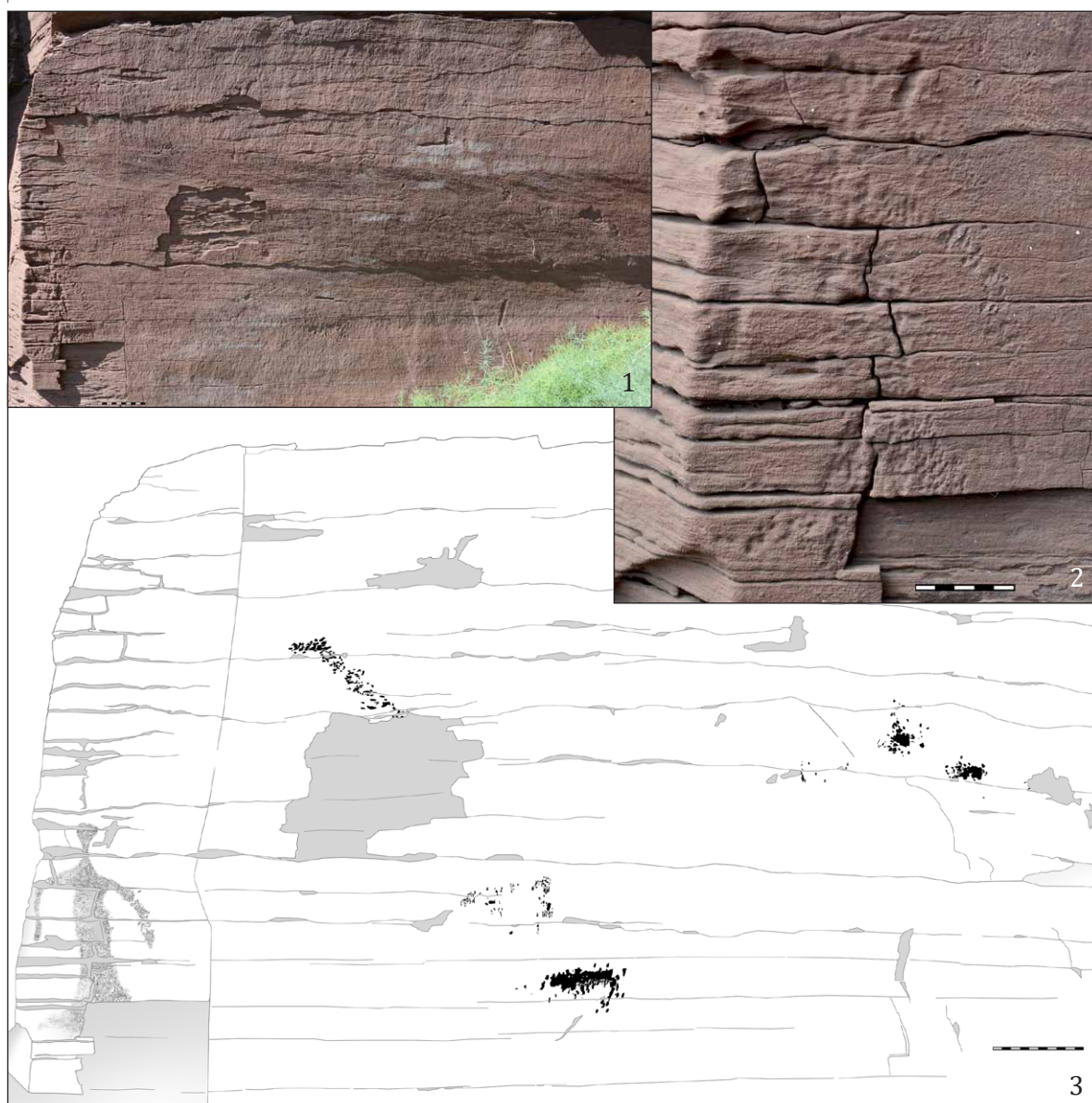

Рис. 4. Плоскость 2: 1 – общий вид плоскости, фото 2017 г.; 2 – увеличенное изображение антропоморфной (?) фигуры, «сглаженное» выветриванием, фото 2015 г.; 3 – прорисовка

Рис. 5. Плоскость 3 (общий вид), фото 2017 г.

Рис. 6. Плоскость 3:
1, 3 – левая часть плоскости и увеличенные изображения фигур, «сглаженных» выветриванием, фото 2017 г.; 2 – прорисовка

Рис. 7.
Плоскость 4:
1, 2 – общий вид
плоскости и
увеличенное
изображение,
фото 2017 г.;
3 – прорисовка

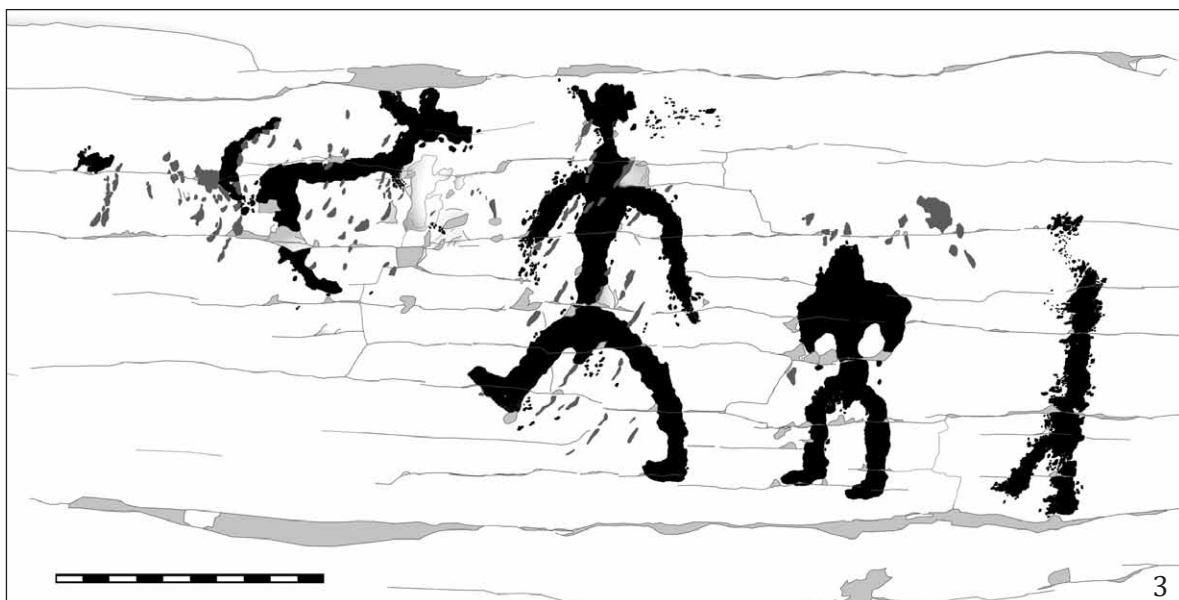
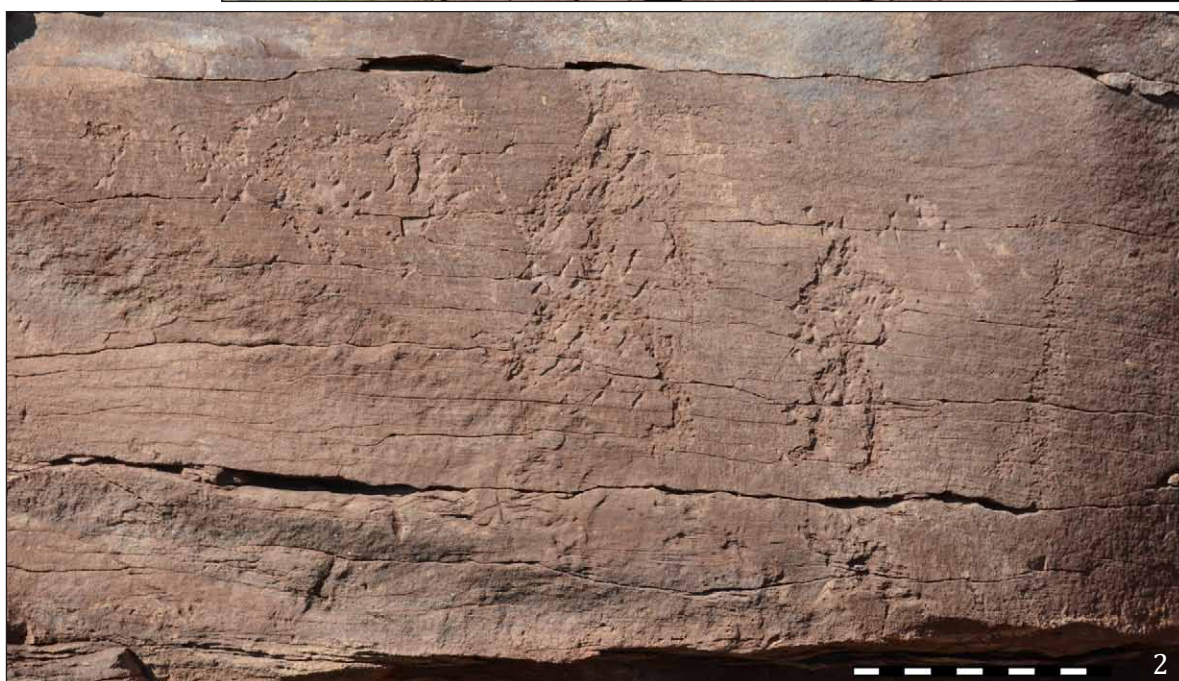

Рис. 8. Зооморфные фигуры в линейном стиле на камнях оград тагарских курганов (1–3) и плитке из тесинской могилы (4): 1, 2 – Малинов-ый Лог, фото 2015 г.; 3 – Яновская, фото 2019 г.; 4 – Есино IV, по: [Паульс, 1989, рис. 72]

выполнена на одном дыхании, без отрыва инструмента от каменной поверхности.

Следует отметить, что подобных изображений на улазинских скалах немало и, помимо вышеуказанного пункта, они также нанесены на вертикальные плоскости, расположенные на верхних ярусах местонахождений Улазы III и IV. Однако они не были обнаружены ни в ходе обследования горы Большой Улаз, ни при расчистке от лишайников многочисленных горизон-

тальных плоскостей с рисунками, выявленных на памятнике в недавнее время.

При первой публикации изображений плоскости 3 все фигуры, выполненные в линейном стиле, были отнесены нами к эпохе поздней бронзы. Такая атрибуция была выполнена по аналогиям на плитах из могильников этого периода и скалах других памятников Минусинской котловины, а также на основе характерного для этого периода композиционного размещения фигур «стройными рядами» [Леонтьев, Миклашевич, Мухарева, 2005, с. 121, 124]. В настоящее время некоторые обстоятельства заставляют пересмотреть датировку этих петроглифов.

Давно очевидно, что среди изображений эпохи поздней бронзы Минусинской котловины нет стилистического единства [Советова, Миклашевич, 1999, с. 62; Ковалёва, 2011, с. 32–36; и др.]. При этом исследователи не исключают того, что не все зооморфные фигуры, изначально определяемые как «карасукские», на самом деле являются таковыми [Савинов, 2009, с. 90]. Не углубляясь в данную тему, отметим лишь, что при общей моделировке туловищ животных прямой линией, переходящей в шею, и маленькой голове, некоторые фигуры, относимые к этому хронологическому пласту, отличает наличие двух ног, вместо четырёх. По мнению Д. Г. Савинова, такая особенность среди изображений поздней бронзы встречается значительно реже [Савинов, 1993, с. 68] и, как мы полагаем, не подкрепляется достаточно убедительными примерами их «карасукского» возраста. Дело в том, что фигуры в подобном стиле, насколько возможно судить по опубликованным материалам, кроме открытых скальных плоскостей, в большом количестве известны на плитах оград тагарских курганов (рис. 8: 1–3). Такое расположение рисунков не только не подтверждает их вторичного переиспользования тагарцами, но и не исключает появления на курганных камнях уже после сооружения погребальных объектов.

Ещё более убедительно опровергают «карасукский» возраст подобных изображений некоторые сцены на памятниках наскального искусства. Прежде всего те,

в которых животные представлены в общих композициях с жилищами и котлами (рис. 9: 1), как, например, в петроглифах Оглахты IV, справедливо помещённых Е. А. Миклашевич в культурно-хронологической таблице групп наскального искусства комплекса Оглахты между рисунками тагарского и таштыкского периодов [Миклашевич, 2015, рис. 16]. На увеличенном фрагменте уточнённой прорисовки этой сцены [Там же, рис. 7: 5, 6] видно, что первоначально на плоскости было выбито изображение жилища, а уже потом друг за другом в несколько рядов нанесены фигуры животных, два из которых частично жилище перекрывают. Такой контекст красноречиво передвигает возраст петроглифов Улазы V, выполненных в подобном стиле и

композиционном расположении, на тысячелетие, позволяя соотносить их с тесинским временем. Не противоречит этому и сцена, выявленная на местонахождении Улазы IV, где на небольшой вертикальной плоскости копытные, выбитые в линейной манере, как бы вписаны между антропоморфных фигур, вооружённых луками и чеканами (рис. 9: 2). Вытянутые в длину пропорции антропоморфных персонажей, их подчёркнутые ступни и миниатюрные предметы вооружения также позволяют определить время создания всей композиции в пределах конца I тыс. до н.э. Аналогичные антропоморфные изображения на других памятниках Среднего Енисея исследователи также связывают с тесинским временем [Русакова, 2016, рис. 5; и др.].

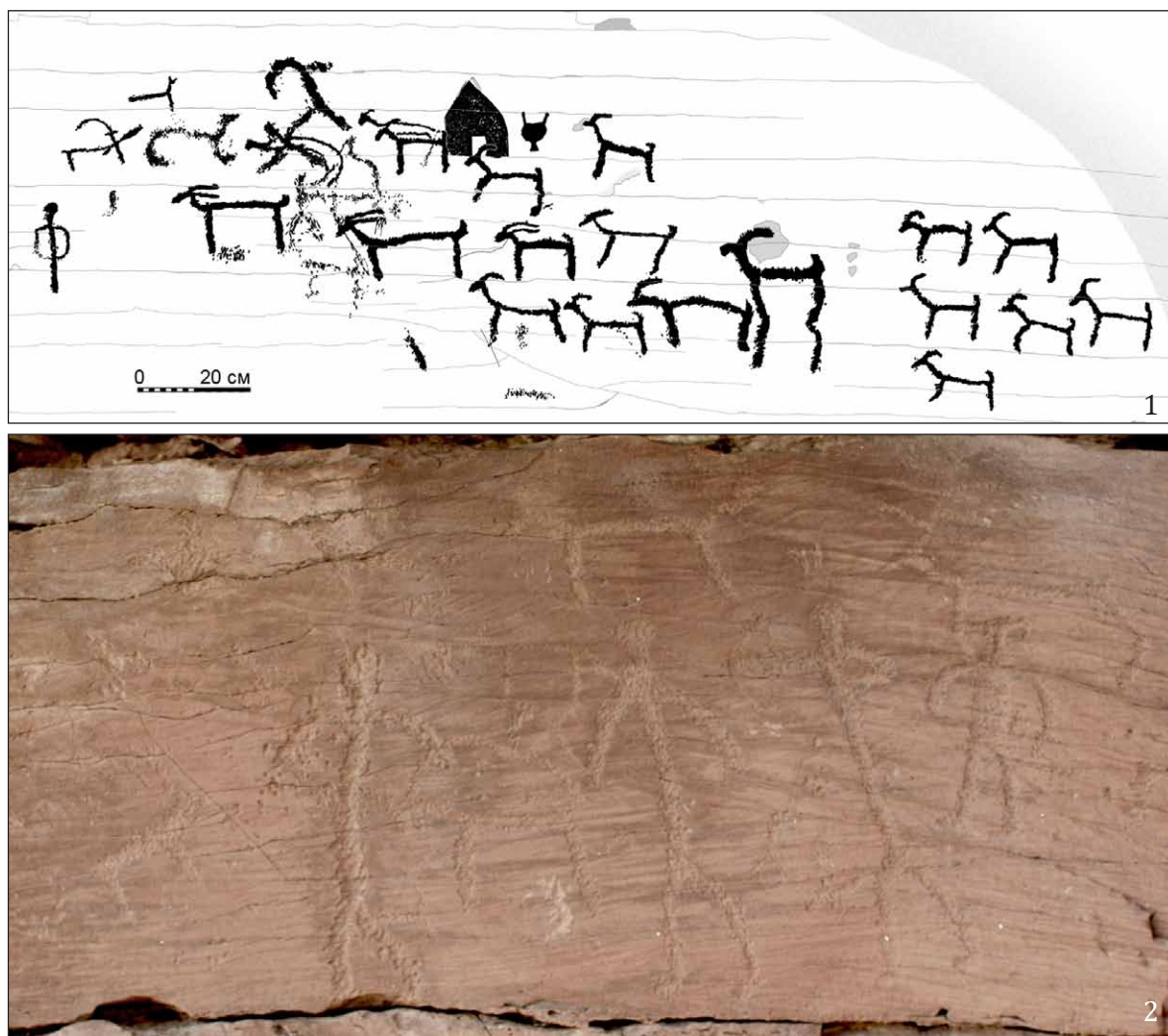

Рис. 9. Зооморфные фигуры в линейном стиле на скальных плоскостях Оглахты IV (1) и Улазы IV (2): 1 – прорисовка по: [Миклашевич, 2015, рис. 7: 4]; 2 – фото 2012 г.

О появлении на скалах изображений животных в линейном стиле именно в тесинское время свидетельствуют и некоторые материалы из закрытых комплексов. Например, плитки со схематичными фигурами животных были обнаружены при раскопках комплексов Есино III [Савинов, 2009, с. 155, 156, табл. XLVIII, 6] и Есино IV [Паульс, 1989, с. 8, рис. 72]. Изображения на плитках из тесинских могил (рис. 8: 4) по манере исполнения аналогичны вышеописанным петроглифам на скалах (рис. 5, 6, 9) и камнях оград тагарских курганов (рис. 8: 1–3), где их особенно много. При этом исследователи уже неоднократно отмечали факт нанесения тесинцами огромного количества изображений на плиты более ранних погребальных объектов [Миклашевич, Бове, 2015, с. 60], что объясняет избытие подобных рисунков на курганных камнях тагарских памятников.

Таким образом, известные в настоящее время материалы позволяют пересмотреть

датировку серии улазинских зооморфных петроглифов, выполненных в линейном стиле, и связать их с тесинским населением, погребальные памятники которого известны на противоположном берегу Енисея (Красноярского водохранилища) в нескольких километрах от крупнейшего в этом районе комплекса наскального искусства [Кузьмин, 2011, с. 55–57]. Среди других петроглифов местонахождения Улазы V наиболее близким по стилю вышеописанным рисункам является изображение животного на плоскости 4, вероятно, выбитое в тот же хронологический период. Не исключено, что антропоморфные фигуры на этой плоскости ему одновременно, о чём свидетельствуют одинаковые техника нанесения изображений и интенсивность патины. Атрибуцию одиночных фигур на плоскостях 1 и 2, в связи с отсутствием у них выраженных стилистических особенностей, достоверно выполнить затруднительно.

Источники

Паульс Е. Д. Отчёт о раскопках у села Полтаков Аскизского района Хакасии в 1988 г. Ленинград, 1989 // Архив ИА РАН, Р-1, № 13404.

Литература

Ковалёва О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2011. 160 с.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб: Айсинг, 2011. 456 с.

Леонтьев Н. В., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Памятник наскального искусства Улазы на севере Минусинской котловины // Археология Южной Сибири. Сборник научных трудов, посвящённый 60-летию со дня рождения В. В. Боброва. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. Вып. 23. С. 120–132.

Миклашевич Е. А. Комплекс памятников наскального искусства Оглахты: информационный потенциал и перспективы исследования // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 1 (9). С. 54–76.

Миклашевич Е. А., Бове Л. Л. Исследование изображений на курганных плитах могильников под горой Бычиха (Минусинская котловина) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 1. С. 52–64.

Русакова И. Д. К вопросу о датировке петроглифов раннего железного века (на примере петроглифов Боярского хребта в Хакасии) // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 173–181.

Савинов Д. Г. Изображения эпохи бронзы на плитах тагарских курганов юга Минусинской котловины // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово: КемГУ, 1993. С. 61–73.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2009. 226 с.

Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: КемГУ, 1999. С. 47–74.

УДК 903.01/.09

ОБ ЭЛЕМЕНТНОМ СОСТАВЕ МЕТАЛЛА ЗЕРКАЛ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А. С. Савельева

Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН

В статье приведены новые данные элементного состава медно-бронзовых зеркал тагарской культуры северо-западной лесостепи. Изложены результаты исследования металла зеркал как одной из массовых категорий погребального инвентаря тагарской культуры с учётом таких признаков, как диаметр и конфигурация петельки. Выявлена последовательность смен соотношений рецептур сплавов. Выводы основаны на данных о составе металла 66 зеркал из семи памятников северо-западного лесостепного района тагарской культуры. Установлено, что зеркала подгорновских комплексов медные; биджинских – из оловянистой бронзы; для развитого этапа характерны зеркала из оловянистой бронзы; на заключительном этапе наблюдается снижение доли зеркал из оловянистой бронзы и рост числа зеркал из меди и мышьяковистой бронзы; в переходный период преобладают медные экземпляры. Сравнение с металлом зеркал из памятников минусинского района культуры показало сходство типов сплавов, происходящих из биджинских комплексов, и отличия металла зеркал, датированных развитым (сарагашенским) этапом – в металле минусинских зеркал этого времени выше доля сплавов, легированных свинцом.

Ключевые слова: зеркала, атомно-эмиссионный спектральный анализ, элементный состав, химико-металлургические группы, тагарская культура, северо-западный лесостепной район

ON THE ELEMENTAL COMPOSITION OF THE METAL OF TAGAR MIRRORS

A. S. Savelyeva

Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, SB RAS

The paper presents new data on the elemental composition of copper-bronze mirrors of the Tagar culture from the sites of northwestern forest-steppe. The author outlines the results of studying metal of mirrors as one of the mass category of the Tagar funeral inventory, taking into account such features as the diameter and configuration of the eyelet. The research identified the sequence of changes in alloy formula. The conclusions are based on data of the metal composition of 66 mirrors from 7 sites of northwestern forest-steppe area. It was found that the Podgornovsk mirrors are made of copper; the Bidginsk mirrors are made of tin bronze; the advanced stage of the Tagar culture is characterized by mirrors from tin bronze; at the final stage a decrease in the proportion of the tin bronze mirrors and increase in the number of copper and arsenic bronze mirrors are observed; in the transitional period the copper specimens prevail. The comparison with the metal mirrors from the Minusinsk area sites demonstrated the similarity of alloy types from the Bidginsk burials and the differences between metal mirrors of advanced (Saragash) stage – in the metal of Minusinsk mirrors of this time the proportion of lead alloys is higher.

Keywords: mirrors, ICP OES analysis, elemental composition, chemical and metallurgical groups, the Tagar culture, northwestern forest-steppe area

*Исследование выполнено в рамках Государственного задания
Министерства науки и высшего образования Российской Федерации
№ 0352-2019-0006 ЕГИСУ АААА-А17-117041410051-7 проект XII.186.
Социокультурное пространство в лесостепи Западной Сибири (ранний и поздний голоцен).*

Одним из направлений исследования материальной культуры тагарского общества выступает изучение его производственных традиций посредством анализа элементного состава бронз. Состав металла медно-бронзовых зеркал из семи памятников тагарской культуры северо-западного лесостепного района установлен методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой. Находки происходят из разновременных погребальных комплексов, что позволяет проследить хронологические изменения рецептур сплавов на медной основе. К изучаемым материалам применена периодизация тагарской культуры северной лесостепи В. В. Боброва [2011], выделившего ранний, развитый и заключительный этапы культуры. В рамках раннего этапа обособленно рассматриваются зеркала из второй группы биджинских комплексов, бытовавших в финале раннего и начале среднего (развитого) этапов тагарской культуры [Герман, 2017]. Зеркала из одиночного кургана Алчедат I определяются как принадлежащие к переходному тагаро-таштыкскому периоду. Исследованные находки хранятся в Кемеровском областном краеведческом музее и Музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (автор выражает признательность директору музея, канд. культурологии Н. А. Белоусовой и зав. отделом археологии Л. Ю. Бобровой за всестороннюю помощь в работе с коллекциями).

Изучению зеркал разных исторических эпох и территориального распространения посвящён целый ряд работ [например: Тишкин, Серёгин, 2011; Фиалко, 2011; Вагнер, 2012; Тишкин, Серёгин, 2018]. По мнению учёных, в Сибири эта категория находок появляется в середине II тыс. до н.э. в комплексах андроновского времени и затем широко распространяется в течение последующих карасукского и тагарского периодов [Боковенко и др., 1999]. Зеркала «являются характерной принадлежностью предметного комплекса практически всех саяно-алтайских культур раннего скифского и классического скифского периодов» [Худяков и др., 2012, с. 120].

История изучения состава металла тагарских медно-бронзовых зеркал

Первые данные о составе металла зеркал тагарской культуры получены методом количественного спектрального анализа в 1960-х гг. В 1963 г. И. В. Богдановой-Березовской были опубликованы данные элементного состава металла 21 медно-бронзового зеркала из Минусинской котловины [Богданова-Березовская, 1963]. Ею выделены три типа сплавов зеркал (мышьяковистая, мышьяково-оловянистая и оловянистая бронзы) и восемь изделий рассмотрены вне групп – по причине колебаний концентраций «не только основных компонентов сплава, но и ряда сопутствующих элементов, таких, как свинец, сурьма, висмут» [Богданова-Березовская, 1963, с. 128].

По более поздним данным, обобщённым самой И. В. Богдановой-Березовской, тагарские зеркала Минусинской котловины преимущественно изготовлены из мышьяково-оловянистой бронзы (Sn 4–5 %; As 1–5 %; Pb 0,1–0,2 %) и оловянистой бронзы (Sn 1–9 %; As 0,1–0,2 %; Pb до 0,2 %) [Богданова-Березовская, 1975, с. 132; табл. 1]. Особо подчеркнуто, что «в отличие от других изделий следует отметить отсутствие (во всех случаях) подгруппы «а» с характерным для неё наличием свинца (1–2 %)» [Богданова-Березовская, 1975, с. 132]. Между тем, в публикации 1963 г. в составе металла двух зеркал всё же была отмечена концентрация свинца 2 %, обозначенная как высокая [Богданова-Березовская, 1963, с. 128].

В статье А. И. Мартынова и И. В. Богдановой-Березовской [1966] опубликованы данные элементного состава металла зеркал тагарской культуры из памятников северо-западного района. В тексте приведены сведения об анализе 26 зеркал из курганных могильников Ягуня, Кондрашка и Большепичугино. Авторами замечено, что «зеркала значительно отличаются в цвете: от красно-медных до серебристо-серых с матовым блеском поверхности» [Мартынов, Богданова-Березовская, 1966, с. 100].

Металл зеркал распределён по типам сплавов. Шесть зеркал из Ягуни и одно из

Большепичугино оказались медными. Для металла такого типа характерны концентрации Cu 98–99 %; Sn 0,1–0,5 %; Pb 0,1–0,4 %; As 0,1–0,5 %; Ag и Bi до 0,4 %; Ni до 0,04 %; Fe до 0,8 %. Основываясь на постоянстве количественного содержания примесей, авторами высказано предположение о том, «что все эти предметы отливались из медной руды одного или нескольких близких по качеству месторождений» [Мартынов, Богданова-Березовская, 1966, с. 84].

Два зеркала из могильника Ягуня изготовлены из I типа сплава – мышьяковистой бронзы. Для такого металла характерны концентрации As 1–1,5 %; Sn 0,01–0,5 %; Bi до 0,1 %; Ni 0,01–0,06 %; Sb до 0,2 %; Fe 0,01–0,4 %.

14 экземпляров зеркал изготовлены из III типа сплава – оловянистой бронзы (девять из Ягуни, все три из Кондрашки, два из Большепичугино). А. И. Мартыновым и И. В. Богдановой-Березовской такая бронза определяется как высококачественная и наиболее распространённая в тагарскую эпоху [Мартынов, Богданова-Березовская, 1966, с. 86].

Три зеркала из могильника Ягуня – из оловянистой бронзы с повышенными концентрациями свинца от 1 до 1,3 процентов (тип сплава IIIa), относительно которых высказана идея об их специальном введении в металл [Мартынов, Богданова-Березовская, 1966, с. 86].

В 1978 г. С. С. Миняевым были опубликованы результаты спектрального анализа металла предметов Косогольского клада. В число проанализированных находок вошло одно зеркало – с кнопкой на четырёх ножках [Миняев, 1978, с. 27]. В составе его металла выявлены 1,5 % мышьяка, 1 % сурьмы, концентрации остальных элементов, не превышающие 0,3 % [Миняев, 1978, табл. 1]. По данным С. С. Миняева, зеркало имеет аналогии в памятниках VIII–III вв. до н.э. Минусинской котловины и соседних территорий, а его сплав отнесён к III типу – мышьяковистым бронзам [Миняев, 1978, с. 32, 39].

Данные о составе металла зеркал из памятников Среднего Енисея содержатся

в публикациях С. В. Хаврина [Хаврин, 2000; 2001; 2007]. Изученные им методом рентгенофлуоресцентного анализа поверхности 32 зеркала происходят из подгорновских, биджинских и сарагашенских погребальных комплексов могильников Бейка, Жемчужный I, Катюшкино, Луговое, Станция Аскиз (ПМК-6), Тигир Тайджан IV, Топаново.

Таким образом, в качестве самостоятельного источника информация о рецептуре бронз тагарских зеркал рассматривалась только в работах И. В. Богдановой-Березовской в 1960-х – 1970-х гг. [Богданова-Березовская, 1963; 1975]. С тех пор не только пополнился объём данных об элементном составе медно-бронзовых зеркал тагарской культуры, но и усовершенствовались методы анализа элементного состава археологического металла в целом. Оба фактора актуализируют проблематику состава металла такой категории тагарского инвентаря, как зеркала, обращение к которой перспективно также в связи с хронологической и территориальной неоднородностью тагарской культуры.

Материалы

Зеркала из памятников северо-западного лесостепного района тагарской культуры, состав металла которых установлен, представлены двумя типами – медалевидные (с ручкой) и дисковые (с петелькой). В числе последних самостоятельно рассматриваются орнаментированные зеркала.

Два зеркала раннего этапа тагарской культуры, происходящие из могильника Косоголь II (раскопки А. И. Мартынова, 1985 г.) [Мартынов, 1986], рассматриваются в рамках подгорновских погребальных комплексов (ПК) раннего этапа тагарской культуры. Зеркала дисковые, с полукруглой петелькой: № 56/6 имеет диаметр 80 мм, № 56/52 – диаметр 77 мм. Такие зеркала – по терминологии А. И. Мартынова, «дужковые крупные» [Мартынов, 1979, с. 54] – характерны для наиболее ранних лесостепных погребальных комплексов тагарской культуры, они «ничем не отличаются от предшествующих андроновских» [Мартынов, Богданова-Березовская, 1966, с. 75].

Обособленно в рамках раннего этапа рассматриваются зеркала из биджинских погребальных комплексов (БК). Такими являются пять зеркал из погребений могильника Серебряково I (раскопки А. И. Мартынова, 1969 г.) [Мартынов, Бобров, 1971] (результаты элементного анализа зеркал из могильника Серебряково I частично опубликованы: [Савельева, Герман, 2016]). Все зеркала дисковые, диаметрами от 64 до 79 мм. В центре дисков помещены петельки (№ 61/230, 61/363, 61/364, 61/376). У зеркала № 61/295 на месте петельки – небольшое круглое отверстие.

Тем же временем датированы два зеркала из могильника Берёзовского (раскопки А. И. Мартынова, 1977, 1979 гг.) [Мартынов, 1978; 1980]. Оба зеркала дисковые: № 27/105 с двумя отверстиями в центре, диаметр диска 65 мм; № 27/108 с подпрямоугольной массивной петелькой, диаметр диска 85 мм.

Еще одно зеркало из биджинского погребального комплекса раннего этапа тагарской культуры происходит из могильника Большепичугино (раскопки П. В. Германа, 2016 г.). Зеркало № 28 дисковое, с полукруглой петелькой, диаметром 88 мм.

Таким образом, всего из биджинских комплексов раннего этапа проанализирован металл восьми зеркал.

Наиболее многочисленны проанализированные экземпляры зеркал из погребений развитого этапа тагарской культуры. К ним относятся 22 зеркала из могильника Серебряково I. Зеркала № 61/77, 61/82, 61/83, 61/115, 61/154, 61/198, 61/199, 61/242, 61/311, 61/319, 61/405, 61/416 дисковые, с полукруглыми петельками. Зеркала № 61/166, 61/274, 61/362, 61/384, 61/422 с подпрямоугольными петельками. Зеркала № 61/103, 61/105, 61/321 с подтреугольными петельками.

Медно-бронзовые зеркала развитого этапа тагарской культуры из могильника Утинка (раскопки В. В. Боброва, 1975 г.) [Бобров, 1979] представлены двумя экземплярами. Оба они дисковые, с полукруглыми петельками – № 64/56 и № 64/57 при диаметрах 49 и 56 мм соответственно.

Восемь медно-бронзовых зеркал развитого этапа происходят из могильника Некрасово II (раскопки А. И. Мартынова, 1970 г.) [Мартынов, 1973] (результаты элементного анализа частично опубликованы: [Савельева, Герман, 2015]). Зеркала дисковые, у зеркала № 25/161 на месте повреждённой петельки – круглое отверстие. Зеркала № 25/55, 25/173, 25/242, 25/294, 25/299 с полукруглыми петельками. У зеркала № 25/174 петелька подтреугольная, а зеркало № 25/217 с подпрямоугольной петелькой.

Таким образом, развитым этапом тагарской культуры атрибутированы 32 экземпляра проанализированных зеркал.

К заключительному этапу тагарской культуры отнесены 11 медно-бронзовых зеркал могильника Серебряково I. Зеркало № 61/41 украшено по поверхности с петелькой концентрическим орнаментом в виде четырёх близко расположенных окружностей. Внутренняя окружность оформлена частыми короткими перпендикулярными «насечками», обращёнными к центру. А. И. Мартынов последний элемент украшения именуется «овальными углублениями в виде зёрен» [Мартынов, 1979, с. 55]. Диаметр диска 53 мм.

Одно зеркало – № 61/14 – медалевидное, с выступающей ручкой с круглым отверстием. Диаметр диска до 41 мм. По А. И. Мартынову, медалевидные зеркала встречаются в основном в курганах III–I вв. до н.э. [Мартынов, 1979, с. 55]. Их появление в северо-западной лесостепи связывается с алтайским и восточно-азиатским влиянием [Мартынов, Богданова-Березовская, 1966, с. 75].

Зеркала № 61/27 и 61/90 дисковые, с полукруглыми петельками. У зеркала № 61/1 петелька подпрямоугольная, высокая, аркообразная, как и у экземпляра № 61/66. У зеркал № 61/47 и 61/212 петельки подтреугольные.

Медно-бронзовые зеркала заключительного этапа тагарской культуры из могильника Некрасово II представлены тремя экземплярами. Зеркало № 25/277 дисковое, орнаментированное, с полукруглой петелькой. По выпуклой поверхно-

сти украшено концентрическими кругами, один из которых оформлен «лепестками». Диаметр диска составляет 51 мм. Зеркала № 25/265 и 25/271 дисковые, с полукруглой и подпрямоугольной петельками соответственно.

Таким образом, заключительным этапом тагарской культуры датированы 14 экземпляров медно-бронзовых зеркал. Металл десяти зеркал Алчедатского кургана (раскопки А.И. Мартынова, 1972 г.) [Мартынов, 1974] рассматривается в рамках переходного тагаро-таштыкского периода северо-западного лесостепного района (результаты элементного анализа опубликованы [Савельева и др., 2016] и ранее рассматривались в контексте тесинского этапа тагарской культуры). Почти все экземпляры дисковые, с полукруглой петелькой (№ 63/1, 63/3, 63/4, 63/7, 63/13). Зеркало № 63/10 – с аркообразной петелькой, № 63/11 – с подпрямоугольной. Зеркало № 63/16 медалевидное с выступающей ручкой. По всей видимости, после повреждения ручки с противоположной от неё стороны было выполнено отверстие для крепления (диаметр диска 41 мм).

Морфологические характеристики зеркал

Основу изученной коллекции составляют дисковые зеркала (64 экземпляра из 66) с диаметрами дисков от 44 до 88 мм. Для них была подсчитана величина интервала между значениями признака «диаметр зеркала». По формуле Стёрджесса $x_{\max} - x_{\min} / 1 + \log_2 n$ [Фёдоров-

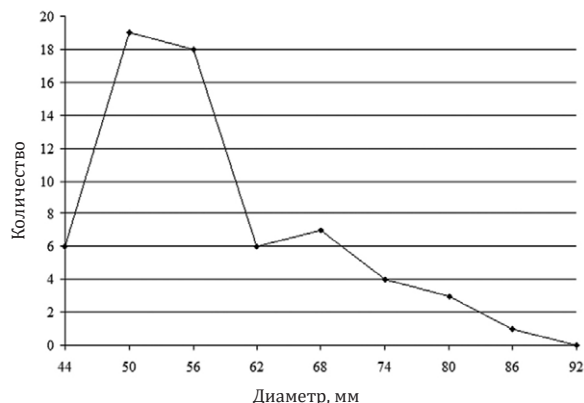

Рис. 1. Графическое представление статистического ряда: распределение значений признака «диаметр зеркала»

Давыдов, 1987, с. 27] она составляет 6 мм. Фиксирующий эту группировку данных график (рис. 1) позволяет наметить, по меньшей мере, две основные совокупности диаметров – менее 68 мм (группа I, 49 экземпляров) и более 68 мм (группа II, 15 экземпляров).

Зеркала диаметрами менее 68 мм преимущественно встречены в погребениях развитого этапа тагарской культуры (56 %). Сопоставимы их соотношения в комплексах заключительного этапа и переходного периода (22 и 18 % соответственно). Всего 4 % зеркал такого размера датированы ранним этапом тагарской культуры (происходят из биджинских погребальных комплексов).

Зеркала диаметрами 68 мм и более преимущественно встречены в биджинских погребениях (41 %); их доля также довольно высока на развитом этапе – 33 %. Экземпляры таких размеров характерны для подгорновских комплексов (низкие количественные показатели в данном случае, безусловно, связаны с незначительной выборкой зеркал этого времени из лесостепных памятников) и не встречены в захоронениях переходного периода (рис. 2).

Уточняя зависимость метрических показателей и датировок зеркал, следует отметить, что диаметры меньше 64 мм не встречены в раннетагарских погребениях, а диаметры больше 65 мм не встречены в погребениях переходного тагаро-

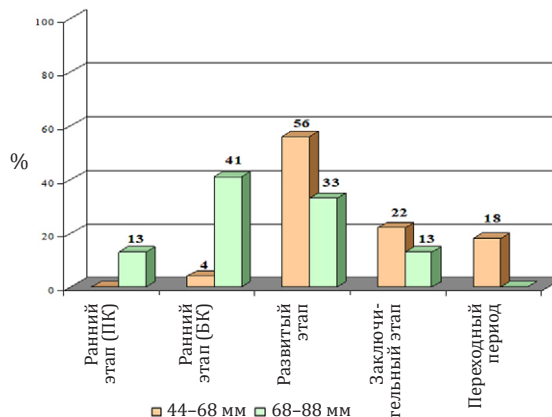

Рис. 2. Распределение дисковых зеркал I (44–68 мм) и II (68–88 мм) метрических групп в контексте периодизации тагарской культуры

таштыкского периода. Как известно, для культур «скифского времени в Саяно-Алтае характерна постепенная замена в составе погребального инвентаря вещей нормальных размеров их вотивными, уменьшенными копиями» [Худяков, 1998, с. 135].

В историографии тагарской культуры также известны наблюдения, высказанные относительно корреляции форм петелек зеркал с хронологической принадлежностью этой категории погребального инвентаря. Так, Н. Л. Членовой отмечалось, что для зеркал VII–VI вв. до н.э. характерны петельки «в форме низкой буквы П», а «дугобразные петельки», напротив, редки [Членова, 1967, с. 82]. Около V в. до н.э. ей прослежены изменения – наиболее характерными становятся дугобразные петельки, а также «появляются петельки в форме треугольников с небольшим отверстием. Эта форма делается частой в V–IV вв. до н.э.» [Членова, 1967, с. 83].

Формы петелек дисковых зеркал изученной коллекции нескольких конфигураций (использована типология по: [Субботин, 2014, с. 52, табл. 15]) – подтреугольная, полукруглая, подпрямоугольная (низкая), аркообразная (высокая). Они установлены для 50 экземпляров (в остальных случаях петельки утрачены или повреждены). На рисунке 3 показано распределение зеркал с разными формами петелек по хронологическим комплексам.

64 % зеркал с подпрямоугольными петельками происходят из погребений раз-

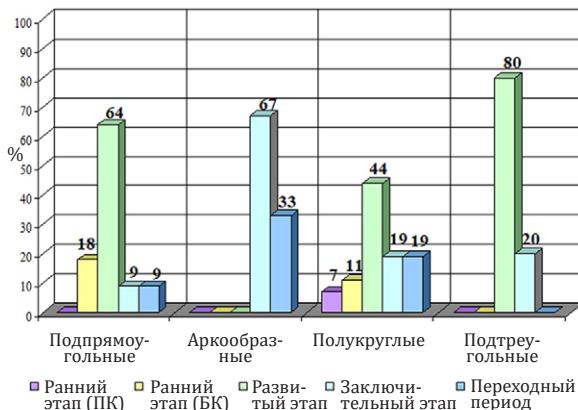

Рис. 3. Распределение дисковых зеркал с разными конфигурациями петелек в контексте периодизации тагарской культуры

витого этапа, около 20 % – из биджинских комплексов, единичные экземпляры датированы заключительным этапом и переходным периодом. Зеркала с высокой аркообразной петелькой происходят только из погребений заключительного этапа и переходного тагаро-таштыкского периода. 44 % зеркал с полукруглыми петельками – из погребений развитого этапа, встречаясь как в более ранних, так и в более поздних комплексах. Весьма однородна картина распределения хронологической принадлежности зеркал с подтреугольными петельками – по материалам лесостепных памятников, такие зеркала происходят из погребений развитого (80 %) и заключительного (20 %) этапов тагарской культуры.

Элементный состав металла зеркал из памятников северо-западного лесостепного района тагарской культуры

В статье приводятся не публиковавшиеся ранее результаты элементного анализа металла 33 зеркал (табл. 1). Анализ осуществлялся методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой в Центре коллективного пользования ФИЦ угля и углекислоты СО РАН на спектрометре Thermo Scientific iCAP 6500 DUO LA (аналитик – канд. хим. наук, ст. науч. сотр. ЦКП ФИЦ УУХ СО РАН Р. П. Колмыков) (о методике анализа см.: [Колмыков, 2015а, 2015б, 2016]).

С учётом этих и опубликованных ранее данных были выделены химико-металлургические группы сплавов металла 66 зеркал из памятников северо-западного лесостепного района тагарской культуры.

1. «Чистая» медь (Cu). Девять экземпляров из могильников Косоголь II, Серебряково I, одиночного кургана Алчедат I. Для металла характерны концентрации Sn 0,13–0,65 %; As 0,17–0,85 %; Pb 0,011–0,33 %. В эту же группу включено зеркало № 63/8 (Алчедат I), изготовленное из меди с повышенными концентрациями железа (0,97 %).

2. Мышьяковая медь (Cu(As)). Пять экземпляров из одиночного кургана Алчедат I и могильника Серебряково I. Для металла характерны концентрации Sn 0,098–0,63 %; As 1–1,5 %; Pb 0,1–0,29 %.

Таблица 1. Результаты элементного анализа металла зеркал тагарской культуры из памятников северо-западного лесостепного района (в процентах; основа всех сплавов – медь; К. – курган; М. – могила)

Памятник	№	К.	М.	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Fe	Zn	Ni	Co	Au	Ag
Берёзовский	27/105	2	1	13.650	0.248	0.319	0.045	0.008	0.028	0.004	0.292	0.002	0.001	0.018
Берёзовский	27/108	22	1	2.969	0.021	0.415	0.067	0.010	0.031	0.072	0.470	0.009	0.007	0.041
Большепичугино	28	16	1	6.986	0.027	0.500	0.088	0.007	0.065	0.001	0.277	0.005	0.004	0.036
Косоголь II	56/52	3	2	0.269	0.012	0.699	0.105	0.006	0.011	0.002	0.904	0.001	0.008	0.033
Косоголь II	56/6	3	2	0.271	0.011	0.660	0.085	0.013	0.002	0.005	0.880	0.001	0.006	0.035
Некрасово II	25/277	13	1	0.150	0.240	4.860	1.060	0.060	1.770	0.036	0.084	0.069	0.004	0.099
Серебряково I	61/230	10	1	5.948	0.076	0.355	0.291	0.004	0.091	0.100	0.062	0.005	0.002	0.040
Серебряково I	61/105	3	1	1.980	0.023	0.594	0.023	0.016	0.086	0.010	0.088	0.005	0.002	0.040
Серебряково I	61/83	3	1	6.000	0.098	0.320	0.028	0.017	0.181	0.037	0.175	0.022	0.003	0.040
Серебряково I	61/274	9	3	4.033	0.039	0.711	0.021	0.015	0.010	0.006	0.035	0.003	0.002	0.041
Серебряково I	61/103	3	1	5.449	0.030	0.489	0.023	0.013	0.074	0.008	0.065	0.005	0.003	0.036
Серебряково I	61/213	9	3	10.050	0.265	0.190	0.019	0.006	0.095	0.090	0.079	0.005	0.015	0.028
Серебряково I	61/123	4	1	9.132	0.297	0.301	0.032	0.011	0.622	0.013	0.106	0.051	0.008	0.037
Серебряково I	61/166	9	2	4.998	1.641	0.306	0.036	0.012	0.061	0.176	0.085	0.012	0.003	0.060
Серебряково I	61/115	4	1	7.095	0.481	0.445	0.027	0.044	0.050	0.010	0.052	0.004	0.002	0.043
Серебряково I	61/198	5	1	4.320	0.126	0.538	0.027	0.017	0.069	0.015	0.061	0.006	0.002	0.049
Серебряково I	61/154	4	2	2.616	0.214	3.114	0.059	0.029	0.298	0.008	0.064	0.014	0.001	0.037
Серебряково I	61/82	3	1	5.879	0.037	0.351	0.022	0.013	0.078	0.020	0.078	0.005	0.004	0.034
Серебряково I	61/77	6	4	2.128	0.050	0.891	0.026	0.032	0.049	0.032	0.085	0.005	0.018	0.043
Серебряково I	61/199	5	1	4.606	0.097	0.067	0.008	0.008	0.051	0.103	0.054	0.007	0.001	0.013
Серебряково I	61/14	2	1	1.300	0.630	1.950	0.570	0.220	0.027	0.120	0.150	0.015	0.005	0.140
Серебряково I	61/66	2	1	0.200	0.190	1.350	0.036	0.094	0.045	0.050	0.127	0.005	0.004	0.090
Серебряково I	61/27	2	1	0.098	0.120	1.300	0.100	0.210	0.055	0.090	0.090	0.011	0.008	0.070
Серебряково I	61/47	12	1	6.417	0.063	1.456	0.065	0.252	0.212	0.139	0.497	0.146	0.008	0.056
Серебряково I	61/33	2	1	3.040	0.470	2.160	0.100	0.170	0.047	0.100	0.190	0.023	0.007	0.080
Серебряково I	61/1	1	1	2.455	0.392	1.928	0.258	0.067	0.066	0.064	0.067	0.006	0.003	0.064
Серебряково I	61/41	2	1	0.074	0.200	8.600	0.050	0.210	1.440	0.630	0.140	0.024	0.007	0.140
Серебряково I	61/209	14	1	4.249	0.219	0.183	0.017	0.005	0.081	0.034	0.077	0.009	0.006	0.042
Серебряково I	61/212	14	1	2.257	0.238	0.298	0.031	0.010	0.126	0.006	0.077	0.006	0.003	0.064
Серебряково I	61/101	16	1	0.630	0.290	1.500	0.120	0.080	0.350	0.012	0.084	0.015	0.008	0.090
Серебряково I	61/90	16	1	0.130	0.150	10.500	0.150	0.770	0.380	0.024	0.100	0.025	0.015	0.090
Утинка	64/56	4	2	4.978	2.252	0.395	0.038	0.020	0.115	0.004	0.130	0.013	0.003	0.097
Утинка	64/57	4	2	5.297	0.169	0.386	0.022	0.007	0.071	0.003	0.081	0.010	0.003	0.075

3. Мышьяковистая бронза (Cu+As). Три экземпляра из могильников Серебряково I и Некрасово II, в том числе орнаментированное дисковое зеркало № 61/41 с повышенным содержанием железа (1,44 %) и орнаментированное дисковое зеркало № 25/277 с повышенным содержанием сурьмы (1,06 %) и железа (1,77 %). Для ме-

талла характерны концентрации Sn 0,074–0,15 %; Pb 0,15–0,24 %; As 4,86–10,5 %.

4. Мышьяковисто-оловянистая бронза (Cu+As+Sn). Три экземпляра из могильника Серебряково I и одиночного кургана Алчедат I. Для металла характерны концентрации Sn 1,3–2,616 %; Pb 0,214–0,63 %; As 1,95–3,114 %.

5. Оловянистая бронза (Cu+Sn). 39 экземпляров (Серебряково I, Некрасово II), в том числе три на основе мышьяковой меди (Cu+Sn(As)). Для металла характерны концентрации Sn 1,3–16 %; Pb 0,021–0,8 %; As 0,027–1,456 %.

6. Оловянисто-мышьяковистая бронза (Cu+Sn+As). Два экземпляра из Серебряково I. Для металла характерны концентрации Sn 2,455–3,04 %; Pb 0,392–0,47 %; As 1,928–2,16 %. При учёте основных типов сплавов эта химико-металлургическая группа объединена с группой мышьяковисто-оловянистых бронз.

7. Оловянисто-свинцовистая бронза (Cu+Sn+Pb). Пять экземпляров из могильников Некрасово II, Серебряково I и Утинка. Для металла характерны концентрации Sn 3,6–5,4 %; Pb 1,641–3,8 %; As 0,22–0,64 %.

Анализ распределения зеркал разной хронологической принадлежности по химико-металлургическим группам сплавов показал, что два зеркала из подгорновских погребений могильника Косоколь II медные. Все зеркала из биджинских погребальных комплексов могильников Берёзовского, Большепичугино и Серебряково I изготовлены из оловянистой бронзы.

Металл восьми экземпляров зеркал могильника Некрасово II из погребений развитого этапа тагарской культуры представлен оловянистой (шесть экземпляров) и оловянисто-свинцовой (два экземпляра) бронзами. Также оловянистой бронзой представлен металл 85 % зеркал Серебряково I. Два зеркала развитого этапа из могильника Утинка изготовлены из оловянистой и оловянисто-свинцовой бронзы.

Зеркала из погребений заключительного этапа могильника Некрасово II представлены разными типами сплавов – оловянистой и оловянисто-свинцовой бронзой, мышьяковистой бронзой с повышенными концентрациями сурьмы и железа. Металл зеркал из погребений заключительного этапа могильника Серебряково I в 28 % случаев представлен мышья-

ковой медью и в 45 % – легирован мышьяком. По материалам одиночного кургана Алчедат I переходного тагаро-таштыкского периода оловом легирован металл 20 % зеркал.

Таким образом, в памятниках северо-западного лесостепного района тагарской культуры зеркала из подгорновских комплексов раннего этапа медные; зеркала из биджинских комплексов раннего этапа изготовлены из оловянистой бронзы; на развитом этапе преобладают зеркала из оловянистой бронзы; на заключительном этапе наблюдается снижение доли зеркал из оловянистой бронзы более чем в два раза и рост числа зеркал из меди, мышьяковой меди и мышьяковистой бронзы; в переходный период преобладают медные экземпляры зеркал (рис. 4).

Соотношение рецептов бронз, из которых изготовлены зеркала выделенных выше I и II метрических групп, показывает, что 58 % зеркал диаметрами менее 68 мм изготовлены из оловянистой бронзы. Зеркала только таких диаметров изготовлены из трёхкомпонентной бронзы и сплавов, легированных свинцом. По 10 % зеркал I группы – из меди и мышьяковой меди.

Зеркала диаметром свыше 68 мм также преимущественно изготовлены из олова-

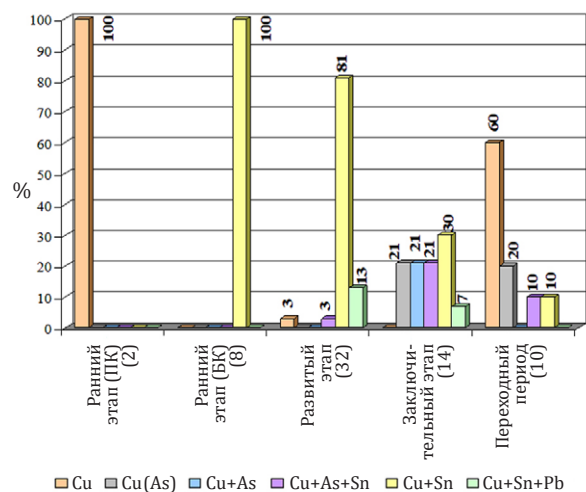

Рис. 4. Распределение дисковых зеркал разной хронологической принадлежности по основным группам медно-бронзовых сплавов (в скобках указано количество проанализированных образцов)

нистой бронзы (73 %), однако в их числе нет экземпляров из многокомпонентных сплавов, а также из бронз, легированных свинцом. В этой группе больше зеркал из «чистой» меди (рис. 5).

Распределение зеркал из разных сплавов по размерам дисков, соотнесённых с их хронологией, показывает, что в числе медных зеркал преобладают экземпляры диаметром 50–55 мм – это зеркала из погребений переходного тагаро-таштыкского периода. Среди зеркал из мышьяковой меди наиболее высока доля зеркал с диаметрами от 50 до 61 мм. Этот сплав отражает принадлежность зеркал таких размеров к заключительному этапу тагарской культуры. Зеркала из мышьяковистой бронзы чаще всего диаметрами 50–55 мм и принадлежат к заключительному этапу. Трёхкомпонентные бронзы, легированные оловом и мышьяком одновременно, свойственны зеркалам диаметрами до 61 мм, характеризуя бронзы развитого, заключительного этапов и переходного периода. Распределение зеркал из оловянистой бронзы показало наибольшую распространённость такого типа сплава в числе зеркал разнообразных размеров, что отражает присутствие оловянистых бронз в погребальных комплексах всех этапов, за исключением подгорновского. Оловянисто-свинцовистый сплав не встречен для зеркал свыше 61 мм в диаметре, что связано с присутствием зеркал из такого металла и такого размера только в ком-

плексах развитого и заключительного этапов тагарской культуры.

Особого внимания заслуживают два дисковых зеркала с поверхностью, орнаментированной концентрическими кругами – № 25/277 из могильника Некрасово II и № 61/41 из могильника Серебряково I. Как уже отмечалось выше, оба они изготовлены из мышьяковистой бронзы с повышенным содержанием железа, а экземпляр из Некрасово II ещё и с повышенным содержанием сурьмы. Из двух медалевидных экземпляров – зеркало № 63/16 из Алчедатского кургана медное, а № 61/14 из Серебряково I – из мышьяковисто-оловянистой бронзы. Эти четыре изделия, как морфологически [Мартынов, 1979, с. 55], так и по составу металла, представляют собой атрибуты памятников заключительного этапа тагарской культуры и переходного тагаро-таштыкского периода. О степени безальтернативности «мышьяковых» типов сплавов для изготовления медалевидных и орнаментированных зеркал из погребений конца тагарской культуры и последующего переходного периода ещё предстоит накапливать аналитические результаты.

Графическое представление распределения зеркал по формам петелек (рис. 6) показало, что большинство медных зеркал – с полукруглыми петельками, единичные экземпляры имеют подпрямоугольные или аркообразные петельки. Из мышьяковой меди, в основном, зеркала

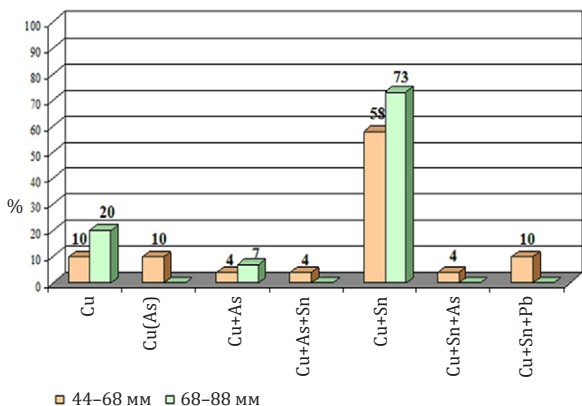

Рис. 5. Распределение дисковых зеркал I (44–68 мм) и II (68–88 мм) метрических групп по химико-металлургическим группам сплавов

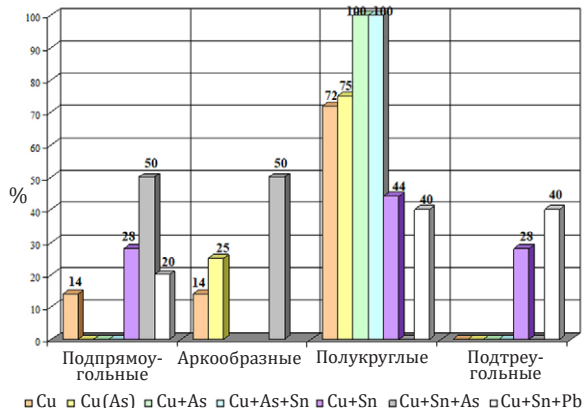

Рис. 6. Распределение дисковых зеркал с разными конфигурациями петелек по химико-металлургическим группам сплавов

с полукруглыми петельками, а также с аркообразными. Все зеркала из мышьяковистой и мышьяковисто-оловянистой бронзы имеют полукруглые петельки. Из оловянистой бронзы, преимущественно, – зеркала с полукруглыми петельками, а также с подпрямоугольными и подтреугольными петельками. Из оловянисто-мышьяковистой бронзы – зеркала с подпрямоугольной и аркообразной петельками. Из оловянисто-свинцовой бронзы – зеркала с петельками всех конфигураций, за исключением аркообразных.

Таким образом, наиболее выраженную маркирующую специфику можно заметить для зеркал с подтреугольными и аркообразными петельками. Первые встречи в погребениях развитого и заключительного этапов и изготовлены из оловянистой или оловянисто-свинцовой бронзы. Зеркала с аркообразной петелькой – медные или из оловянисто-мышьяковистой бронзы – происходят из погребений заключительного этапа или переходного тагаро-таштыкского периода.

Сравнение металла зеркал из памятников лесостепи и степей Минусинских котловин

Сравнение типов сплавов металла зеркал тагарской культуры из памятников лесостепи и Минусинских котловин, в связи с разной количественной репрезентативностью имеющих данных, возможно по двум этапам тагарской культуры – раннему (биджинские комплексы) (рис. 7) и

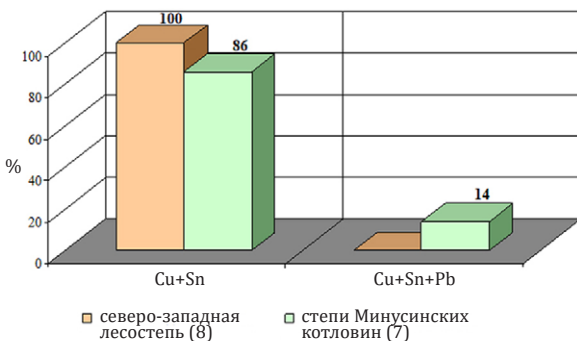

Рис. 7. Основные типы сплавов металла зеркал из биджинских погребальных комплексов раннего этапа тагарской культуры (здесь и далее в скобках указано количество учтённых образцов)

развитому (сарагашенские комплексы) (рис. 8). Типы сплавов металла зеркал из биджинских погребальных комплексов схожи. В этот завершающий период раннего этапа тагарской культуры зеркала на всём пространстве культуры, преимущественно, изготавливались из оловянистой бронзы.

Соотношения рецептур металла зеркал на развитом этапе по материалам двух территориальных групп памятников отличаются. Несмотря на высокие доли металла, содержащего лигатуру олова – 97 % в лесостепи и 79 % в Минусинских котловинах – в последнем случае нельзя не заметить большее количество экземпляров зеркал, металл которых легирован свинцом – 51 %. В лесостепных памятниках свинцом легирован металл только 13 % зеркал. Выявленное отличие, замечавшееся и ранее [Савельева, Герман, 2016, с. 122, 123; Савельева, 2018, с. 22, 23], может являться как проявлением специфики металла могильника Катюшкино (из которого происходит степная коллекция проанализированного сарагашенского металла), так и характеризовать особенность металлургии Минусинских степей. Оба эти объяснения обусловлены использованием многокомпонентной рецептуры бронз, требовавшей доступа к свинцовым рудам, которыми мастера северо-западного лесостепного района тагарской культуры, по всей видимости, не располагали.

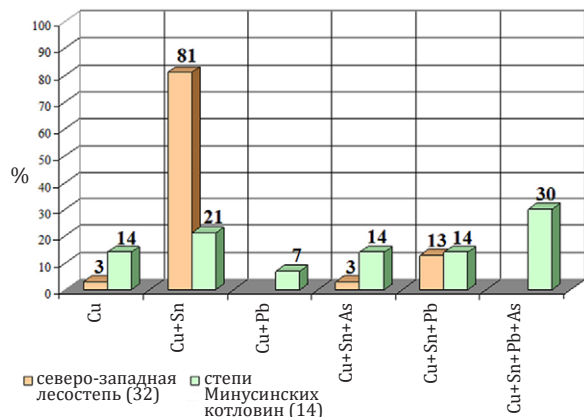

Рис. 8. Основные типы сплавов металла зеркал из погребальных комплексов развитого этапа тагарской культуры

Легирование в древности медной руды свинцовым минералом – галенитом – доказано экспериментальными данными С. А. Григорьева, основанными на анализе уральских материалов [Григорьев, Никитин, 2004]. Я. И. Сунчугашевым приведены сведения о преднамеренном добавлении свинцовой руды в медь Юлинского рудника, а также о разработках Игр-Гольского свинцового месторождения [Сунчугашев, 1975, с. 127, 148]. С. В. Хаврин в качестве фактора, «объясняющего распространение на сарагашенском этапе трёхкомпонентной бронзы (Cu-Sn-Pb)», усматривает необходимость улучшения литейных качеств сплава при изготовлении уменьшенных копий предметов [Хаврин, 2007, с. 121].

Несмотря на получение сравниваемых данных разными методами элементного анализа – рентгенофлуоресцентный анализ поверхности для минусинских материалов и атомно-эмиссионный спектральный анализ с индуктивно связанной плазмой для лесостепных – этот фактор как существенный в выявленных отличиях не рассматривается, поскольку фиксируется не полное различие рецептур бронз и их соотношений в двух районах тагарской культуры, а лишь обособленность металла развитого (сарагашенского) этапа из могильника Катюшкино.

Любопытны причины несоответствия другого рода – между современными [Хаврин, 2000; 2001; 2007] и более ранними [Богданова-Березовская, 1963; 1975] данными о составе металла тагарских зеркал из памятников Минусинских котловин. Они заключаются в практически полном отсутствии свинцовистых бронз по результатам анализов 1960-х гг. Предварительно можно попытаться найти объяснения хронологическими различиями коллекций, методическим фактором, а также происхождением проанализированных минусинских зеркал, со всей определенностью атрибутированных как сарагашенские, из единственного памятника – Катюшкино.

Заключение

Таким образом, элементный состав металла зеркал тагарской культуры из памятников северо-западного лесостепного района на разных этапах культуры демонстрирует специфичное соотношение типов медно-бронзовых сплавов. В подгорновских комплексах раннего этапа они медные, в биджинских – из оловянистой бронзы; на развитом этапе, преимущественно, из оловянистой бронзы; на заключительном этапе становится больше зеркал из меди, мышьяковой меди и мышьяковистой бронзы; в переходный период преобладают медные экземпляры зеркал. Эти выводы соответствуют представлениям о цветном металле тагарской культуры северо-западного лесостепного района.

При сравнении рецептур металла зеркал из памятников северо-западной лесостепи и Минусинских степей выявлены отличия наборов химико-металлургических групп медно-бронзовых сплавов и их соотношений. Особенность металла зеркал из могильника Катюшкино выражена в большей доле сплавов, легированных свинцом. Это наблюдение также находится в плоскости наших знаний о сравнительных характеристиках металла двух территориальных групп памятников тагарской культуры.

Предпринятый анализ соотношений морфологических, метрических, хронологических и металлургических признаков указал на время бытования зеркал с подтреугольными и аркообразными петельками в периодизации тагарской культуры, а также на наличие взаимосвязи диаметров, типов сплавов и принадлежности изученных зеркал к определённому этапу тагарской культуры. Деформация какого из этих трёх признаков в развитии данной категории погребального инвентаря выступала движущей и обуславливала изменения двух других показателей, судить пока затруднительно и составляет предмет дальнейших исследований тагарских бронз.

Источники

Мартынов А. И. Исследования курганов у с/х Шарыповский и раскопки поселений у с. Никольского на территории строительства Берёзовского разреза № 1 в Шарыповском районе Красноярского края в 1977 году. Основной отчёт. Кемерово, 1978 // Научный архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. № 561.

Мартынов А. И. Отчёт о работах в зоне строительства Берёзовского угольного разреза № 1 по исследованию археологических памятников в 1979 году. Промежуточный отчёт. Кемерово, 1980 // Научный архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. № 623.

Мартынов А. И. Отчёт о раскопках могильника Косоголь в 1985 году. Кемерово, 1986 // Научный архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10742.

Литература

Бобров В. В. Тагарская культура в северной лесостепи // Terra Scithica: материалы международного симпозиума «Terra Scithica». Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 11–22.

Бобров В. В. Тагарский курган на оз. Утинка // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск: Наука, 1979. С. 170–181.

Богданова-Березовская И. В. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины // Новые методы в археологических исследованиях. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 115–158.

Богданова-Березовская И. В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М.: Наука, 1975. С. 131–149.

Боковенко Н. А., Данченко Е. М., Лубо-Лесниченко Е. И., Матвеев А. В. Бронзовые китайские зеркала из собрания ОГИК Музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 47–55.

Вагнер Е. В. История изучения сарматских бронзовых зеркал // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2012. № 1 (21). С. 168–176.

Герман П. В. К проблеме периодизации тагарской культуры: этап и тип // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. Т. II. С. 19–25.

Григорьев С. А., Никитин А. Ю. Экспериментальное моделирование древних плавок свинцовых руд // Известия Челябинского научного центра. 2004. Вып. 4 (26). С. 158–160.

Колмыков Р. П. Оптико-эмиссионная спектроскопия с индуктивно связанной плазмой в исследованиях артефактов бронзовой эпохи Кемеровской области // Бутлеровские сообщения. 2015а. Т. 42. № 6. С. 158–161.

Колмыков Р. П. Оптико-эмиссионный спектральный анализ бронзовых артефактов Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015б. № 2 (62). Т. 5. С. 165–168.

Колмыков Р. П. Эмиссионная спектроскопия и археология бронзы // Материалы Инновационного конвента «Кузбасс: образование, наука, инновации». Кемерово; Новокузнецк: Изд. центр СибГИУ, 2016. С. 456–457.

Мартынов А. И. Материалы раскопок тагарских курганов у с. Некрасово // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: КГПИ, 1973. Вып. VI. С. 161–291.

Мартынов А. И. Алчедатский курган // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: КГПИ, 1974. Вып. 5. С. 52–67.

Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.

Мартынов А. И., Бобров В. В. Серебряковский могильник. Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: КГПИ, 1971. Вып. 3. 251 с.

Мартынов А. И., Богданова-Березовская И. В. Изделия из бронзы и бронзолитейное производство северо-западного района тагарской культуры // Из истории Западной Сибири. 1966. Вып. 1. С. 66–103.

Миняев С. С. Результаты спектрального анализа Косогольского клада // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. С. 26–45.

- Савельева А. С.* Цветная металлургия тагарской культуры северо-западного лесостепного района (по данным элементного состава). Автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06. Кемерово, 2018. 33 с.
- Савельева А. С., Герман П. В.* Бронзы из курганного могильника тагарской культуры Некрасово II (по материалам раскопок 1970 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6 (38). С. 108–118.
- Савельева А. С., Герман П. В.* Сарагашенский комплекс бронз из могильника Серебряково I // Археология Южной Сибири. К 40-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета. Кемерово: ООО «Амирит», 2016. Вып. 27. С. 115–123.
- Савельева А. С., Герман П. В., Боброва Л. Ю.* Бронзы кургана Алчедат I в контексте металлургии тесинского этапа тагарской культуры в Мариинской лесостепи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1 (65). С. 39–48.
- Субботин А. В.* Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб.: ИИМК РАН, 2014. 154 с.
- Сунчугашев Я. И.* Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.: Наука, 1975. 174 с.
- Тишкин А. А., Серёгин Н. Н.* Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.
- Тишкин А. А., Серёгин Н. Н.* Результаты комплексного изучения металлических зеркал из средневековых памятников Алтая и южной части Верхнего Приобья // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 129–136.
- Фёдоров-Давыдов Г. А.* Статистические методы в археологии. М.: Высшая школа, 1987. 216 с.
- Фиалко Е. Е.* Зеркала в обрядах скифов // Боспорские исследования. Симферополь – Керчь: Керченская городская типография, 2011. Вып. XXV. С. 79–94.
- Хаврин С. В.* Металлические изделия эпохи поздней бронзы – раннего железа из Аскизского района Хакасии // Александров С. В., Паульс Е. Д., Подольский М. Л. Древности Аскизского района Хакасии. СПб, 2001. С. 94–99.
- Хаврин С. В.* Тагарские бронзы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию Марка Лазаревича Подольского. СПб., 2000. С. 183–194.
- Хаврин С. В.* Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии // А. В. Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 115–123.
- Худяков Ю. С.* Зеркала из могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. № 3. С. 135–143.
- Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж., Скобелев С. Г.* Бронзовые зеркала из могильника Бай-Даг-1 в долине реки Ээрбек в Туве // Вестник Новосибирского Государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 5: Археология и этнография. С. 120–126.
- Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 299 с.

УДК 902/904

РАСКОПКИ КУРГАНОВ БЛИЗ СЕЛА МУСОХРАНОВО

М. Г. Сулейменов, А. М. Илюшин

Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачёва

В статье публикуются результаты аварийных археологических раскопок курганов № 6 и 7 памятника Мусохраново-1, расположенного на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области. Полевые исследования проводились Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией в августе 2010 и июле 2011 гг. в рамках научно-исследовательских программ «Исследование Касьминского археологического микрорайона» и «Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья». В статье приводятся описания курганов, в которых были выявлены и обследованы различные виды захоронений (взрослых людей, в том числе с лошадьми, и детские). Основная их масса была подвергнута грабежу; в насыпях курганов и в могилах были зафиксированы следы грабительских раскопов – различные кости людей и животных, фрагменты дерева и берёсты, находящиеся в беспорядочном состоянии. На основе типологической классификации материалов раскопок и сравнительного анализа источников авторы датируют данные объекты XII–XIII вв. и относят их к шандинской археологической культуре тюркоязычных кочевников Кузнецкой котловины.

Ключевые слова: курган, насыпь, могила, кочевники, период развитого средневековья, Кузнецкая котловина

EXCAVATIONS OF MOUNDS NEAR THE SETTLEMENT OF MUSOKHRANOVO

M. G. Suleymenov, A. M. Ilyushin

T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University

The article publishes the results of emergency archaeological excavations of mounds № 6 and 7 of the mound group Musokhranovo-1 located in Leninsk-Kuznetsk district of Kemerovo Region. Field investigation was carried out by Kuznetsk Complex Archaeological and Ethnographic expedition in August, 2010 and July, 2011 within the research programmes “Research of the Kasminsky archaeological micro-region” and “Ethnocultural history of the Kuznetsk Depression during the Middle Ages”. The authors describe the results of excavation of the two mounds in detail. It is noted that in the excavated mounds various types of burials were revealed and surveyed (single adults’ and children’s, including horsemen with horses) which had mostly been looted. In the earthwork of the mounds and in graves, traces of plunderers’ mines were observed: various bones of humans and animals, wood and birch bark fragments in confused state. Materials of excavation were subjected to primary analysis based on typological classification. The comparative analysis of sources allowed dating the excavated objects to the 12th–13th centuries and attributing them to the Shanda archaeological culture of Turkic-speaking nomads in the Kuznetsk Depression.

Keywords: mound, earthwork, grave, nomads, the period of the developed Middle Ages, Kuznetsk Depression

В августе 2010 и июле 2011 гг. Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачёва (ККАЭЭ ГНЦ КузГТУ) проводила археологические раскопки курганной группы Мусохраново-1, расположенной на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеров-

ской области. Целью этих исследований было проведение аварийных раскопок курганов № 6 и 7 для спасения этих объектов археологического наследия и получения новых вещественных источников по средневековому периоду истории Кузнецкой котловины. Полевые работы осуществлялись в рамках научных программ: «Исследование Касьминского археологи-

ческого микрорайона» и «Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья».

Курганная группа Мусохраново-1 располагалась в 0,4 км на В от с. Мусохраново на первой надпойменной террасе левого берега р. Касьмы. Памятник был открыт в 1958 г. А. И. Мартыновым [Кулемзин, Бородкин, 1989, с. 72] и обследован сотрудниками ККАЭЭ в 1988, 1991–1993, 1995 и 2008–2011 гг. [Сулейменов, 1988, с. 3–4; Илюшин, 1991; 1992; 1993; 1996; 2008; 2010; 2012; Илюшин, Сулейменов, Ковалевский, 1995, с. 9–10]. На момент открытия курганная группа состояла из семи сильно задернованных земляных насыпей округлой и овальной формы, организованных рядами и вытянутых цепочкой с ЮЮВ на ССЗ. В 1993 г. были проведены аварийные раскопки курганов № 1 и 2, а в 2008–2011 гг. памятник был полностью раскопан. По мере раскопок и камеральной обработки материалов информация об исследованных объектах неоднократно публиковалась [Илюшин, Сулейменов, 1994, с. 170; Илюшин, 2009, с. 95–105; Илюшин, Бутьян, 2010, с. 175–184; и др.]. Однако материалы раскопок курганов № 6 и 7, расположенных в южной части памятника, были опубликованы лишь частично [Илюшин, 2012а, с. 93–100; 2016, с. 358–360]. Поэтому цель настоящей работы состоит в полной публикации материалов раскопок этих курганов, определении их датировки и культурной принадлежности. Для достижения этой цели использованы такие методы исследования, как описание, типологическая классификация и сравнительно-исторический анализ.

Перед началом раскопок двух курганов № 6 и 7 курганной группы Мусохраново-1 со слов информаторов было известно, что их насыпи в 1970-х гг. подвергались распашке, а затем эта территория использовалась для выпаса скота. Поэтому раскопки проводились с учётом современного состояния и особенностей исследуемых объектов по методике разбора курганной насыпи по четырём секторам. Перед началом раскопа осуществлялась разметка и нивелирование поверхности. За нулевой

уровень бралась самая высокая точка сохранившейся курганной насыпи (эти данные определялись и действовали на всём протяжении раскопок для каждого объекта индивидуально), которая располагалась, как правило, в центральной части. Через эту точку прокладывались две бровки с З на В и с Ю на С. Затем по слоям (величина до 25 см) одновременно разбирались четыре сектора курганной насыпи по всей площади раскопа. После этого проводилась зачистка бровок и их исследование с фиксацией стратификации слоёв грунта на чертежах и фотографиях. Затем осуществлялась разборка бровок, зачистка и фиксация выявленных артефактов, сооружений и конструкций, а также материка на всей площади раскопа. После этого раскапывались выявленные грунтовые могильные ямы, разбирались их заполнение с последующей зачисткой дна и фиксацией найденных в них артефактов, конструкций и сооружений. Все стадии раскопок, выявленные конструкции и сооружения, а также артефакты в процессе их исследования фиксировались на чертежах, схемах и фотографиях. По завершении раскопок курганы были подвержены рекультивации при помощи скрепера.

Кости животных и костные останки погребённых людей, найденные при раскопках курганов № 6 и 7 курганной группы Мусохраново-1, были переданы для исследования на кафедру зоологии КемГУ и в кабинет антропологии ТГУ. Палеозоологические определения были сделаны к.б.н. С. С. Онищенко, а палеоантропологические – к.и.н. М. П. Рыкун. Материалы раскопок после камеральной обработки и технологических определений в лаборатории изучения историко-культурного наследия Кузбасса ГНЦ КузГТУ были переданы на постоянное хранение в Кемеровский областной краеведческий музей. Ниже приводится описание раскопанных курганов.

Курган № 6 находился в южной части памятника. Внешне это округлая земляная сильно задернованная насыпь диаметром 12,5 м и высотой 0,39 м. Курганная насыпь непродолжительное время была подвержена распашке. Самая высокая точка на-

сыпи кургана на 0,9 м возвышается над уровнем материка (светло-серый суглинок) и состоит из слоя дёрна 0,18–0,25 м, чернозёма 0,23–0,51 м и серого суглинка (представляющего собой смешанный слой из погребённой почвы и чернозёма) 0,07–0,14 м. В процессе раскопок насыпи и зачистки бровок в центральной части кургана на глубине 0,32–0,55 м была зафиксирована прослойка тёмно-серого цвета. Она воспринималась как искусственная линза и представляла собой смешанный слой из погребённой почвы (светло-серого суглинка) и чернозёма, в котором имелись многочисленные мелкие фрагменты дерева, древесного тлена и берёсты. Линза имела овальную форму и была вытянута с Ю на С на 8,23 м, а с З на В на 8,12 м. Вероятно, это является материковым выбросом на древней дневной поверхности в момент сооружения грунтовых могил и последующего грабительского перекопа могильных ям. В этой линзе в СЗ части курганной насыпи на глубинах 0,35 м, 0,39 м и 0,42 м были выявлены крупные фрагменты дерева и берёсты (вероятно, остатки каких-либо надмогильных или погребальных конструкций и сооружений, разрушенных и выброшенных грабителями в процессе раскопок могил). Следы грабительского раскопа фиксируются в южной и центральной частях насыпи сразу же под дёрном на глубине 0,45–0,55 м в виде неупорядоченно лежащих костей лошади (рёбра, позвонки, кости ног, лопатка и др.) и взрослого человека (рёбра, берцовые кости, позвонки, кости таза и рук, ключица и др.) (рис. 1).

При разборке насыпи кургана и зачистке материка под восточной полкой были зафиксированы три деревянных столба (коновязь – сэргэ или остатки деревянных изваяний. – А. И.), которые образовывали цепочку по линии ЮЮЗ–ССВ длиной 2,6 м (рис. 1).

Деревянный столб № 1 располагался в ЮЮЗ части этой цепочки под восточной полкой насыпи кургана. Он имел диаметр 0,32 м, на 0,52 м был углублён в материк и на 0,61 м возвышался над ним.

Деревянный столб № 2 располагался в ССВ части цепочки под восточной полкой насыпи кургана. Он имел диаметр 0,18 м,

на 0,31 м был углублён в материк и на 0,35 м возвышался над ним.

Деревянный столб № 3 располагался в средней части цепочки под восточной полкой насыпи кургана. Он имел диаметр 0,32 м, на 0,21 м был углублён в материк и на 0,28 м возвышался над ним.

В процессе раскопок кургана были зафиксированы и исследованы три могилы – две грунтовые (могилы 2 и 3) и одна комбинированная наземно-грунтовая (могила 1) (рис. 1). Приводим описание исследованных могил.

Могила 1 комбинированная наземно-грунтовая, была расположена под южной полкой насыпи кургана на глубине 0,55–0,99 м (рис. 1). Она представляет собой захоронение взрослого человека, предположительно, женщины в возрасте 50 лет, в грунтовой яме и лошади на уровне древней дневной поверхности по обряду ингумации (рис. 1; 2). Могила и захоронения в ней были подвержены сильному разрушению в результате грабительского раскопа. По сохранившимся в могиле костным останкам можно предполагать, что захоронение человека было совершено в северной части могилы в грунтовой яме на глубине 0,95–0,99 м, а захоронение, вероятно, полной туши лошади было совершено в южной части могилы на глубине 0,55 м, предположительно, на уровне древней дневной поверхности или в небольшом углублении. Сохранившаяся грунтовая яма в северной части могилы имеет овальную форму и углублена в материк на 0,07–0,09 м. Размер ямы 1,29×0,75 м. Длинной осью она была вытянута по линии З–В с небольшим смещением (рис. 2). Зафиксированные размеры, как и форма конструкции могилы, не являются первоначальными, так как могила была подвержена очень сильному разграблению, видимо, вскоре после её сооружения. Заполнение могилы представляло собой чернозём и светло-серую материковую глину. В процессе выборки заполнения могилы и просеивания грунта из грабительского раскопа, в неупорядоченном состоянии, на разных глубинах от 0,15 до 0,55 м были найдены единичные фраг-

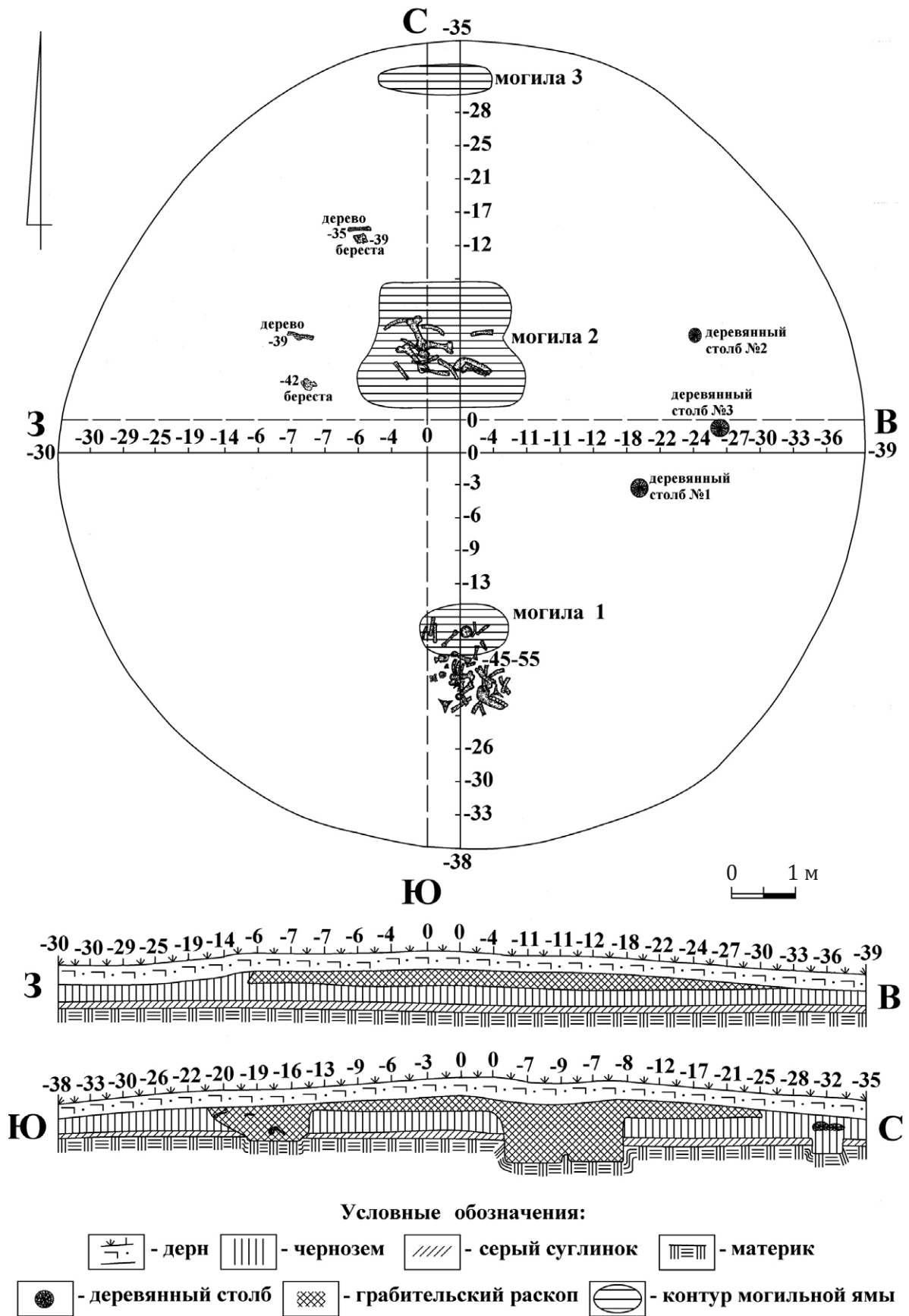

Рис. 1. Курганная группа Мусохраново-1, курган № 6: план и профили бровок раскопа

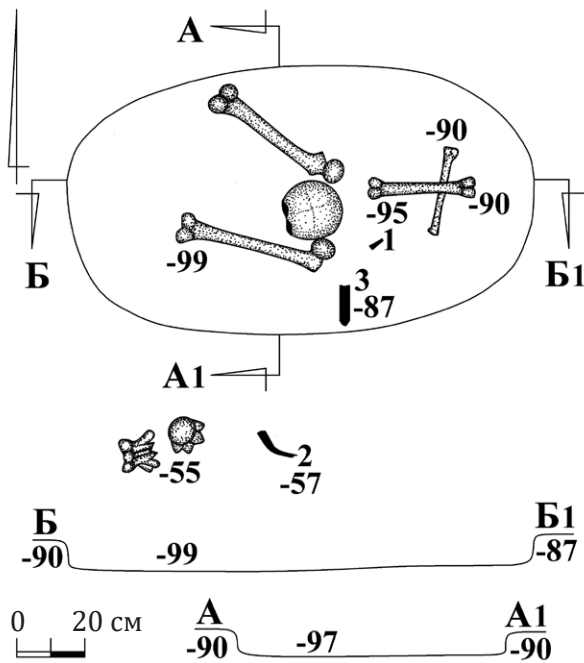

Рис. 2. Курганная группа Мусохраново-1, план и профили могилы 1 кургана № 6: 1 – фрагмент ножа; 2 – фрагмент стремени; 3 – наконечник ремня; 1, 2 – железо, 3 – бронза

менты и целые кости скелетов лошади (рёбра, позвонки, кости задних ног) и человека (бедренные, тазовые, крестец, локтевая, лопатки, ключицы, рёбра, позвонки, фрагмент черепа и др.). Найденные кости в основной своей массе были в сильно повреждённом состоянии. Рядом с костями лошади в южной части могилы на глубине 0,57 м был найден фрагмент железного стремени. В грунтовой яме, расположенной в северной части могилы, были зафиксированы две берцовые кости, череп и кости рук человека, которые лежали на глубине 0,9–0,99 м в беспорядочном состоянии в центральной и восточной её части. Над грунтовой ямой и в её заполнении кроме костей взрослого человека на глубине 0,87 м и 0,95 м были найдены бронзовый наконечник ремня и фрагмент железного ножа (рис. 1; 2; 3: 1–3).

Могилы 2 грунтовая, расположена под насыпью кургана в центральной части (рис. 1). Она представляет собой захоронение взрослого человека (мужчина в возрасте 45–50 лет) и лошади, совершённое по обряду ингумации в грунтовой могильной яме, состоящей из двух камер. Разме-

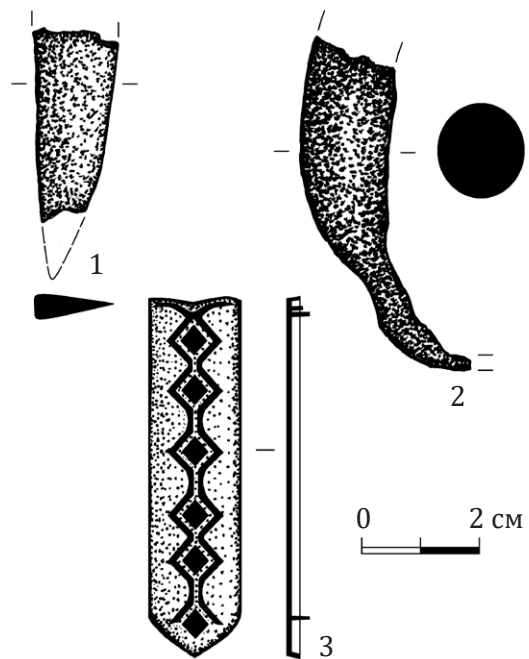

Рис. 3. Курганная группа Мусохраново-1, находки из могилы 1 кургана № 6: 1 – фрагмент ножа; 2 – фрагмент стремени; 3 – наконечник ремня; 1, 2 – железо, 3 – бронза

ры грунтовой ямы – 2,48×1,86 м, длинной осью она была вытянута по линии 3–В, имела форму двух соединённых овалов, образующих две камеры, разделённые грунтовой перегородкой высотой 0,15–0,20 м. Могилы углублены в материк двумя ступенями на 0,35 м и 0,4 м, а перегородка между погребальными камерами на 0,2 м (рис. 1; 4). Зафиксированные размеры, как и форма конструкции могилы, не являются первоначальными, так как могила была подвержена сильному разграблению, видимо, вскоре после её сооружения. Заполнение могилы представляло собой чернозём и светло-серую материковую глину. В процессе извлечения заполнения могилы и просеивания грунта, в беспорядочном состоянии на разных глубинах были найдены единичные фрагменты и целые кости скелетов лошади (рёбра, позвонки, кости передних ног) и человека (бедренные, тазовые, крестец, локтевая, лопатки, ключицы, рёбра, позвонки и фрагмент черепа). Найденные кости в основной своей массе были сильно повреждены. Обращает на себя внимание то, что череп лошади ни в могиле, ни в месте граби-

тельского раскопа, ни в насыпи кургана обнаружен не был. Кроме костей человека и лошади в заполнении могилы в местах грабительского раскопа были найдены маленькие фрагменты древесной трухи и мелкие фрагменты берёсты. На дне могилы в северной камере удалось в первоначальном положении зафиксировать кости таза и задних ног лошади, которые располагались в восточной её части на глубине 1,03–1,25 м, а в южной камере – фрагменты черепа и нижней челюсти человека, находившиеся в центральной части на глубине 1,30 м (рис. 4). При разборке заполнения и зачистке могилы в северной камере близ тазовых костей лошади в восточной части на глубине 1,01 м и 1,15 м, а также в западной части на глубине 0,93–0,99 м были найдены железные тесло, бляха, фрагменты удила и псалиев (рис. 4; 5: 4, 5, 8). В юж-

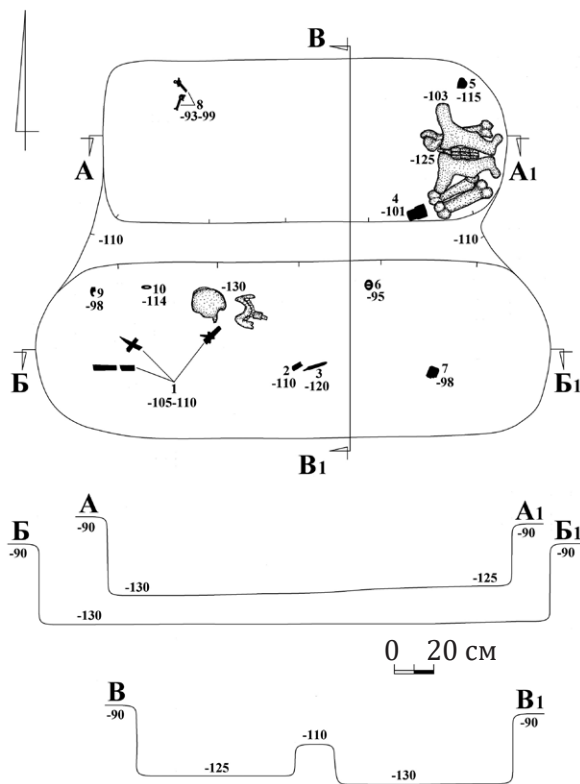

Рис. 4. Курганная группа Мусохраново-1, план и профили могилы 2 кургана № 6: 1 – фрагменты сабли; 2 – рукоять ножа; 3 – нож; 4 – тесло; 5 – бляха; 6 – пряжка; 7 – панцирная пластина; 8 – фрагменты удила с фрагментами псалиев (реконструкция); 9, 10 – обоймы портупей сабли; 1, 3-10 – железо, 2 – кость

ной камере, в западной и центральной её частях, на глубинах от 0,95 м до 1,20 м были найдены железные фрагменты сабли, фрагмент костяной рукояти ножа, железный нож, пряжка, панцирная пластина и обоймы от портупей сабли разной конструкции (рис. 4; 5: 1–3, 6, 7, 9, 10). Судя по сохранившимся костным останкам можно предполагать, что захоронение мужчины-всадника было совершено в южной камере, а захоронение лошади располагалось в северной камере, и было ориентировано головой на 3.

Могилы 3 грунтовая, расположена под северной полой насыпи кургана на глубине 1,05 м (рис. 1). Она представляла собой частично разрушенное грызунами погребение взрослого человека (предположительно, молодой мужчина 20–25 лет) по обряду ингумации. Захоронение было со-

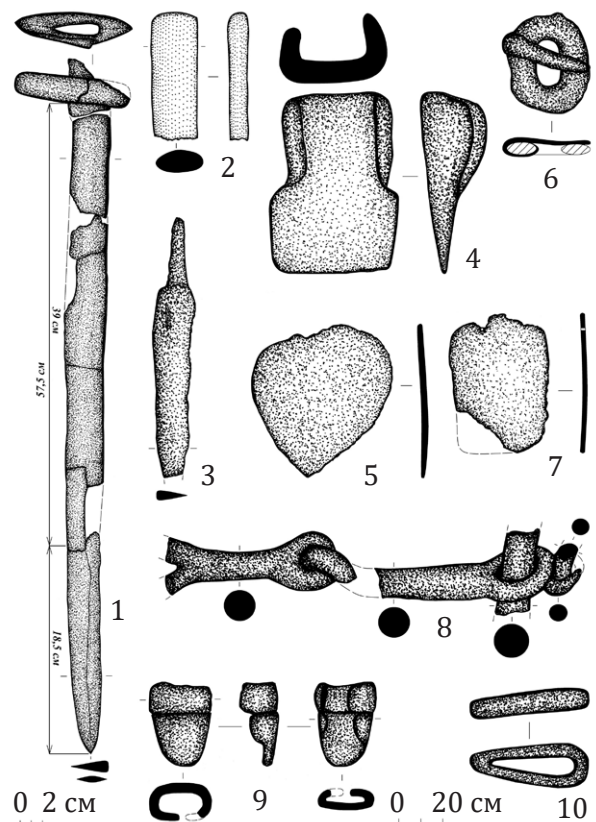

Рис. 5. Курганная группа Мусохраново-1, находки из могилы 2 кургана № 6: 1 – сабля (реконструкция); 2 – рукоять ножа; 3 – нож; 4 – тесло; 5 – бляха; 6 – пряжка; 7 – панцирная пластина; 8 – фрагменты удила с фрагментами псалиев (реконструкция); 9, 10 – обоймы портупей сабли; 1, 3-10 – железо, 2 – кость

вершено в грунтовой яме размером 1,83×0,49 м, которая длинной осью была вытянута по линии З-В. Могильная яма имела овальную форму с закруглёнными углами и была углублена в материк на 0,15 м. После зачистки могилы на дне был найден скелет взрослого человека, который лежал в вытянутом положении на спине и был ориентирован головой на В. На правой ключице на глубине 1,02 м была найдена стеклянная бусина зеленоватого цвета с тёмными полосками (рис. 6; 7).

Курган № 7 находился в южной части памятника. Внешне это округлая земляная насыпь задернованная диаметром 13,25 м и высотой 0,47 м. Курганная насыпь непродолжительное время была подвержена распашке (рис. 8), на момент исследования на 0,75 м возвышалась над уровнем материка (светло-серый суглинок) и состояла из слоя дёрна 0,17–0,23 м, чернозёма 0,15–0,52 м и серого суглинка (представляющего собой смешанный слой из погребённой почвы и чернозёма) 0,06–0,11 м. В процессе раскопок курганной насыпи и зачистки бровок в центральной части кургана на глубине 0,35–0,55 м была выявлена прослойка грунта тёмно-серого

цвета. Она воспринималась как искусственная линза и представляла собой смешанный слой из погребённой почвы (светло-серого суглинка) и чернозёма, в котором имелись многочисленные мелкие фрагменты дерева, древесного тлена и берёсты. Кроме того в ней были выявлены многочисленные мелкие фрагменты костей (крестец, позвонки, рёбра, ключичные кости, пяточная и малая голенная кости) от разрушенного грабителями захоронения человека, а также кости лошади (два позвонка и три ребра). Линза имела овальную форму и была вытянута с Ю на С на 2,73 м, а с З на В на 5,02 м (рис. 8). Вероятно, это материковый выброс на древней дневной поверхности, образовавшийся в момент сооружения грунтовой могилы и её последующего перекопа грабителями.

В центральной части насыпи кургана в северо-восточном секторе раскопа на глубине 0,45 м в анатомическом сочленении были найдены два позвонка лошади, а в юго-восточном секторе раскопа и в восточной бровке на глубине 0,45 м были найдены кости ноги овцы в анатомическом сочленении (рис. 8).

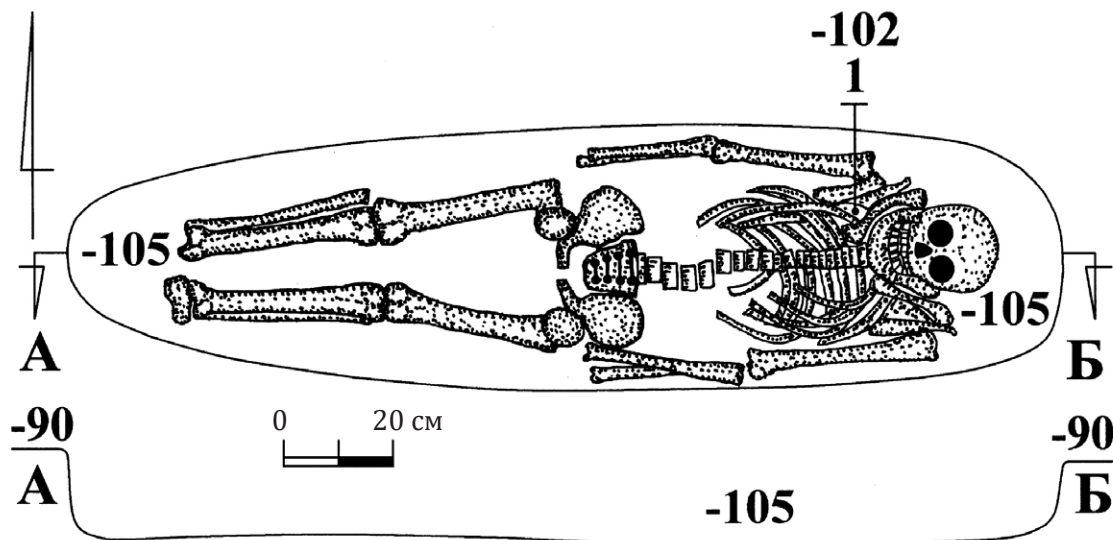
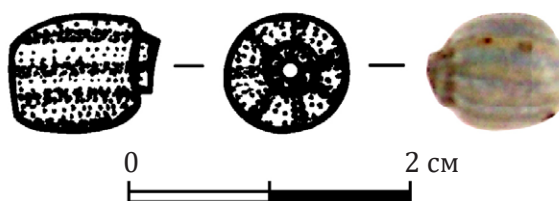

Рис. 6. Курганная группа Мусохраново-1, курган № 6, план и разрезы могилы 3. Находка 1 – стеклянная бусина

Рис. 7. Курганная группа Мусохраново-1, курган № 6, стеклянная бусина из могилы 3

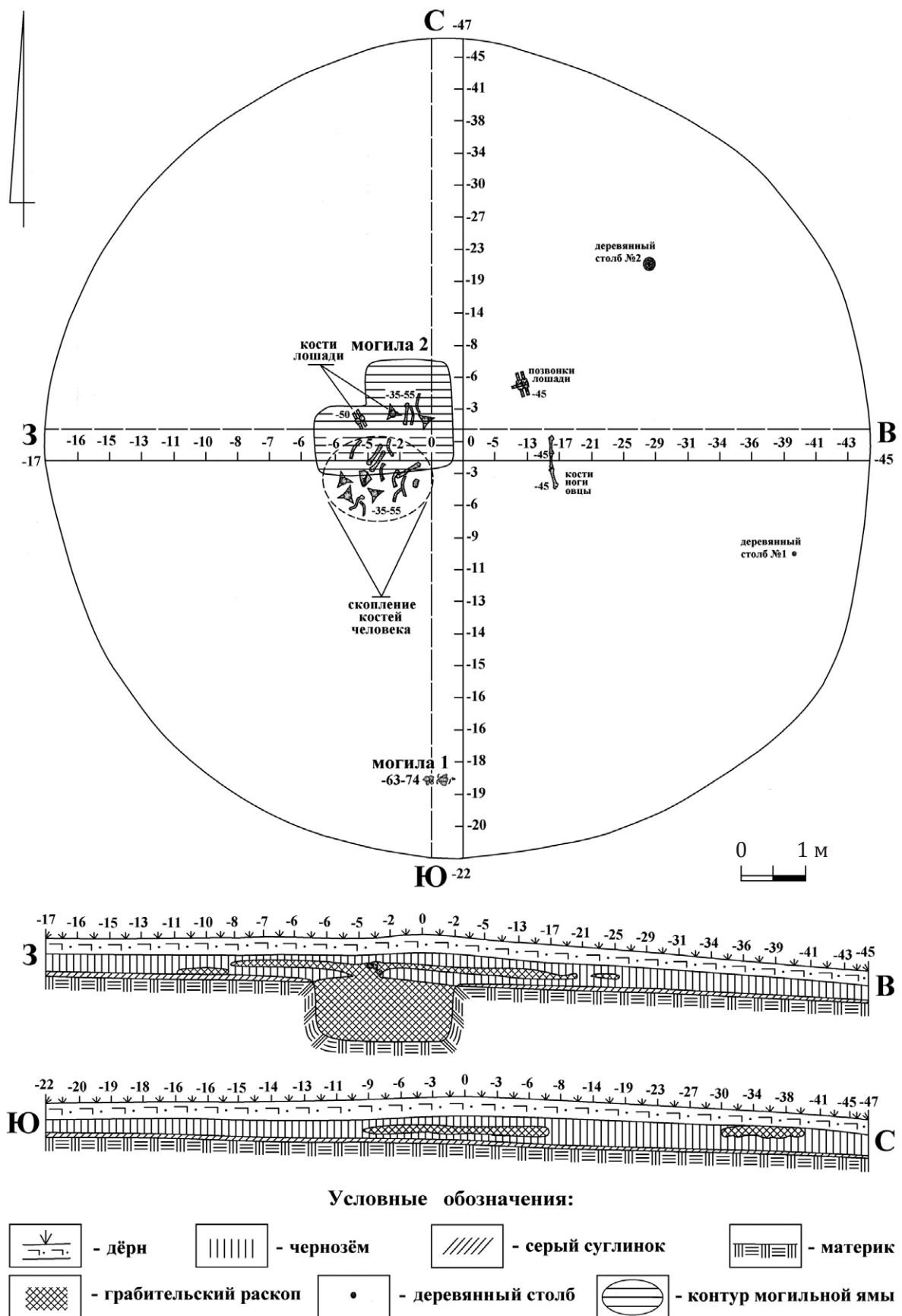

Рис. 8. Курганная группа Мусохраново-1, план и профили бровок раскопа кургана № 7

При разборке насыпи кургана под северо-восточной и востоко-юго-восточной полами были зафиксированы два деревянных столба (коновязь – сэргэ или остатки деревянных изваяний. – А. И.) (рис. 8).

Деревянный столб № 1 располагался в востоко-юго-восточной части курганной насыпи. Он имел диаметр 0,08 м, был углублён в материк на 0,12 м и на 0,07 м возвышался над ним.

Деревянный столб № 2 располагался в северо-восточной части курганной насыпи. Он имел диаметр 0,25 м, был углублён в материк на 0,17 м и на 0,46 м возвышался над ним.

В процессе раскопок кургана были зафиксированы и исследованы две могилы – одна наземная (могила 1) и одна грунтовая (могила 2) (рис. 8). Приводим описание исследованных могил.

Могила 1 наземная, расположена под южной полой насыпи кургана на глубине 0,63–0,74 м (рис. 8). Она представляла собой подверженное сильному разрушению (грызуны и воздействие среды залегания) захоронение ребёнка в возрасте 2–3 лет. Захоронение, вероятно, было совершено на древней дневной поверхности или в небольшом углублении в дёрне. Судя по сохранившимся фрагментам костей (череп, ноги, рёбра и позвонки) можно предполагать, что ребёнок был погребён в вытянутом положении на спине по оси З–В. Находок в могиле не было (рис. 9).

Могила 2 грунтовая, расположена под насыпью кургана в центральной части (рис. 8). Она представляет собой погребение взрослого человека (вероятно, мужчи-

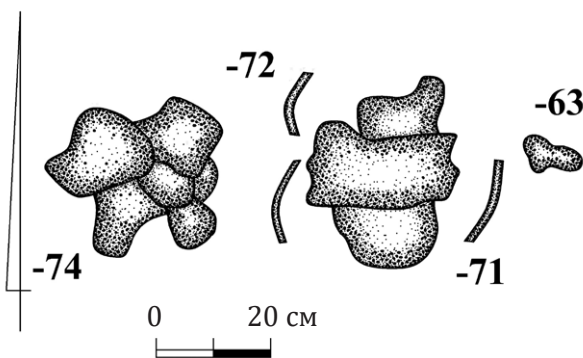

Рис. 9. Курганная группа Мусохраново-1, курган № 7, план могилы 1

ны), совершённое в грунтовой могильной яме и подверженное сильному разграблению. Размеры грунтовой ямы – 2,03 × 0,93 м, длинной осью она была вытянута по линии З–В с небольшим смещением и на 0,85 м была углублена в материк (рис. 8; 10). В северо-восточной части грунтовой ямы выявлены следы грабительского раскопа, что привело к появлению ступени глубиной 0,55 м от уровня материка и увеличению ширины грунтовой могильной ямы в этой части до 1,53 м (рис. 10). Заполнение могилы, в котором встречались фрагменты и целые кости скелета взрослого человека и фрагменты древесного тлена, состояло из чернозёма и светло-серой материковой глины. В процессе выборки заполнения могилы и просеивания грунта, в беспорядочном состоянии на разных глубинах были найдены единичные фрагменты и целые кости скелета взрослого человека, а также единичные кости крупной овцы (три позвонка). У дна и на дне грунтовой могильной ямы, в восточной её части, на глубине 1,55 м была найдена фаланга пальца взрослого человека, а в западной, на глубине 1,50–1,55 м – скопление фрагментов различных изделий. В числе находок были два фрагмента железного ножа, фрагменты стремени и пряжки, черешок от наконечника стрелы, фрагменты кресала, удила и псалиев, а также кремьен молочно-го цвета, вероятно, для высекания искры (рис. 10; 11).

Подводя итоги раскопок двух курганов № 6 и 7 курганной группы Мусохраново-1, можно констатировать, что они были подвержены сильному разрушению. Из пяти могил, выявленных под их насыпью, лишь одна (могила 3 кургана № 6) была частично потревожена грызунами, а оставшиеся четыре – разграблены. Для определения даты сооружения и культурной принадлежности исследуемых курганов необходимо провести процедуру первичного анализа материалов раскопок путем типологической классификации элементов-признаков погребального обряда и археологических находок.

При раскопках курганов № 6 и 7 памятника Мусохраново-1 был зафиксирован

комплекс из 25 классификационных элементов (типов-признаков) погребального обряда: курганные группы, расположение объектов на площади памятника рядами в пойме реки, большие округлые насыпи диаметром более 12 м, под насыпями деревянные столбы, в курганных насыпях кости лошади и овцы, деревянные плахи и берёста, ингумация на спине в вытянутом положении взрослого человека и ребёнка, взрослого человека с конем, наземные и комбинированные (расположение захоронений в грунтовой яме и на земле) захоронения в грунтовых ямах, отсутствие надмогилами дополнительных конструкций, грунтовые могильные ямы со ступенями, грунтовые могилы без дополнительных конструкций, ориентация могил длинной осью по линии З-В, ориентация одиночного погребения взрослого человека головой на В, инвентарь в могилах – предметы воо-

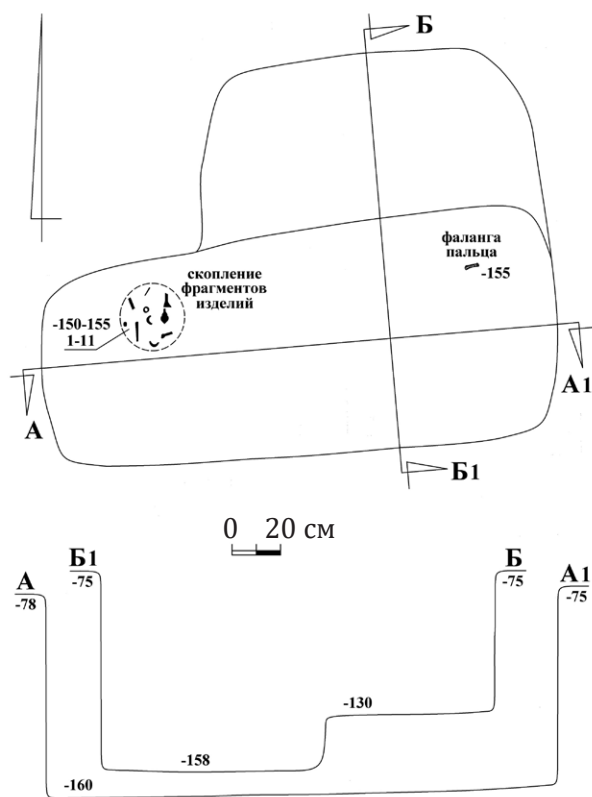

Рис. 10. Курганная группа Мусохраново-1, курган № 7, план и разрезы могилы 2: 1, 2 – фрагменты ножа; 3 – фрагмент стремени; 4 – фрагмент пряжки; 5 – черешок наконечника стрелы; 6, 8 – фрагменты псалиев; 7 – фрагмент удила; 9 – кремь; 10, 11 – фрагменты кресала; 1–8, 10, 11 – железо, 9 – камень

ружения, конского снаряжения, одежды и украшений, и его отсутствие. Наибольшее количество аналогий этим элементам выявлено на погребальных памятниках Ишаново (23 аналогии), Мусохраново-3 и Торопово-1 (по 18 аналогий), которые датируются концом XII–XIII вв., второй половиной XII–XIII вв. и XIII–XIV вв. и соотносятся, по мнению авторов, с шандинской археологической культурой тюркоязычных кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины [Илюшин, 1999, с. 39; 2005, с. 120–126; 2014, с. 80; Илюшин, Сулейменов, 1998, с. 86].

Из вооружения в курганах № 6 и 7 были найдены предметы оружия ближнего боя и средства защиты. Сабля, обнаруженная

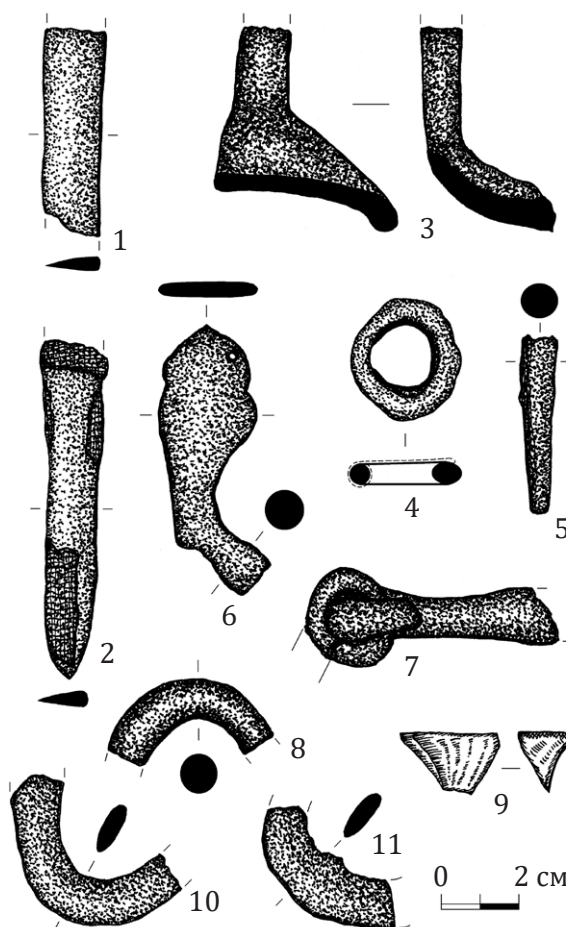

Рис. 11. Курганная группа Мусохраново-1, курган № 7, находки из могилы 2: 1, 2 – фрагменты ножа; 3 – фрагмент стремени; 4 – фрагмент пряжки; 5 – черешок наконечника стрелы; 6, 8 – фрагменты псалиев; 7 – фрагмент удила; 9 – кремь для высекаания искры; 10, 11 – фрагменты кресала; 1–8, 10, 11 – железо, 9 – камень

в могиле 2 кургана № 6, была сломана в нескольких местах. Найденные фрагменты клинка и крепления портупей (рис. 5: 1, 9, 10) позволяют реконструировать саблю. Общая длина клинка составляет 57,5 см, а ширина 3,2 см. Изгиб клинка составлял приблизительно 1 см. Перекрестье – в длину 9,5 см, в ширину – 3,1 см, а в высоту – 2,2 см. Острие клинка сабли имеет двустороннюю заточку длиной 18,5 см, что позволяло её использовать для нанесения не только скользяще-рубящего, но и колющего удара. Эта сабля по изгибу относится к отделу слабоизогнутых, по разрезу лезвия – к группе трёхгранных, а по форме перекрестья – к типу с ладьевидным перекрестием. Слабоизогнутые сабли этого типа на территории Кузнецкой котловины известны в материалах XI–XII вв. на могильниках Шанда, Беково и Сапогово-2 [Илюшин, 1993а, с. 39, рис. 29, 2, 3; 47, 1; 1997, с. 24, 25, рис. 27, 9]. Принципиальное отличие найденной на Мусохраново-1 сабли от перечисленных аналогий заключается в её меньших размерах – она на 15–20 см короче. Железное тесло, найденное в могиле 2 кургана № 6 (рис. 4; 5: 4), по форме втулки и виду лезвия относится к группе узколезвийных с несомкнутой втулкой, а по соотношению втулки и лезвия – к типу с плечиками. На территории Кузнецкой котловины этот тип тёсел зафиксирован на погребальных памятниках Шанда, Беково и Сапогово-2 (XI–XII вв.), Мусохраново-3 (вторая половина XII–XIII вв.) и Торопово-1 (XIII–XIV вв.) [Илюшин, 1993а, с. 39, рис. 28, 2; 31, 1; 47, 4; 50, 1; 1997, с. 56, рис. 19, 11; 20, 1, 13; 21, 4; 24, 7; 30, 1; 1999, с. 42, рис. 52, 4; Илюшин, Сулейменов, 1998, с. 86, рис. 12, 9]. Ножи и их фрагменты были найдены в могилах 1 и 2 кургана № 6 и в могиле 2 кургана № 7 (рис. 3: 1; 5: 2, 3; 11: 1, 2). По своему назначению они представляют собой полифункциональные орудия, которые могли использоваться не только в рукопашном бою, но и в повседневной хозяйственно-бытовой деятельности. При классификации ножей по материалу изготовления, контуру лезвия и конструкции выделяется 1 группа – железные прямые, а по нали-

чию или отсутствию перекрестья и размерам – 2 типа: большие без перекрестья из могилы 1 кургана № 7 (рис. 11: 1, 2) и маленькие без перекрестья из могилы 2 кургана № 6 (рис. 5: 2, 3). На территории Кузнецкой котловины два этих типа ножей были в употреблении на всём протяжении эпохи средневековья. Можно отметить, что массивные и длинные железные ножи первого типа больше известны в развитом средневековье. Кроме клинка в могиле 2 кургана № 6 был найден фрагмент его костяной цилиндрической рукояти (рис. 5, 2). Аналогичное по материалу и форме изделие на территории Кузнецкой котловины было найдено при раскопках курганной группы Конеево, датируемой рубежом XII–XIII вв. [Илюшин, Сулейменов, 2007, с. 79–83; 2013, с. 137–155; Илюшин, 2012б, с. 37, 70, рис. 36, 7]. Защитное вооружение представлено находкой железной панцирной пластины из могилы 2 кургана № 6 (рис. 5: 7). По существующей классификации по материалу изготовления она относится к классу железные, по способу скрепления пластин – к отделу ламеллярных, по сечению – к группе плоских, а по форме панциря – к типу нагрудные.

Предметы конской упряжи представлены фрагментами стремян, удила и блях, которые можно классифицировать лишь в единичном случае по причине плохой сохранности. Сохранилась лишь умбовидная бляха-налобник сердцевидной формы из могилы 2 кургана № 6 (рис. 5: 5), которая по материалу изготовления относится к типу железные. Аналогичные украшения, изготовленные из бронзы, бытуют на Алтае с середины X по XII вв. [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 34].

Из предметов одежды и украшений найдены пряжки, наконечник ремня и бузина. Пряжки из могилы 2 кургана № 6 и могилы 2 кургана № 7 (рис. 5: 6; 11: 5) по материалу изготовления относятся к группе железные, а по форме – к типу рамчатые овальные с подвижным язычком. Этот тип пряжек на территории Кузнецкой котловины бытовал с XI по XIV вв. [Илюшин, 2005, табл. 14, 28; 16, 39, 41, 43]. Бронзовый

наконечник ремня из могилы 1 в кургане № 6 относится к типу щитковые, цельнолитые, пятиугольные с резным геометрическим орнаментом в виде цепочки ромбов (рис. 3: 3). Найденная в могиле 3 кургана № 6 бусина относится к группе стеклянные, а по цвету – к типу полосатые (рис. 7). Бусы этого типа в Кузнецкой котловине известны по раскопкам на могильнике Ишаново, который датирован концом XII–XIII вв. [Илюшин, 2014, с. 49, 80, рис. 26, 10–13].

К орудиям повседневного быта, найденным в курганах, можно отнести кремьен молочного цвета для высекания искры из могилы 2 кургана № 7 (рис. 11: 9). Подобные находки в Кузнецкой котловине были сделаны на погребальных памятни-

ках Сапогово-2, Торопово-1, Новокамышенка, Шабаново-9 и Ишаново, датированных разными интервалами периода развитого средневековья [Илюшин, 1997, с. 38; 1999, с. 46; 2008а, с. 165, рис. 2, 2; 2010а, с. 105; 2014, с. 50, рис. 84, 9].

Подводя итоги сравнительного анализа классифицированных артефактов, можно датировать курганы № 6 и 7 курганной группы Мусохраново-1 второй половиной XII–XIII вв. Ближайшие аналогии из погребальных памятников Ишаново, Мусохраново-3 и Торопово-1 позволяют включить публикуемые материалы в круг древностей развитого средневековья Кузнецкой котловины и отождествлять с шандинской археологической культурой тюркоязычного населения региона.

Источники

Илюшин А. М. Отчёт о полевых археологических исследованиях 1991 года в Кемеровской области. Кемерово, 1991. 172 с. //Архив ИА РАН. Р-1. № 16136.

Илюшин А. М. Отчёт о результатах археологических исследований на территории Беловского, Гурьевского и Ленинск-Кузнецкого районов Кемеровской области в 1992 году. Кемерово, 1992. 150 с. //Архив ИА РАН. Р-1. № 17435.

Илюшин А. М. Отчёт об археологических разведках в Гурьевском и Ленинск-Кузнецком районах Кемеровской области в 1993 году. Кемерово, 1993. 63 с. //Архив ИА РАН. Р-1. № 18349.

Илюшин А. М. Отчёт о полевых археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1995 году. Кемерово, 1996. 363 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19897.

Илюшин А. М. Отчёт об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году. Кемерово, 2008. 33 с. //Архив ИА РАН. Р-1. № 42900.

Илюшин А. М. Отчёт об археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2009 году. Кемерово, 2010. 156 с. //Архив ИА РАН. Р-1. № 37236.

Илюшин А. М. Отчёт об археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2010–2011 годах. Кемерово, 2012. 52 с. //Архив ИА РАН. Р-1. № 36381.

Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Ковалевский С. А. Отчёт об охранных археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 1995 году. Кемерово, 1995. 159 с. (Из архива авторов).

Сулейменов М. Г. Отчёт о результатах разведки археологических памятников в бассейне р. Касьма Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 1988 году. Кемерово, 1988. 21 с. (Из архива автора).

Литература

Горбунова Т. Г., Тишкин А. А., Хаврин С. В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука, 2009. 144 с.

Илюшин А. М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993а. 116 с.

Илюшин А. М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 119 с.

- Илюшин А. М.* Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. 208 с.
- Илюшин А. М.* Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.
- Илюшин А. М.* Курганные могильники Камысла и Новокамышенка (по материалам раскопок А. Т. Кузнецовой в 1927 году) // Археология Степной Евразии. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2008а. С. 160–184.
- Илюшин А. М.* Результаты раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2009. № 1. С. 95–105.
- Илюшин А. М.* К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново 9) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010а. № 1. С. 97–106.
- Илюшин А. М.* Комплекс вооружения кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-1) // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова (к 110-летию со дня рождения). Омск: «Амфора», 2012а. С. 93–100.
- Илюшин А. М.* Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012б. 188 с.
- Илюшин А. М.* Курганы кыштымов в долине Ура. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2014. 216 с.
- Илюшин А. М.* Исследования в Кемеровской области // Археологические открытия 2010–2013 года. М.: ИА РАН, 2016. С. 358–360.
- Илюшин А. М., Бутьян В. А.* Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 года на курганной группе Мусохраново-1 // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2010. № 4. С. 175–184.
- Илюшин А. М., Сулейменов М. Г.* Курганная группа Мусохраново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово–Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. С. 79–106.
- Илюшин А. М., Сулейменов М. Г.* Комплекс вооружения кочевников развитого средневековья на курганной группе Конево // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №4. С. 79–83.
- Илюшин А. М., Сулейменов М. Г.* Комплекс вооружения кочевников восточного Дешт-и-кыпчак (по материалам раскопок курганной группы Конево) // Казахстан и Россия: научное и культурное взаимодействие и сотрудничество. Астана–Омск: Полиграфия «Enter Group», 2013. С. 137–155.
- Илюшин А. М., Сулейменов М. Г.* Исследования в Кузнецкой котловине // Археологические открытия 1993 года. М.: ИА РАН, 1994. С. 170.
- Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М.* Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989. 156 с.

УДК 902/904

ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА» В 2018 ГОДУ

Е. А. Миклашевич

Музей-заповедник «Томская Писаница»

В статье представлены основные направления и результаты работы Петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» на памятниках наскального искусства Республики Хакасия (Оглахты), юга Красноярского края (Усть-Туба III, Новосыдинская писаница) и Кемеровской области (Томская писаница) в 2018 г. В задачи экспедиции входило документирование памятников наскального искусства; выявление новых местонахождений и отдельных плоскостей на известных местонахождениях; изучение археологического контекста объектов наскального искусства; оценка состояния сохранности исследуемых памятников, в том числе с использованием для сравнения архивных данных; сбор материалов для фондов и экспозиций музея-заповедника. В статье представлены описания, фотографии и прорисовки некоторых объектов наскального искусства, выявленных и документированных в ходе работы экспедиции.

Ключевые слова: наскальное искусство, Хакасия, Минусинская котловина, петроглифы Енисея, Оглахты, Усть-Туба, Новосыдинская писаница, Томская писаница

INVESTIGATIONS OF ROCK ART SITES BY THE EXPEDITION OF THE MUSEUM-RESERVE "TOMSKAYA PISANITSA" IN 2018

E. A. Miklashevich

Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"

The paper presents the main directions and results of the work which was carried out in 2018 by Rock Art Expedition of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa" at the following sites: Oglakhty complex (the Republic of Khakassia), Ust-Tuba III and Novosybinskaya Pisanitsa (the South of Krasnoyarsk Krai) and Tomskaya Pisanitsa (Kemerovo region). The objectives of the investigation included documenting rock art sites; revealing new locations and new panels at known locations; studying the archaeological context of the rock art objects; assessing their state of preservation, including the use of archival data for comparison; collecting materials for the collections and exhibitions of the museum-reserve. The paper presents descriptions, photographs and tracings of some rock art objects which have been revealed and recorded during the expedition.

Keywords: rock art, Khakassia, Minusinsk Basin, Yenisei petroglyphs, Oglakhty, Ust-Tuba, Novosybinskaya Pisanitsa, Tomskaya Pisanitsa

В 2018 г. исследования Петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» (МЗТП) проводились на территории Республики Хакасия, Красноярского края и Кемеровской области. В задачи экспедиции входило документирование памятников наскального искусства; выявление новых местонахождений и отдельных плоскостей на известных местонахождениях; изучение археологического контекста объектов наскального искусства;

оценка состояния сохранности исследуемых памятников, в том числе с использованием для сравнения архивных данных; сбор материалов для фондов и экспозиций музея-заповедника.

Основные усилия были сосредоточены на исследовании горного массива Оглахты в Богградском районе Республики Хакасия. Эта территория номинирована в Предварительный список всемирного наследия ЮНЕСКО, поэтому помимо решения науч-

ных задач, актуальной является и задача подготовки документации для досье номинации. Кроме продолжения документирования известных местонахождений наскального искусства, экспедицией осуществлялось сплошное обследование территории с целью поиска других памятников и составления археологической карты. По результатам этой работы на карте комплекса появилось четыре новых местонахождения наскального искусства, а также были идентифицированы и локализованы некоторые археологические памятники (неолитическая стоянка, курганные могильники тагарской культуры, грунтовый могильник таштыкской культуры), сведения о раскопках которых были получены из отчётов Л. Р. Кызласова [1968; 1969; 1970] и Р. В. Николаева [1957].

Одно из выявленных местонахождений наскального искусства, получившее название «Оглахты Вершина», находится на южном участке массива, на самой вершине горы, возвышающейся над логами Чёртов и Черёмуховый, к юго-востоку от горы, известной под названием «Сорок Зубьев». Здесь обнаружено несколько интересных многофигурных композиций, относящихся к карасукской и тесинской культурам, а также к этнографической современности (?). Как мы выяснили при оцифровке коллекций из фондов музея-заповедника «Томская Писаница», некоторые из этих композиций были в 1970-х гг. обнаружены Н. В. Леонтьевым и скопированы им методом прорисовки на кальку (рис. 1). Эти композиции выполнены на разных гранях одного разрушенного блока песчаника, находящегося под большим скальным навесом. Часть блока откололась от основания и упала. На одной из его сторон выбиты изображения «колёс», схематичные фигуры животных, всадник (рис. 1: 1, 2), а также небольшая простая личина. На плоскости утрачен значительный по площади фрагмент скальной корки с изображениями, в других местах она продолжает отслаиваться. Из-за этих утрат не совсем ясно, были ли здесь изображены колесницы, или же это знаки в виде колёс, которые нередко встречаются в Оглахты на отдельных плитах и курганных камнях [Микла-

шевич, 2015, рис. 9: 5; 2016, рис. 3]. На другой грани, которая фактически превратилась в две отдельные (рис. 1: 3 а и б) из-за обрушения правой части, выбиты антропоморфные фигуры, обладающие признаками, характерными для большой серии изображений, встречающихся как в Оглахты, так и на скалах других памятников, а также на курганных камнях. Это и особым образом расставленные ноги; и округлые линии плеч, напоминающие руки-крылья; и растопыренные пальцы рук; и одна из фигур, изображённая по поясу; и др. По всей вероятности, подобные изображения относятся к хунно-сяньбийскому времени, во всяком случае, они позже тагарских.

Из других обнаруженных на местонахождении Оглахты Вершина композиций упомянем сцену шаманской тематики (рис. 2), где изображены в манере, также довольно часто встречающейся на скалах Оглахты, трёхпалая антропоморфная фигура с обозначенными признаками мужского пола, бубен с подвесками на перекладине, кони (?), на одном из которых стоит другая антропоморфная фигура, другие животные. Скорее всего, эта композиция относится к этнографической современности, хотя мы не исключали бы и возможности её более ранней датировки. Рядом с нею имеются изображения животных в стиле эпохи поздней бронзы, а в другом месте обнаружена большая сцена этого же времени с изображениями коней и более поздними добавлениями антропоморфных фигур и верблюдов. В фондах музея-заповедника «Томская Писаница» среди материалов Н. В. Леонтьева есть также копия крупного контурного изображения коня скифского времени из этого местонахождения (научно-вспомогательный фонд № 7924), которое мы пока не обнаружили. В целом, возможности поиска рисунков на скалах Оглахты Вершина остаются многообещающими, так как в этом месте сходятся гребни нескольких кряжей внутренней части горы, на которых предстоит осмотреть ещё множество скальных выходов.

Другое новое местонахождение на южном участке массива обнаружено в урочище Подкрепость при осмотре скальных выходов на юго-западном склоне горы,

расположенной к северу от горы Сорок Зубьев. Оно обследовано полностью и получило обозначение «Оглахты Подкрепость». Здесь выявлено 12 плоскостей с различными изображениями, выполненными в технике выбивки. Довольно неожиданным стало обнаружение контурной фигуры быка в «минусинском» стиле (рис. 3: 1). Все подобные изображения сосредоточены на береговых скалах. На высоких же склонах гор, выходящих в степь,

как правило, встречаются только значительно более поздние рисунки. В связи с нашей находкой стоит упомянуть, что у северного подножия этой горы в урочище Подкрепость Л. Р. Кызласовым в 1968 г. была раскопана стоянка с керамикой неолитического облика и каменным инвентарём [Кызласов, 1968].

Большой интерес также представляет многофигурная композиция с другого участка горы. Составляющие её рисунки

Рис. 1. Комплекс памятников в горах Оглахты, местонахождение Оглахты Вершина: 1, 2 – композиция с «колёсами» на ЮВ грани одного из скальных блоков; 3, 4 – композиция с антропоморфными фигурами на ЮЮЗ грани того же блока. 1, 3 – фото Л. Л. Бове; 2, 4 – копии Н. В. Леонтьева 1970-х гг. в фондах МЗТП: НВФ № 7923 (2) и 7922 (4)

нанесены на четыре рядом расположенные плоскости. Здесь выбиты многочисленные изображения животных (верблюды, лошади, козлы, олень и др.); антропоморфные фигуры, среди которых есть лучники и всадники; извилистые линии; а также не часто встречающееся на скалах Хакасии изображение транспортного средства: двухколёсной повозки (арба?) в проекции сверху (рис. 3: 2). Практически все рисунки, хоть и различающиеся по выбивке, выполнены в сходной манере – они линейные, схематичные, удлинённых пропорций. В такой манере выполнены очень многие петроглифы в горах Оглахты, но атрибуция их не ясна. Судя по некоторым

признакам, они относятся к нашей эре, но к какому именно периоду в пределах двух тысячелетий, пока не установлено.

Были продолжены поиски памятников наскального искусства на северном участке Оглахты, который не так богат подходящими скальными выходами, как южный. Тем не менее, и здесь удалось обнаружить два ранее неизвестных небольших местонахождения. Одно из них находится в самой северо-восточной части горного массива, на западном склоне безымянной горы, возвышающейся над северо-восточным бортом лога под названием Саргов. Местонахождение обследовано полностью и получило обозначение «Оглахты Саргов Лог».

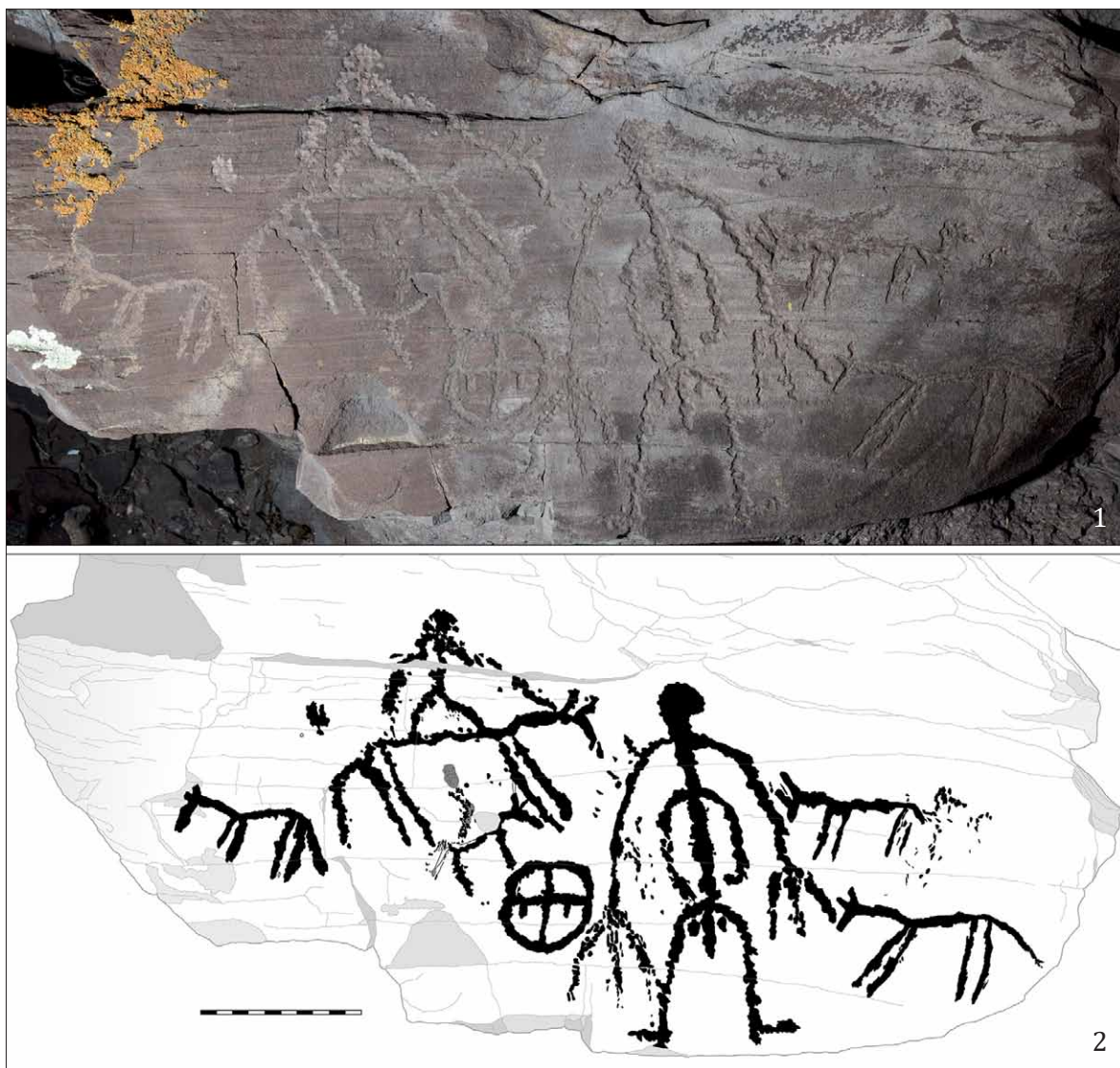

Рис. 2. Комплекс памятников в горах Оглахты, местонахождение Оглахты Вершина, композиция с шаманским бубном: 1 – фото Л. Л. Бове; 2 – прорисовка автора

Здесь выявлены выполненные в технике выбивки изображения на четырёх участках, на двух из которых они нанесены на несколько граней. Большинство их – мало-выразительные антропоморфные фигуры неясной атрибуции. Однако две плоскости имеют несомненную научную ценность.

Одна из них, расположенная в южной части горы на хорошо заметном снизу линзовидном скальном выходе, представляет собой большую композицию с многочисленными перекрываниями фигур разного стиля, к тому же чётко различающимися по степени патинизации. На ней можно

выделить, по крайней мере, три пласта изображений: тагарские, тесинские и нового времени. Это изображения различных животных (лошади, козлы, собаки, хищники, а также профильные фигурки птиц на длинных ногах), антропоморфных фигур (среди которых всадники, лучники, люди в обуви на каблуках и др.) и тамга в виде буквы П с отростком сверху.

Другая плоскость, расположенная в укромной нише ярусом выше, представляет собой собрание тамг разного вида, сопровождающееся схематичным изображением лошади (рис. 4: 1, 2). Тамги выполнены

Рис. 3. Комплекс памятников в горах Оглахты, местонахождение Оглахты Подкрепость: 1 – изображение дикого быка-тура; 2 – изображение двухколёсной повозки, фрагмент композиции. Фото Л. Л. Бове

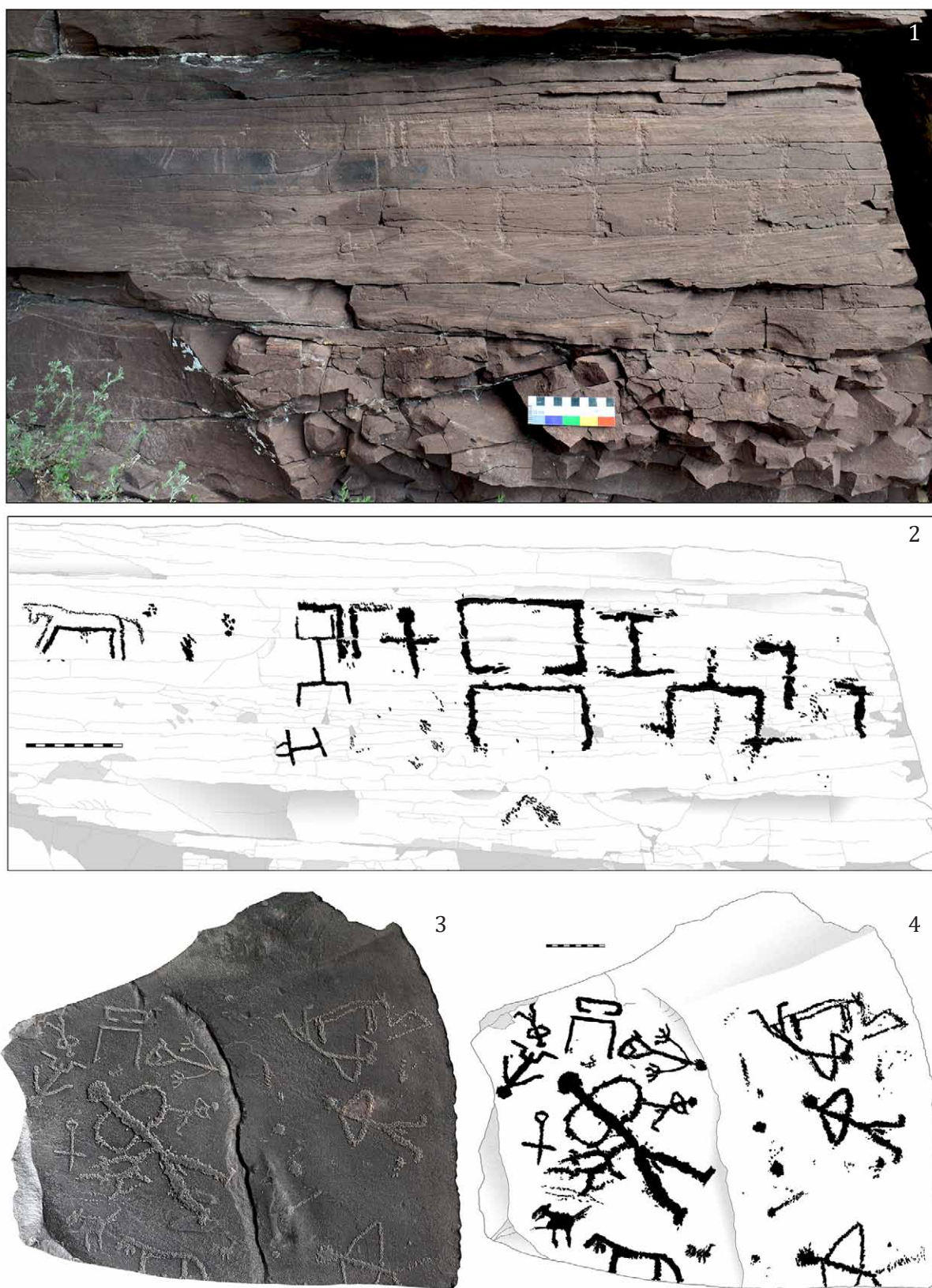

Рис. 4. Комплекс памятников в горах Оглахты, местонахождение Оглахты Саргов Лог: 1, 2 –тамги на скальной плоскости; 3, 4 – тамги, антропоморфные и зооморфные фигуры на плите, привезённой А. В. Адриановым в 1903 г. в Красноярский музей. 1 – фото Л. Л. Бове; 2, 4 – прорисовки автора; 3 – фото А. Н. Мухаревой

разной выбивкой и, очевидно, наносились в разное время либо, если единовременно, то разными людьми. Одни из них имеют аналогии среди оглахтинских материалов, другие же пока нам здесь не встречались. Особенно интересно отметить, что центральная и самая крупная на этой плоскости тамга, состоящая из двух элементов, изображена также на плите (рис. 4: 3, 4), которую в 1903 г. примерно здесь же нашёл А. В. Адрианов и доставил в Красноярский музей, где она сейчас находится в экспозиции. Слева от этой тамги на плоскости и ниже неё – на плите, повторяется и тамга в виде креста с округлым навершием, напоминающая схематичное изображение кинжала. На плите также изображены различающиеся по выбивке и стилю антропоморфные и зооморфные фигуры, аналогичные которым имеются на вышеописанных местонахождениях.

В 2 км к юго-западу от памятника Оглахты Саргов Лог находится небольшая одиночная горка под названием Чирей, на западном склоне которой было выявлено несколько небольших плоскостей с весьма трудными для документирования слабоборельефными выбитыми и гравированными изображениями. Среди них есть тамги, антропоморфные и зооморфные фигуры. Местонахождение обозначено как «Оглахты Чирей».

Мы продолжали также обследование с лодки затопляемых водохранилищем береговых скал Оглахты на разных участках. В результате было выявлено несколько новых изображений, проведено фотодокументирование, уточнены детали и сняты координаты некоторых из ранее опубликованных плоскостей, копировавшихся отрядом под руководством Я. А. Шера перед затоплением [Sher et al., 1994].

Аналогичная работа проводилась нами и на правом берегу Енисея, напротив Оглахты, на памятнике Усть-Туба III (по индексации Я. А. Шера), расположенном в устье р. Тубы в Краснотуранском районе Красноярского края. Здесь, так же как и в Оглахты, на береговых скалах до затопления водохранилищем концентрировалось большое количество плоскостей с на-

скальными рисунками, которые были скопированы в 1904 г. А. В. Адриановым, а в конце 1960-х гг. – отрядом под руководством Я. А. Шера. Так же, как и в Оглахты, абсолютное большинство петроглифов на береговых скалах Усть-Тубы относится к древнейшему пласту наскального искусства Минусинской котловины с высокохудожественными реалистическими изображениями диких быков, благородных оленей, диких лошадей, лосей, кабанов, медведей, а также антропоморфными фигурами, изображениями рыб и лодок. Датировка этого пласта пока не установлена (хотя ясно, что возраст подобных изображений – не меньше 6 тыс. лет). В нём имеются стилистически различные группы рисунков, встречающиеся на одних и тех же памятниках и зачастую в одних и тех же композициях. Анализ последовательности перекрываний в палимпсестах может помочь установить, хронологические ли это различия, и если это так, то можно будет выстроить хотя бы внутреннюю хронологию этого пласта, что, возможно, позволит выйти на более общие вопросы его атрибуции. Для решения этой задачи, также как и некоторых других, специалистам сейчас недостаточно материалов исследований прошлых лет, опубликованных в виде чёрно-белых прописовок [Sher et al., 1994; Blednova et al., 1995; и др.]: необходимо более точное выявление и фиксация всех деталей изображений (стилистических, иконографических, технологических); определение последовательности перекрываний; установление композиционных связей и системы расположения плоскостей относительно друг друга; и мн. др. Эта информация не могла быть зафиксирована средствами, имевшимися в распоряжении исследователей полвека назад. Поэтому так важно сейчас выявлять и фиксировать любые свидетельства проявлений древнейшего искусства Енисея, которые пока ещё не окончательно разрушены временем, природой и техногенной деятельностью человека.

Петроглифы древнейшего пласта и в Оглахты, и на Усть-Тубе располагаются на бе-

реговых скалах на нескольких уровнях по вертикали. Это позволяет отслеживать появление их из воды при колебаниях уровня водохранилища и при разных уровнях воды находить разные плоскости [Миклашевич, Бове, 2017]. При этом обнаруживаются не только те петроглифы, которые были опубликованы, но и другие. Некоторые из новых композиций и даже отдельных изображений дают совершенно новую информацию. В полевом сезоне 2018 г. благодаря довольно высокому уровню воды и его постоянному повышению, нам удалось с лодки документировать чрезвычайно интересный фриз с палимпсестами древнейших изображений, который при низкой воде находится недоступно высоко для удаления маскирующего рисунки белёного налёта, образующегося после пребывания их под водой. Скальные плоскости, формирующие фриз, располагаются под углом к горизонтали (рис. 5: 1), поэтому мы проводили их расчистку и фотофиксацию последовательно, одна за другой, по мере повышения уровня воды и подъёма лодки до нужного уровня. Выяснилось, что в левой части фриза одна рядом с другой располагаются плоскости, обозначенные в публикации материалов Я. А. Шера как Усть-Туба III 69 и 69а [Blednova et al., 1995, pl. 61], а в правой части – плоскость 72 [Ibid., pl. 62]. Между ними находятся ещё две плоскости с остатками изображений (рис. 6), но это не те, которые обозначены как 70 и 71 [Ibid.], а совершенно другие, в публикации не представленные. Все сохранившиеся изображения этого фриза находятся во фрагментированном виде, причём утраты скальной корки произошли не только из-за пребывания под водой, но наблюдались уже во время их копирования перед затоплением. Тем не менее, даже при таком состоянии объекта очевидно, что все части этого фриза, сформированные естественными границами скальных блоков, складывались в большую композицию. Фрагменты её теперь документированы методами современной цифровой фотофиксации, установлено взаиморасположение фигур, уточнены детали, выявлены новые изображения, а последователь-

ность многократных перекрываний изображений на палимпсесте правой части плоскости 69а проявляется с помощью микалентной копии-натирки (рис. 5: 3). Кроме этого фриза на скалах Усть-Тубы III зафиксированы и некоторые другие плоскости, как известные, так и вновь выявленные.

В Краснотуранском районе также обследован небольшой памятник, расположенный на правом берегу р. Сыды, правого притока Енисея, ниже известного крупного местонахождения наскального искусства на горе Бычиха. Этот памятник был обнаружен нами ещё в 1986 г., и только теперь удалось осуществить его полное документирование. Всего выявлено 14 плоскостей, на которых, несмотря на их немногочисленность и небольшие размеры, зафиксированы петроглифы самых разных эпох: изображения древнейшего пласта (рис. 7), окуневской, карасукской, тесинской и таштыкской (?) культур, а также нового времени. Для создания рисунков использованы техники выбивки, гравировки и шлифовки. Представлены такие образы, как лось, рыба, олени, лошади, корова, козёл, а также неопределённые животные, антропоморфные фигуры, личина. Имеется одно изображение тамги в виде двух соединённых концами горизонтальных дуг. Памятник получил название Новосыдинская писаница, так как расположен недалеко от горы Бычиха, петроглифы которой А. В. Адрианов назвал Сыдинской писаницей, к тому же ближайший к нему населённый пункт – это дер. Новая Сыда.

Работы экспедиции на памятнике наскального искусства Томская писаница, входящем в состав музея-заповедника, были разноплановыми и выполнялись группой специалистов разного профиля (кроме автора в неё входили И. В. Аболонкова, Л. Л. Бове, Д. Ю. Власов, А. С. Сизёв, С. Б. Щигорец). Осуществлялись экспериментально-тестовые исследования по консервации; мониторинг состояния сохранности плоскостей с изображениями и документирование повреждений; обследование участков памятника, находящихся между основ-

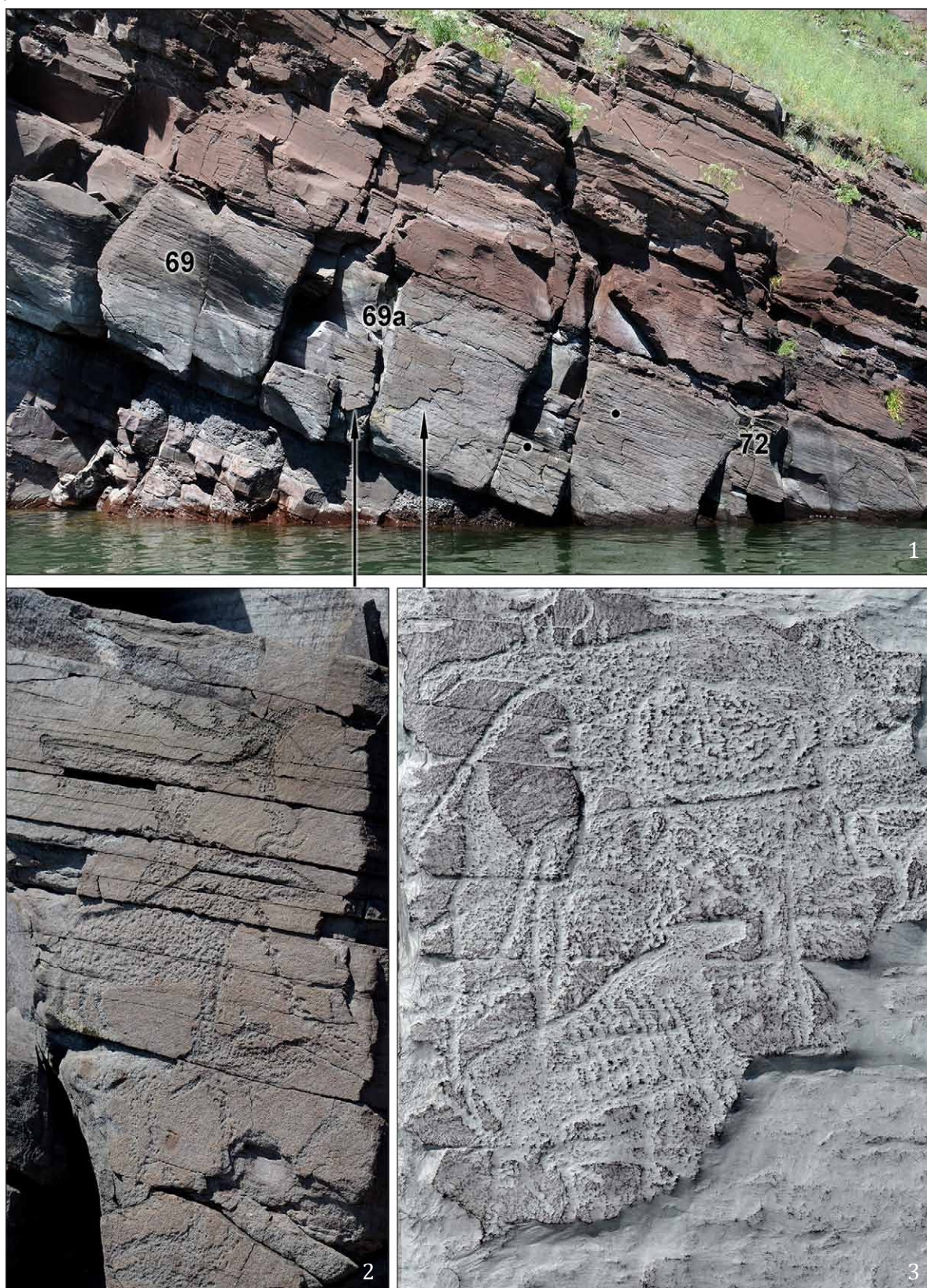

Рис. 5. Местонахождение Усть-Туба III: 1 – общий вид на затопливаемый водохранилищем фриз с плоскостями 69, 69а и 72 (по индексации Я. А. Шера); точками отмечено расположение плоскостей, представленных на рис. 6; 2 – левая часть плоскости 69а, фото Л. Л. Бове; 3 – правая часть плоскости 69а, микалентная копия автора

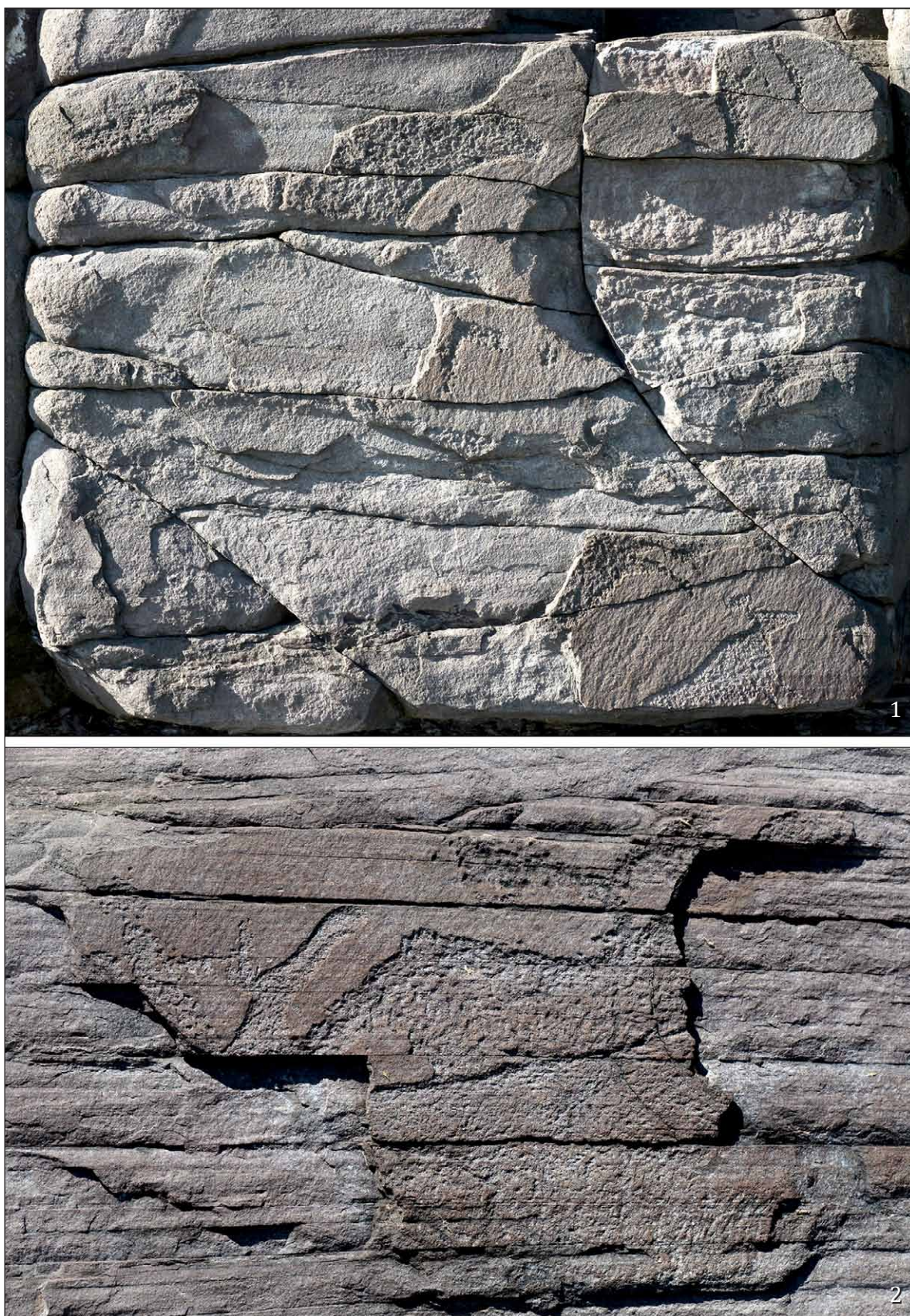

Рис. 6. Местонахождение Усть-Туба III. Фрагменты композиций, выявленные между плоскостями 69а и 72 (по индексации Я. А. Шера). Фото Л. Л. Бове

ной группой («святилищем») и устьем р. Писаной, каталогизация выявленных здесь плоскостей и фиксация состояния их сохранности; факсимильное копирование одного из участков верхнего фриза (плоскость 7) основной группы.

Мониторинг состояния сохранности плоскостей с изображениями проводился на тех плоскостях основной группы («святилища»), на которых 10 лет назад была осуществлена документальная фиксация их состояния (документирование повреждений): пл. 2, 4, 5 и 7 [Агеева, Кочанович, Миклашевич, 2008; Миклашевич, 2011; Миклашевич, Бове, 2011]. Использовался метод визуального сравнения плоскостей

in situ с фотографиями 2008 г., а также метод перкуссионной дефектоскопии для выявления внутренних полостей и аварийных участков и сравнение их площади с той, что была зафиксирована на картограммах в 2008 г. Установлено, что явных изменений в состоянии плоскостей 2, 4 и 5 за прошедшие 10 лет не произошло (за исключением изменений в оттенке искусственной патины, нанесённой реставраторами ГосНИИР на повреждённые участки [Агеева, Кочанович, Миклашевич, Мухарева, 2007; Агеева, Кочанович, Миклашевич, 2008]). Однако на плоскости 7 («верхний фриз») выявлено ухудшение состояния: увеличилась площадь некоторых внутрен-

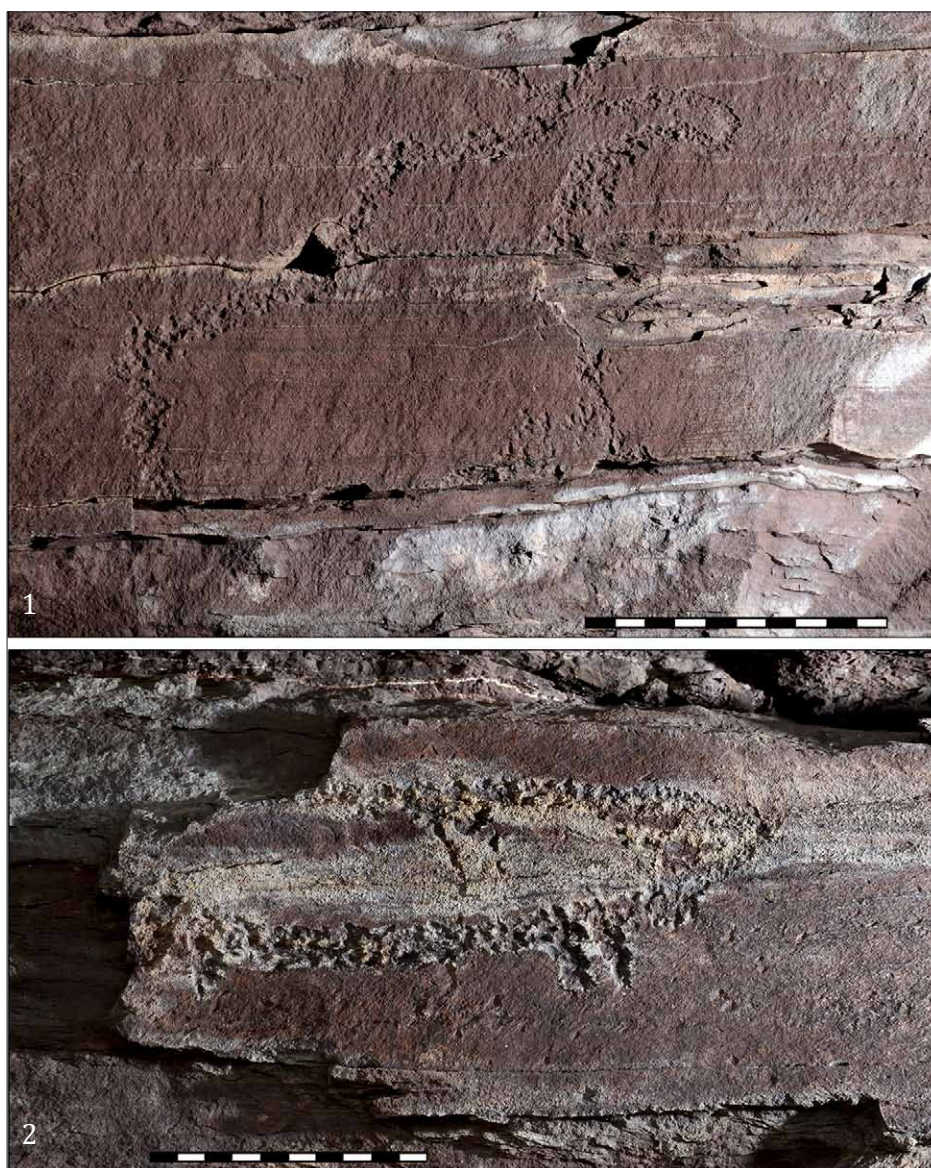

Рис. 7. Новосыдинская писаница. Изображения лося (1) и рыбы (2). Фото Л. Л. Бове

них полостей, появились новые аварийные участки, отмечены места утрат фрагментов скальной корки.

В целях последующего мониторинга выполнено документирование состояния плоскостей 6 («ниша») и 8 («нижний фриз»). Перкуссионная дефектоскопия выявила на них наличие внутренних полостей и слабодержащихся фрагментов. Особую тревогу вызывает состояние правой части плоскости 8. Сравнение с фотографиями 2008 г. показало здесь множественные утраты мелких фрагментов камня.

Произведено описание и фотодокументирование разрозненных изображений, условно объединяемых в плоскость 9, находящихся на скальном выходе под плоскостями 7 и 8, ниже смотровой площадки. Эти петроглифы были обнаружены и скопированы в 1990-х гг. [Мартынов, Покровская, Русакова, 1998, рис. 7], но с тех пор не исследовались, так как они часто бывают затоплены водой, либо из-за воды доступ к ним затруднён.

Так же нечасто осматривались специалистами те участки памятника, которые расположены между основной группой плоскостей («святилищем») и устьем реки Писаной. Они представляют собой ряд скальных выходов, уступами спускающихся к Томи и доступных для пешего осмотра лишь в периоды сильного снижения уровня воды в реке, когда обнажается береговая линия. В периоды подъёма воды эти участки представляют собой небольшие бухты, разделённые скальными выступами, и доступ к рисункам возможен лишь с лодки. Пользуясь лодкой, мы смогли в этом полевом сезоне произвести полный осмотр этой части Томской писаницы; начали каталогизацию плоскостей и фиксацию состояния их сохранности; сняли с воды фотопанораму всего памятника, на которой будет отмечено расположение каждой плоскости, и с помощью которой будет произведена новая индексация.

Некоторые изображения на этих участках были обнаружены и скопированы ещё в 1960-х гг. [Окладников, Мартынов, 1972, с. 116–125], другие добавились в 1990-х [Мартынов, Покровская, Русакова, 1998,

рис. 2–4] и позже (исследования И. Д. Русаковой и И. В. Ковтуна). Совсем недавно была открыта целая группа плоскостей на высоких отвесных утёсах под часовней [Миклашевич, Мухарева, Бове, 2016, с. 31, цв. вкл. I] в самом устье р. Писаной. И опубликованные, и неопубликованные изображения, без сомнения, нуждаются в тщательном документировании современными методами, в том числе – в качественной фотосъёмке, создании графических воспроизведений, документировании повреждений и т.д. В качестве примера приведём одну из плоскостей (рис. 8). В монографии 1972 г. рисунки этой плоскости учтены, но опубликованы они разрозненно [Окладников, Мартынов, 1972, с. 116, 120], что не даёт представления об их композиционной связи. Поэтому фотографирование и создание прорисовки всей композиции (рис. 8: 1, 2) уточняет представление об этом объекте и даёт новую научную информацию. Кроме того, это создаёт основу для документального отслеживания изменений в состоянии его сохранности. А в том, что эти изменения происходят, позволяют убедиться даже старые прорисовки (рис. 8: 3), довольно точные при всей их условности (к сожалению, не имеется никаких фотографий этой плоскости для сравнения). В левой части композиции, которая и в 1960-х гг. уже была существенно разрушена, отмечаются утраты скальной корки с фрагментами изображений, произошедшие с тех пор (ср.: рис. 8: 2 и 3). Отметим, что процесс деструкции продолжается, а значит, на плоскости необходимо провести консервационные мероприятия. На некоторых других плоскостях отмечены повреждения такого же характера, а также посетительские надписи. Те из надписей, которые нанесены красками, планируется удалить.

На одной из отвесных недоступных скал описываемого участка памятника (рис. 9: 1) были открыты неизвестные ранее изображения. И если в устье реки Писаной расположенные так же высоко новые плоскости были обнаружены в 2015 г. с помощью бинокля, то в данном случае мы применили другой метод: полноматричной фотокаме-

рой, позволяющей получать снимки высокого разрешения, были отсняты снизу все подходящие по качеству, но неприступные скальные поверхности. Затем снимки были отсмотрены при сильном увеличении в компьютере. На одной из плоскостей оказались рисунки! После этого « лабора-

торного» открытия И. В. Аболонкова смогла рассмотреть и сфотографировать изображения с близкого расстояния, самоотверженно спустившись к ним на альпинистском снаряжении со склона горы (рис. 9: 2).

Очевидно, что обнаруженная плоскость является лишь остатком некогда большой

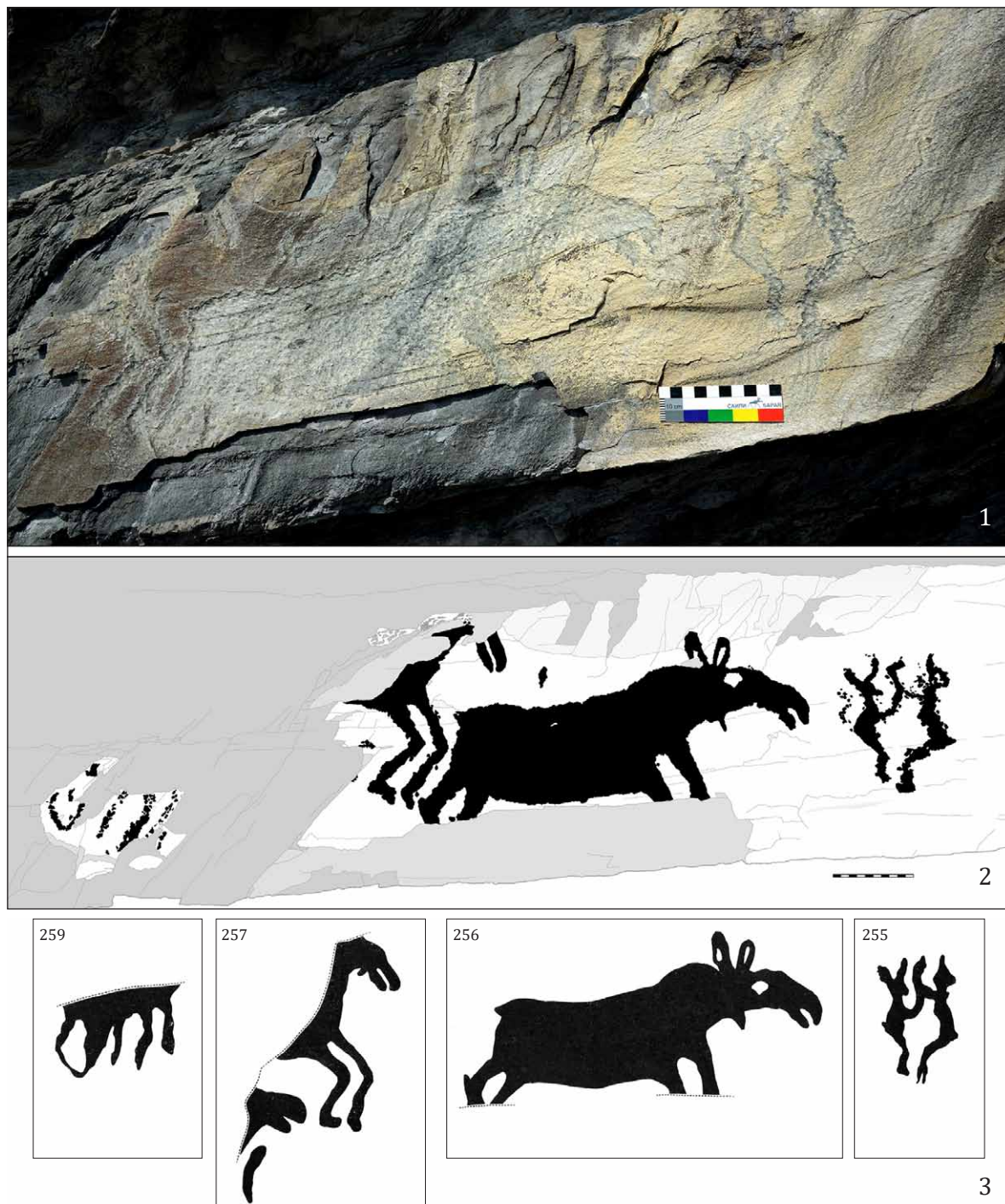

Рис. 8. Томская писаница. Одна из плоскостей, расположенных за пределами основной группы: 1 – общий вид, фото И. В. Аболонковой; 2 – современное состояние композиции, прорисовка автора; 3 – прорисовки отдельных фигур (по: [Окладников, Мартынов, 1972])

многофигурной композиции. За прошедшие со времени её создания тысячелетия не только отслоилась и осыпалась скальная корка вместе с изображениями, но и разрушились нижележащие блоки скального массива. Поэтому плоскость как бы «повисла» на высоте, снизу подхода к ней

нет. Лишь каким-то чудом сохранились довольно значительные по площади фрагменты скальной корки, на которых угадывается несколько фигур бегущих лосей. Одна из них сохранилась почти целиком (рис. 9: 3), от остальных видны части туловищ, ног, голов и т. д. Они выполнены

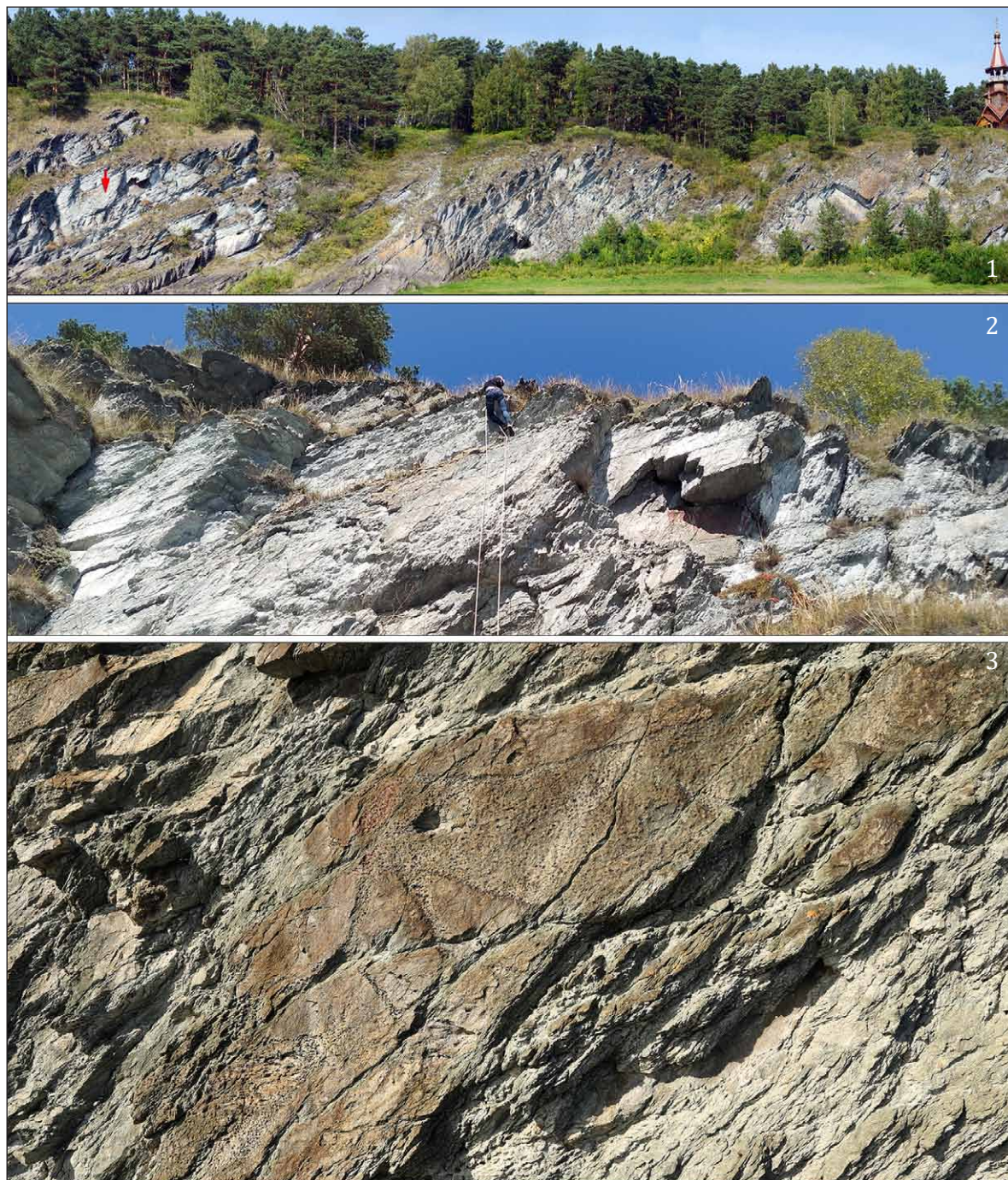

Рис. 9. Томская писаница. Плоскость за пределами основной группы, обнаруженная в 2018 г.: 1 – расположение относительно часовни, фотопанорама автора; 2 – фотосъёмка с помощью скалолазного оборудования, фото И. Д. Арефьева; 3 – изображения лосей (фрагмент композиции), фото И. В. Аболонковой

точечной выбивкой, но, что самое удивительное, несмотря на очень плохое состояние плоскости, сохранились даже следы рисунков, выполненных краской. Невооружённым глазом хорошо видно пятно красной краски поверх выбивки на крупе наиболее полной фигуры лося, а при компьютерной обработке фотографий выявляются ещё остатки фигур таких же лосей, как выбитые, но перекрытые ими.

Таким образом, Томская писаница, несмотря на почти уже трёхвековую историю изучения, продолжает преподносить нам сюрпризы. Петроглифическая экспедиция музея-заповедника будет продолжать обследование и каталогизацию памятника. Одним из важных направлений дальнейшей работы должна стать разработка способов представления посетителям тех объектов памятника, которые недоступны для непосредственного осмотра.

Источники

Агеева Э. Н., Кочанович А. В., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Проведение комплексных консервационных мероприятий, направленных на нейтрализацию процессов разрушения памятника наскального искусства Томская писаница. Отчёт о НИР № 07-10/3-3303 от 07.08.2007 (ГАУК КО «Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница»). М., 2007. 52 с. // Научный архив музея-заповедника «Томская Писаница». Ф. 4. Оп. 1. Д. 115.

Агеева Э. Н., Кочанович А. В., Миклашевич Е. А. Организация и проведение консервационных и строительно-монтажных работ, необходимых для реставрации объекта культурного наследия федерального значения – памятника наскального искусства «Томская писаница». Отчёт по госконтракту №53-01-41/04-ПХ от 18.08.2008 года (ГАУК КО «Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница»). М., 2008. 85 с. // Научный архив музея-заповедника «Томская Писаница». Ф. 4. Оп. 1. Д. 116.

Кызласов Л. Р. Отчёт о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4265.

Кызласов Л. Р. Отчёт о работах Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4010.

Кызласов Л. Р. Отчёт о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4242.

Николаев Р. В. Отчёт о полевой археологической работе Красноярского краевого краеведческого музея в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1515–1517.

Литература

Мартынов А. И., Покровская А. Ф., Русакова И. Д. Утраченные и вновь обнаруженные изображения «Томской писаницы» // Природа. Сб. статей музея-заповедника «Томская Писаница». Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. Вып. 1. С. 104–111.

Миклашевич Е. А. Документирование повреждений петроглифов Томской писаницы // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Мат-лы межд. науч. конф. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Т. 1. С. 128–138. (Труды САИПИ. Вып. VIII).

Миклашевич Е. А. Комплекс памятников наскального искусства Оглахты: информационный потенциал и перспективы исследования // Научное обозрение Саяно-Алтая. Археология. 2015. № 1(9). С. 54–77.

Миклашевич Е. А. Памятники наскального искусства Оглахтинского хребта: перспективы номинирования в Список всемирного наследия ЮНЕСКО // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 268–273.

Миклашевич Е. А., Бове Л. Л. Некоторые результаты перкуссионной дефектоскопии петроглифов Томской писаницы // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Мат-лы межд. науч. конф. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Т. 1. С. 138–140. (Труды САИПИ. Вып. VIII).

Миклашевич Е. А., Бове Л. Л. Новые петроглифы на береговых скалах Красноярского водохранилища (методика поиска и проблемы документирования) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2017. Т. III. С. 121–126.

Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2015 году // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2016. Вып. 3. С. 30–48, 86–89.

Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.: Искусство, 1972. 256 с.

Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Sibérie du Sud 2. Paris: Diffusion de Boccard, 1995. Fascicule №. 2. 246 p.

Sher J. A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Répertoire Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Sibérie du Sud 1. Paris: Diffusion de Boccard, 1994. Fascicule № 1. 160 p.

УДК 908

ДЕРЕВНЯ ТАЛАЯ (ТУТАЛЬСКАЯ) В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

И. А. Плац

Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН

В статье публикуются ситуационный план деревни Талой (Тутальской) 1830-х гг., план волостного правления, располагавшегося в деревне Талой, типовой план волостного правления, план почтовой станции. Источниками для написания статьи стали документы из Государственного архива Алтайского края (ГААК), на основе которых частично реконструируется внешний вид деревни Талой в первой половине XIX в., характеризуется внутреннее устройство некоторых зданий.

Ключевые слова: Притомье, Талая, Тутальская, волостное правление, почтовая станция, русская деревня, планиграфия, XIX век

TALAYA (TUTALSKAYA) VILLAGE IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

I. A. Plats

Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, SB RAS

The article publishes a situational plan of Talaya (Tutalskaya) village of the 1830s, a plan of the *volost* (district) administration located in the village of Talaya, a typical plan of the *volost* administration, and a plan of the post house in Talaya. The source base includes documents from the State Archives of Altai Territory. The appearance of Talaya village in the first half of the 19th century is partially reconstructed on the basis of archival documents. The internal structure of some buildings was characterized.

Keywords: the Tom region, Talaya, Tutalskaya, *volost* administration, post house, Russian village, planigraphy, the 19th century

Деревня Талая (Тутальская, Туталая) является одним из старейших населённых пунктов на юге Нижнего Притомья. Она основана в 1692 г. пашенным крестьянином Кобылиным [Емельянов, 1978, с. 38; РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1371, л. 517 об.]. Деревня Тутальская с 1792 по 1924 гг. являлась административным центром в рамках Томского уезда Томской губернии (с 1792 г. – Тутальской слободы, после 1797 г. – Тутальской волости). В ходе реформы низового районирования Тутальская волость в сентябре 1924 г. была включена в состав вновь образованного Юргинского района [Усков, 2000, с. 111]. Однако и сейчас деревня Талая (официальное современное название) является крупным населённым пунктом (1396 человек по переписи 2010 г.).

История малых населённых пунктов Кемеровской области сравнительно мало изучена. Если каждому кузбасскому городу

посвящена как минимум одна монография и множество статей, то даже самые знаменитые сёла и деревни нашего края редко становятся предметом отдельного исследования. Довольно хорошо освещены в литературе только основные вехи истории деревни Талой [Косовец, 2010, с. 14], но стоит отметить, что в архивах нашей страны хранится множество ценных документов, которые позволяют исследовать и освещать самые разнообразные стороны деревенской жизни XVII–XIX вв. Поэтому основными задачами данной работы являются частичное восстановление облика деревни Талой (Тутальской) в первой половине XIX в. на основе архивных документов; выявление некоторых планиграфических закономерностей в расположении различных традиционных деревенских сооружений и объектов; характеристика внутреннего устройства данных сооружений; ре-

конструкция некоторых черт быта при- томских крестьян первой половины XIX в.

Источниками для написания статьи стали документы из Государственного архива Алтайского края (ГААК), отложившиеся в результате деятельности Чертежной Главного управления Алтайского округа. Как известно, крестьяне Томской губернии были обязаны исполнять определённые повинности в пользу Алтайского горного округа, земли которого принадлежали Кабинету Его Императорского Величества [История Кузбасса, 1967, с. 73, 74]. Естественно, что администрация Алтайского округа регулярно собирала разнообразные сведения о положении крестьян, а также производила межевание земель. Планиграфию деревни Талой в первой половине XIX в. можно реконструировать по ситуационному плану [ГААК, ф. 50, оп. 5, д. 236]. На этом плане имеются данные о числе ревизских душ (91 мужского пола, 110 женского пола), что совпадает с количеством

населения деревни по восьмой ревизии 1834 г. [Усков, 2005, с. 97]. Таким образом, план составлен, скорее всего, в конце 1830-х гг. [Усков, 1999]. В архиве также сохранились планы и фасады волостного правления, почтового дома, запасного магазина деревни Талой [ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 418; 419]. Стиль оформления и почерк на перечисленных чертежах идентичен ситуационному плану: предположительно, они выполнены одним человеком примерно в одно и то же время. В качестве дополнительного источника привлечён типовой план здания волостного правления с управленческой канцелярией [ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 464]. Датировка этого чертежа затруднительна, можно лишь заключить, что в 1830-х гг. по этому плану уже возводились правления в различных волостях, а значит, время его составления – начало XIX в.

Деревня Талая располагалась на некотором удалении от береговой линии р. Томи, по обеим берегам р. Талой (рис. 1). Чертеж-

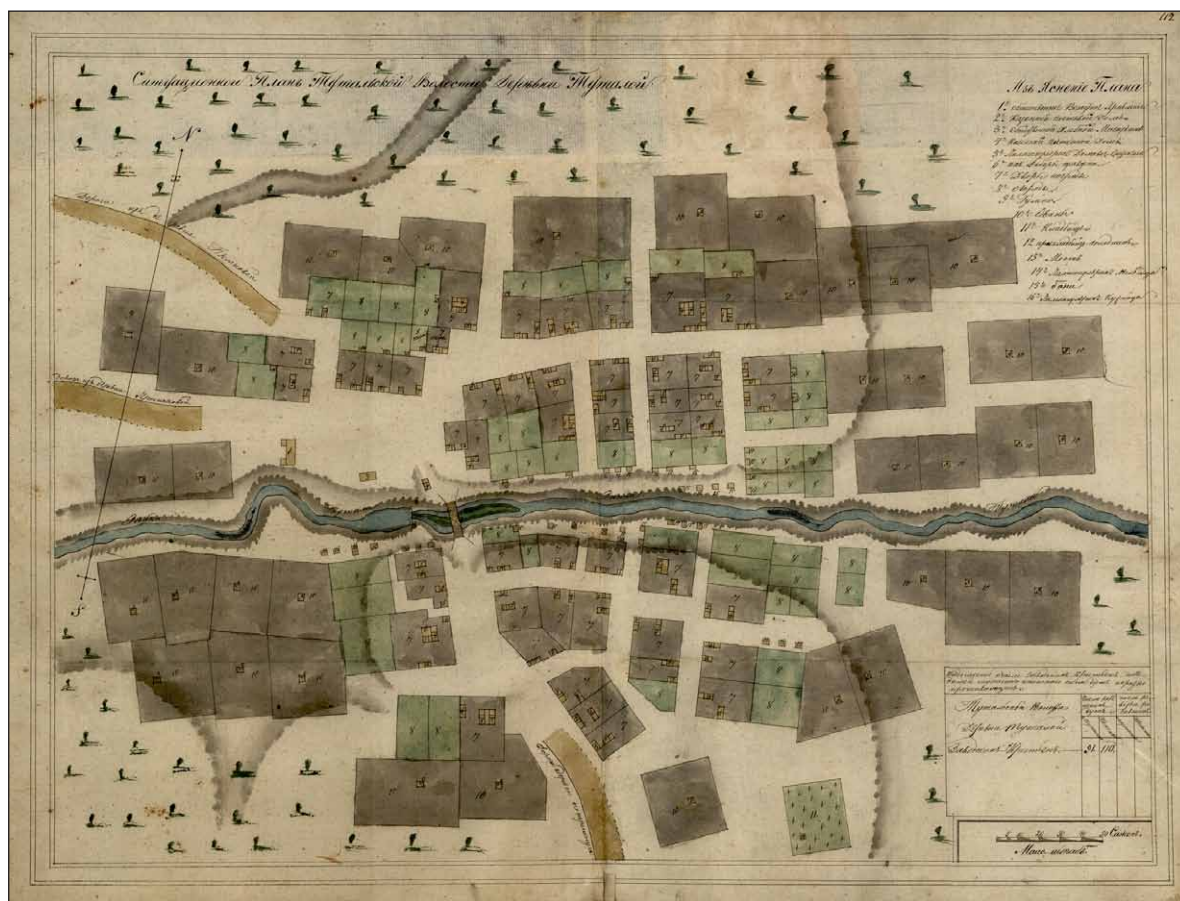

Рис. 1. Ситуационный план Тутальской волости деревни Туталой. ГААК, ф. 50, оп. 5, д. 236

ником прекрасно показано, что все дома располагались на несколько приподнятых над остальной местностью террасах, что предохраняло жителей от паводка. С севера и юга к деревне примыкали лесные угодья, пользование которыми позволяло крестьянам вести строительство и отапливать жилища. На плане отмечено, что в деревню Талую вели дороги из Поперечного Искитима, Пятковой и Проскоковой. Дело в том, что из Поперечного Искитима через Тутальскую (Талую) проходил Томско-Кузнецкий земский тракт, который в Проскоково соединялся с Большим Сибирским (Московским) трактом [Скрябина, 2018, с. 55, 56]. На плане также имеются обозначения 16 различных объектов (рис. 1). Рассмотрим каждый из них более подробно.

1. *Волостное правление.* Расположено на левом берегу реки Талой. Бросается в глаза, что волостное правление находится на некотором удалении от других

построек, а непосредственно перед зданием правления имелось довольно обширное свободное пространство, своеобразная «площадь». Сохранилось изображение волостного правления в деревне Талой (рис. 2, справа), а также в нашем распоряжении имеется типовой план волостного правления (рис. 3). Здание было оборудовано тремя входами с крыльцом и ступеньками. В центральной части правления находились сени и прихожая. Имеется пометка чертёжника, что в прихожей «место где сидеть должен приказной для отобрания голосов». В правом крыле здания располагался вход в тюремные камеры – мужскую и женскую. В правой части также располагались комнаты для архивов и навес для пожарных инструментов. В левом крыле волостного правления должны были быть следующие комнаты: судейская, кладовые, подъяческая, ещё одна судейская, для секретных дел. Такая планировка здания предполагалась в идеа-

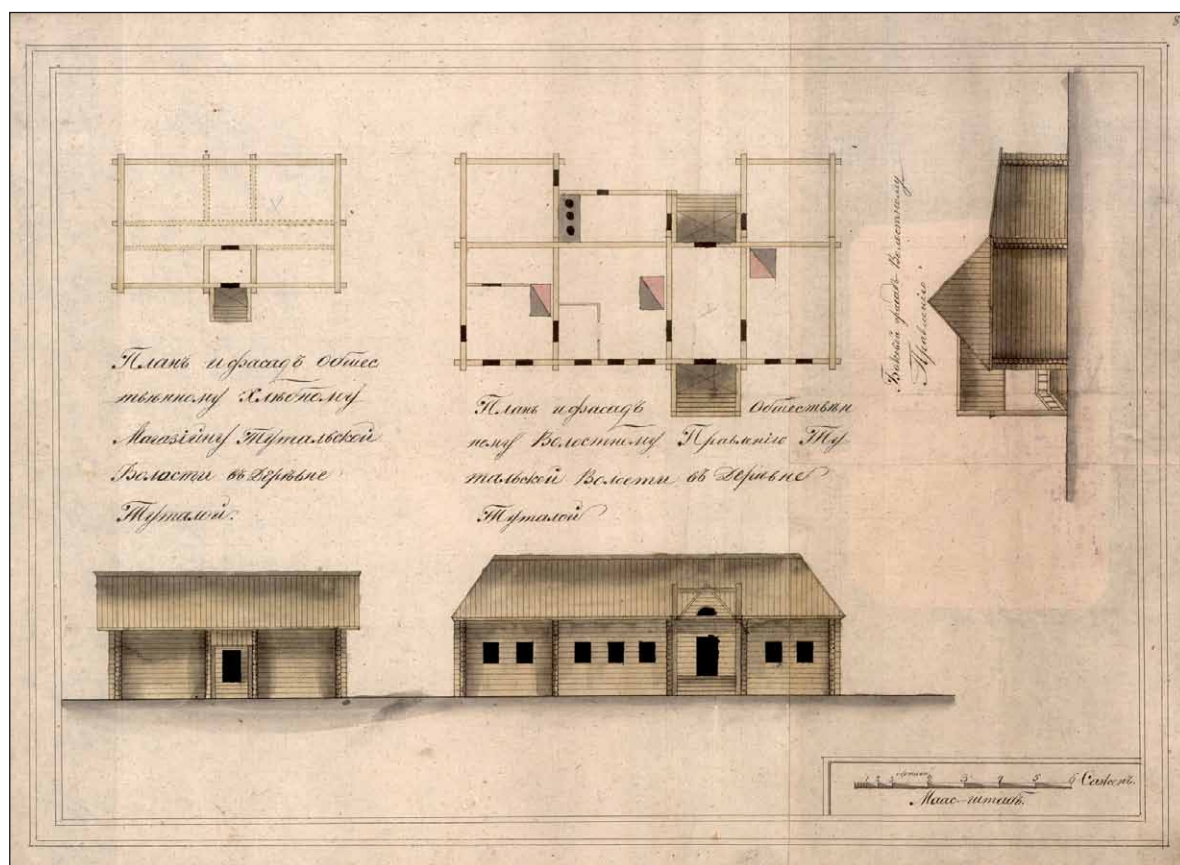

Рис. 2. Планы и фасады общественного волостного правления и общественного хлебного магазина Тутальской волости в деревне Тудалой. ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 418

ле (по типовому плану на рис. 3). В реальности же в волостных правлениях могли отсутствовать те или иные комнаты. Так, в здании правления в деревне Талой мужская и женская камеры были объединены в одну комнату, не имелось навеса для пожарных инструментов, отсутствовали вторая судебная и комнатка для секретных дел.

Штат волостного правления состоял из волостного головы, старосты и волостного писаря, которые выполняли разнообразные низовые административные функции [Свод законов Российской империи, 1833, с. 273–277].

2. *Казённый почтовый дом (станция).* Сохранился чертёж этого здания в дерев-

не Талой (рис. 4). Он представлял собой прямоугольную огороженную забором территорию. Внутри забора располагался двор, огород, завозня (?) и две срубных избы. Почтовые станции сооружались в населённых пунктах, через которые проходил какой-либо тракт. В случае деревни Талой – это тракт Кузнецк–Томск. В почтовой станции путники могли заночевать и сменить почтовых лошадей. Местные крестьяне с начала XIX в. и до 1830 г. платили от 1 до 2 рублей с ревизской души на содержание почтовых лошадей, до 90 копеек в год на поддержание сухопутных и водных путей, а также оплачивали единовременные сборы на строительство новых почтовых домов [Зобнин, 1894, с. 65, 66].

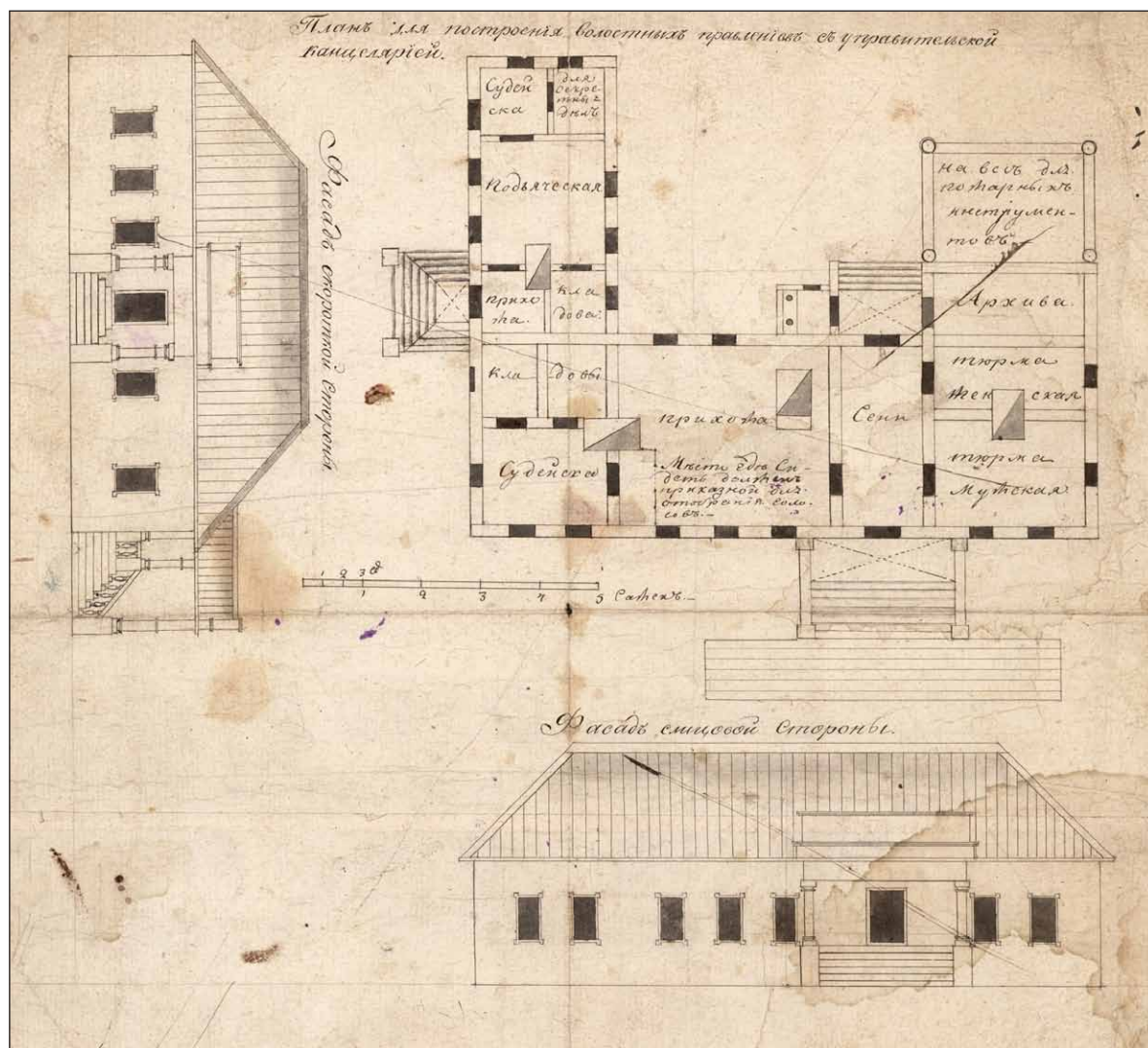

Рис. 3. План здания волостного правления с управленческой канцелярией.
ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 464

3. *Общественный хлебный магазин.* В общественный или, как часто их называли, «запасной» хлебный магазин крестьяне были обязаны сдавать часть урожая на случай голода. Данная практика связана с законом 1799 г., по которому предписывалось обустройство хлебных запасных магазинов в каждом селении, где имелось не менее 50 дворов [Котов, 2013, с. 93–95]. Внешний вид данного типа здания сохранился на одном из чертежей (рис. 2, слева). Правила по эксплуатации магазина опубликованы в предыдущем номере журнала [Плац, 2018]. Магазин находился в непосредственной близости к волостному правлению.

4. *Казённый питейный дом.* В Российской империи существовала государственная монополия на продажу спиртных напитков. Корчемство (тайное производство и торговля спиртными напитками) преследовалось законом. Но государство передавало право торговли за определённую плату так называемым откупщикам, кото-

рые через казённые питейные дома могли реализовывать «питие» [Прыжов, 1914, с. 205–270]. Питейный дом находился рядом с другими казёнными сооружениями – хлебным магазином и волостным правлением.

5. *Частные дома.* В деревне на момент составления плана насчитывалось 52 частных дома. Как выше отмечалось, население деревни по восьмой ревизии (1834 г.) состояло из 201 человека. То есть в каждом доме в среднем проживало 4 жильца. Это несколько не соответствует нашим представлениям о больших крестьянских семьях в дореволюционной России. По всей видимости, дело в высокой детской смертности, а также в том, что каждый крестьянин, достигший зрелого возраста, старался обзавестись отдельным домом. На плане видно, что дома в деревне Талой были самой разнообразной планировки – однокамерные, двухкамерные, трёхкамерные. В ряде случаев трёхкамерные дома соединялись с хозяйственными постройками

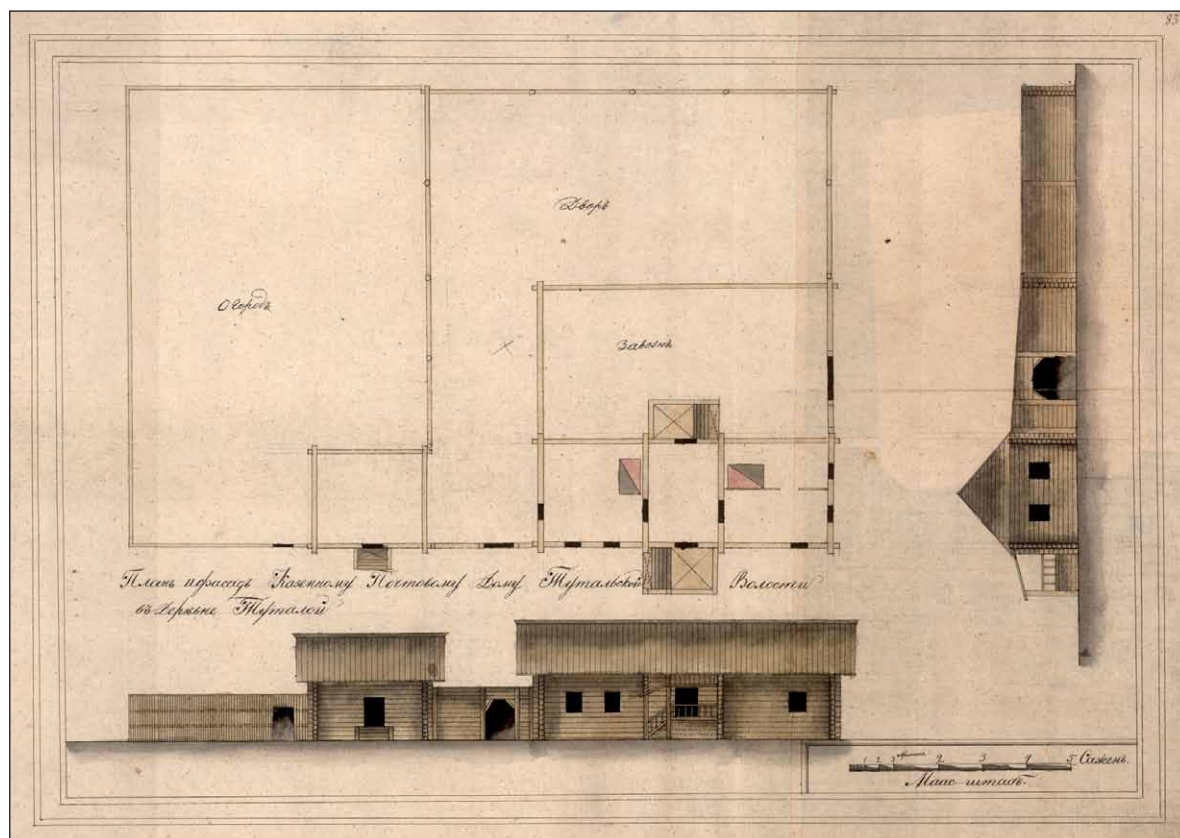

Рис. 4. План и фасад казённого почтового дома Тутальской волости в деревне Туталой. ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 419

(амбаром) в единый комплекс. Такое разнобразное и комбинирование свойственно традиционному русскому жилищу [Токарев, 1958, с. 51–71; Скрыбина, 1997, с. 61–69].

6. *Амбары.* Свой амбар был у каждого домовладельца. Он мог стоять отдельно от жилого дома, а мог и пристраиваться к нему, о чём написано выше.

7. *Дворы.* Дворы представляли собой огороженные участки. Внутри этого участка обязательно располагался жилой дом и амбар. Зачастую ко двору примыкал огород, а к огороду – гумна с овинами.

8. *Огороды.* Огородничество всегда было важным подспорьем русского человека. На огородах в XIX в. притомские крестьяне выращивали брюкву, капусту, морковь, репу, лук [Скрыбина, 1997, с. 40]. На плане изображен 51 участок под огород. Учитывая количество частных домов, можно заключить, что каждый домохозяин имел отдельный огород.

9, 10. *Гумна и овины.* Гумно – это огороженный участок, где проводился обмолот жита. Овин – хозяйственная постройка внутри гумна для сушки снопов. При составлении плана чертёжник явно перепутал гумно и овин. Гумно на плане отмечено под цифрой 9, овин – под цифрой 10. Правильно же было обозначить их наоборот. В деревне насчитывалось 37 участков с гумном и овином. По всей видимости, некоторые гумна и овины использовались одновременно двумя-тремя хозяевами.

11. *Кладбище.* Располагалось на окраине деревни, но в непосредственной близости от крайних её домов. Так же, как и остальная часть деревни, кладбище располагалось на террасе, приподнятой над окружающей местностью. Судя по небольшим размерам кладбища (65×50 м), могилы располагались вплотную друг к другу, как и на современных русских некрополях. Надгробиями, судя по условным обозначениям на плане, служили исключительно деревянные кресты.

12. *Холодник при кладбище.* Данное здание располагалось прямо на кладбище и предназначалось для хранения тел умерших до погребения. Любопытно, что в этнографической литературе не удалось най-

ти упоминаний о холодниках. Впрочем, холодник имелся не при каждом деревянном кладбище. После просмотра более 20 ситуационных планов притомских деревень и сёл, оказалось, что данное здание было зафиксировано чертёжниками, помимо кладбища в деревне Талой, только в Зелеево, Кулаково и Паче. В публицистической литературе имеется упоминание холодника у В. Арефьева, который посещал могилу ссыльного общественного деятеля М. В. Буташевича-Петрашевского на кладбище в селе Бельском Енисейской губернии. По его воспоминаниям, после скорострительной смерти М. В. Буташевича-Петрашевского в 1866 г., его неостребованное тело более двух месяцев хранилось в холоднике, описанном как «покосившийся с выбитыми окнами и полуразрушенной крышей» [Арефьев, 1902, с. 184–186]. По всей видимости, холодники использовались только в исключительных случаях – когда по определённым причинам нельзя было провести погребение по традиционному обычаю, либо, когда в деревне умирал человек из другой местности и требовалось время, пока тело заберут родственники.

13. *Мост.* В деревне имелся один мост через речку Талую. Очевидно, что этот мост являлся частью тракта Кузнецк–Томск. В первой половине XIX в. все заботы по строительству и поддержанию дорог и мостов тяжким бременем лежали на местном населении [Зобнин, 1894, с. 64–69]. В рамках так называемой натуральной дорожной повинности крестьяне зачастую были обязаны отправляться на ремонт дорог за десятки километров от своего родного селения, отрываясь от полевых работ. Естественно, что население деревни не было заинтересовано в качестве проводимых работ, поэтому дороги находились в неудовлетворительном состоянии. Парадоксально, что близость деревни Талой к тракту не обязательно являлась благом для местных крестьян, ведь им приходилось тратить гораздо больше сил на обустройство дорог, чем жителям поселений, находящихся в стороне от оживлённых путей сообщения.

14. *Частная мельница.* В первой половине XIX в. практически в каждом поселении имелась мельница. Причем для русского крестьянства было характерно возведение преимущественно водяных мельниц ввиду обилия водных ресурсов. Ветряные мельницы для Сибири были очень редким явлением [Черных, Волшаник, 2017, с. 48], но строения такого типа были известны. Например, в Томске ещё в 1705 г. имелась ветряная мельница [Люцидарская, 2018, с. 458]. Водяные мельницы строились на малых реках, таких, как Талая. Обязательным атрибутом водяной мельницы являлась небольшая плотина, располагавшаяся перед ней. Это хорошо видно и на плане деревни Талой – перед мельницей чертёжник изобразил небольшой пруд. Аутентичных мельниц первой половины XIX в. в России не сохранилось, но имеются первые опыты по реконструкции данного типа зданий в рамках музейных комплексов, например, в музее-заповеднике «Михайловское» в Псковской области [Козмин, 2016].

15. *Бани.* В деревне насчитывалось 37 бань. Это свидетельствует о том, что своя баня была почти у каждого домохозяина, а те, у кого не было, стремились ей обзавестись. В современных частных домах баня практически всегда располагается на территории двора. Естественно, что у жителей деревни Талой не было водопровода, поэтому они вынуждены были располагать бани порой на значительном отдалении от дома, непосредственно на берегу реки. Тем самым вся береговая полоса была усыпана банями. Однако некоторые хозяева все же предпочитали ставить баню недалеко от дома, хоть и в стороне от реки, – такую планиграфическую особенность имели 9 бань деревни Талой.

16. *Частная кузница.* Своя кузница имела в каждой крупной деревне и селе. Местный кузнец обеспечивал крестьян простейшими изделиями из металла – гвоздями, подковами, орудиями труда. Деревенские кузнецы являлись не единственными поставщиками железных изделий. Основанный в 1771 г. Томский же-

лезодельный завод часть своей продукции (сошники, топоры, лопаты и др.) сбывал на рынок [История Кузбасса, 1967, с. 58, 59]. Сырьё для своих изделий кузнецы тоже получали скорее всего с Томского завода. В Талой кузница располагалась на правом берегу реки, рядом с водяной мельницей. Вполне возможно, что кузнец также пользовался энергией водяного колеса для выполнения некоторых операций.

Стоит отметить, что в деревне Талой отсутствовала церковь, не было даже часовни. Лишь в 1902 г. Талая стала селом после постройки церкви во имя св. Николая Мирликийского [Кимеев, Кандрашин, Усольцев, 1996, с. 263]. До этого момента религиозные нужды справлялись в селе Проскоково. Однако Талая (Тутальская) являлась не единственным волостным центром без статуса села. Аналогичная ситуация имела в деревне Усть-Искитимской, которая с начала XIX в. была центром Верхотомской волости, но церковь обзавелась только в 1846 г. [Усков, 2011, с. 59–62].

Подводя итоги, можно заключить следующее. Первое: опубликованные и охарактеризованные в данной статье документы позволили в основных чертах реконструировать исторический ландшафт деревни Талой в первой половине XIX в. Для нескольких типов построек представлены довольно точные чертежи, которые позволяют воссоздавать эти здания в рамках музеев-заповедников.

Второе: обращение к плану деревни Талой ещё раз показывает, какой большой кладёз информации несут в себе ситуационные планы кузбасских деревень первой половины XIX в., хранящиеся в ГААК [Ф. 50, оп. 5]. Впервые на них обратил внимание И. Ю. Усков [Усков, 1999], а также опубликовал планы деревень Кемеровой и Красный Яр [Усков, 2001], однако общее их количество только по Кузбассу (Томский и Кузнецкий уезды) – около трёх сотен. Ситуационные планы являются не только историческим источником. Из планов можно извлечь ряд этнографических

подробностей быта русского старожильческого населения, а также произвести сравнение данных, собранных преимущественно в конце XIX–XX вв. [Скрябина, 1997, с. 4–8], с ситуацией, имевшейся в первой половине XIX в. и отражённой на планах. Данный вид источников имеет большую ценность в археологических исследованиях, так как в последние десятилетия в Кемеровской области расширяются раскопки первых русских поселений [Сизёв, 2017]. Наличие на планах линейного масштаба позволяет достаточно точно определить распространение культурного слоя и расположение деревенских построек ещё

на стадии планирования работ. В 2018 г. использование планов было успешно апробировано во время археологического исследования «кемеровских» деревень [Марочкин, Плац, Сизёв и др., 2018].

В целом, дальнейшее изучение архивных источников позволит более ярко представлять повседневную жизнь крестьянского населения Томского и Кузнецкого уездов и понять, как наш край прошёл путь от пограничной территории Русского государства до одной из самых густонаселённых, урбанизированных и аграрно-промышленных областей Российской Федерации.

Источники

Дозорная книга Томского уезда. 1703 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 214, оп. 1, д. 1371.

План и фасад волостного правления в д. Тутальской // Государственный архив Алтайского края. Ф. 50, оп. 11, д. 418.

План и фасад казённого почтового дома в д. Тутальской Тутальской вол. // Государственный архив Алтайского края. Ф. 50, оп. 11, д. 419).

Проект здания волостного правления с управленческой канцелярией // Государственный архив Алтайского края. Ф. 50, оп. 11, д. 464.

Ситуационный план Тутальской волости, деревни Туталой, Томского уезда // Государственный архив Алтайского края. Ф. 50, оп. 5, д. 236.

Литература

Арефьев В. М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири // Русская Старина. 1902. № 1. С. 177–186.

История Кузбасса. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1967. Ч. 1, 2. 380 с.

Емельянов Н. Ф. Население Среднего Притомья в XVII – первой половине XIX вв. // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв. Томск: Изд-во Томского университета, 1978. С. 17–39.

Зобнин Н. Приписные крестьяне Алтая // Алтайский сборник: издание Общества любителей исследования Алтая. Томск: Паровая Типо-Литография П. И. Макушина, Магистрат, 1894. Вып. 1. № 4. С. 1–75.

Кимеев В. М., Кондрашин Д. Е., Усольцев В. Н. Православные храмы Кузбасса. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. 308 с.

Козмин В. «Гудит мельничное колесо...» // Наука и жизнь. 2016. № 2. С. 102–109.

Косовец В. И. История заселения окрестностей Юрги и прилегающих территорий Среднего Притомья и Приобья. Юрга: Юргинский филиал ФГУП ЦНИИ «Комплекс», 2010. 142 с.

Котов П. П. Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2013. № 1 (144). Вып. 25. С. 90–96.

Люцидарская А. А. Мельницы сибирского региона в XVII веке как знаки становления и развития мукомольного производства // Баландинские чтения. 2018. Т. XIII. С. 457–461.

Марочкин А. Г., Плац И. А., Сизёв А. С., Васютин С. А., Веретенников А. В. Начало археологического изучения «кемеровских» деревень // Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка. Новокузнецк: НФИ КемГУ; «Арт-экспресс», 2018. С. 65–73.

- Плац И. А.* Чертежи Вознесенской церкви и запасного магазина села Верхотомского (первая половина XIX в.) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. Вып. 8. С. 100–106.
- Прыжов И. Г.* История кабаков в России в связи с историей русского народа. Казань: «Молодые Силы», 1914. 282 с.
- Свод законов Российской империи.* Свод учреждений государственных и губернских. 1833. Ч. 2. 916 с.
- Сизёв А. С.* Русская археология Кузнецкого Притомья: история изучения, современное состояние и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 90–98.
- Скрябина Л. А.* Русские Притомья. Историко-этнографические очерки (XVII – начало XX вв.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 130 с.
- Скрябина Л. А.* К истории Московско-Сибирского почтового тракта на территории современной Кемеровской области // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. Вып. 7. С. 53–67.
- Токарев С. А.* Этнография народов СССР. Москва: Изд-во Московского университета, 1958. 615 с.
- Усков И. Ю.* Картографические материалы по истории деревень Кузбасса // Архивы Кузбасса. 1999. № 1 (3). С. 45–48.
- Усков И. Ю.* Административно-территориальное деление Кузбасса 1920–2000 гг. Кемерово: ИД «Азия», 2000. 128 с.
- Усков И. Ю.* Кемерово: формирование территории и населения областного центра. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 84 с.
- Усков И. Ю.* Формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII – первой половине XIX в. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. 130 с.
- Усков И. Ю.* Кемерово: рождение города. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. 351 с.
- Черных О. Н., Волшаник В. В.* Роль водяных мельниц в воссоздании исторических ландшафтов // Природообустройство. 2017. № 4. С. 47–55.

УДК 908

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО И ДОМОВАЯ РОСПИСЬ ТОМСКОГО И КУЗНЕЦКОГО УЕЗДОВ В РИСУНКАХ АРХИТЕКТОРА А. Д. КРЯЧКОВА

Л. А. Скрыбина

Музей-заповедник «Томская Писаница»

Статья вводит в научный оборот неизвестные ранее рисунки сибирского архитектора А. Д. Крячкова, отложившиеся в личном фонде члена-корреспондента Академии архитектуры СССР, доктора искусствоведения Е. А. Ащепкова, хранящемся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО). Акварельные и карандашные рисунки были выполнены А. Д. Крячковым в 1910 г. во время исследовательских поездок по селениям Кузнецкого и Томского уездов (ныне территория Кемеровской области) и являются ценным источником по истории деревянного зодчества и домовой росписи в Кузбассе.

Ключевые слова: архитектор А. Д. Крячков, историк архитектуры Е. А. Ащепков, рисунки, деревянное зодчество Сибири, Томский уезд, Кузнецкий уезд, Кемеровская область

WOODEN ARCHITECTURE AND HOUSE PAINTING OF TOMSK AND KUZNETSK COUNTIES IN DRAWINGS BY THE ARCHITECT A. D. KRYACHKOV

L. A. Skryabina

Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"

The article introduces some previously unknown for scientific community drawings by the Siberian architect A. D. Kryachkov stored in the personal fund of a Corresponding Member of the Academy of Architecture of the USSR, Doctor of Arts E. A. Ashchepkov. The fund is kept in the State Archive of Novosibirsk Region. Watercolor and pencil drawings were made by A. D. Kryachkov in 1910 during research trips to the villages of Kuznetsk and Tomsk uyezds (counties, now the territory of Kemerovo Region). It presents a valuable source on the history of wooden architecture and house painting in Kuzbass.

Keywords: architect A. D. Kryachkov, historian of architecture E. A. Ashchepkov, drawings, wooden architecture of Siberia, Tomsk and Kuznetsk uyezds, Kemerovo Region

Андрей Дмитриевич Крячков (1876–1950) – выдающийся русский и советский архитектор первой половины XX в. В разные годы по его проектам в городах Сибири было построено около 100 зданий и сооружений, многие из которых являются сегодня памятниками истории и культуры федерального значения. В их числе – яркий образец «каменного конструктивизма» 20-х годов XX в. – Дворец труда в г. Кемерово (одна из самых первых многоэтажных каменных построек в городе

Щегловске (Кемерово); в настоящее время здесь находится Кемеровский областной колледж культуры и искусств).

Андрей Дмитриевич, бесспорно, был незаурядной личностью. Сын крестьянина Ярославской губернии сумел поступить в старейшее высшее техническое учебное заведение Российской империи – Институт гражданских инженеров в Санкт-Петербурге. По окончании учёбы в 1902 г. изъявил желание отправиться на работу в далекий Томск. Начал службу с должно-

сти младшего инженера Строительного отделения Томского губернского правления. Через год был приглашён преподавателем по архитектурному проектированию и рисованию в Томский технологический институт. В 1905 г. назначен архитектором Западно-Сибирского учебного округа, руководителем строительства комплекса зданий Томского университета и технологического института [Баландин, 1991, с. 4, 5, 13].

Преподавательскую деятельность в высших учебных заведениях Томска А. Д. Крячков активно сочетал с исследовательской работой и стал первым профессиональным практикующим архитектором, проявившим научный интерес к народному деревянному зодчеству Сибири.

А. Д. Крячков изучение сибирской архитектуры начал с Томска и селений ближайших уездов Томской губернии. В дальнейшем исследовал Алтайский Горный округ, Тобольск, Омск, Иркутск и другие сибирские регионы. На протяжении многих лет А. Д. Крячков делал массу зарисовок и фотографий деревянных городских домов, крестьянских изб, культовых и промышленных зданий, фиксировал различные архитектурные детали, обмерял планы жилищ, вычерчивал фасады, проводил глазомерную съёмку планов селений [Там же, с. 89, 90]. Итогом его многолетней и кропотливой работы стал научный труд «Деревянное и каменное зодчество Сибири», представленный им в 1920 г. при соискании учёного звания профессора и должности заведующего кафедрой Томского технологического института, а затем и Томского университета [Там же, с. 93]. Часть собранных материалов по истории архитектуры Сибири А. Д. Крячков опубликовал в статье «Архитектура. Городская архитектура» первой Сибирской Советской Энциклопедии [1929]. Позднее была опубликована другая его работа – «Материалы по истории промышленной архитектуры в Сибири (XVIII–XIX века)» [Крячков, 1937]. В 1940-х годах А. Д. Крячков актив-

но работал над монографией об архитектуре Тобольска, но книга, к сожалению, так и не была издана [Баландин, 1991, с. 94].

Свой искренний интерес к сибирскому деревянному зодчеству, страсть к исследовательскому поиску, а также многое из собранного им материала по народному зодчеству А. Д. Крячков передал своему ученику Евгению Андреевичу Щепкову, будущему члену-корреспонденту Академии архитектуры СССР, доктору искусствоведения, автору фундаментальных научных трудов «Русское народное зодчество Западной Сибири» [1950] и «Русское народное зодчество Восточной Сибири» [1953]. В частности, в личном фонде Е. А. Щепкова в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО) отложилась уникальная коллекция рисунков А. Д. Кряčkova (рис. 1–13), сделанных им в 1910 г. в русских старожильческих селениях Томского и Кузнецкого уездов Томской губернии [ГАО, ф. Р 2102, оп. 2, д. 10]. Ныне это населённые пункты Кемеровской области: г. Кемерово, бывшее с. Усть-Искитимское, д. Шумиха (Кемеровский р-он), с. Борисово (Крапивинский р-он), с. Красное, бывшее Брюхановское, (Ленинск-Кузнецкий р-он), с. Титово (Промышленновский р-он), с. Глубокое (Топкинский р-он), д. Усть-Стрелина (Топкинский р-он), с. Зелеево (Юргинский р-он), д. Нижняя Тайменка, бывшая Большая Тайменка (Яшкинский р-он).

Акварельные и карандашные зарисовки, выполненные А. Д. Крячковым в начале XX в. «с натуры», сегодня являются для нас ценнейшими источниками по истории деревянного зодчества и домовой росписи в Кузбассе. Коллекция состоит из 13 рисунков, выполненных на плотной бумаге размером 22×30 см. На каждом рисунке имеется авторская карандашная надпись, а также римские и арабские цифры, написанные красными и чёрными чернилами, явно добавленные позднее. Все рисунки публикуются впервые.

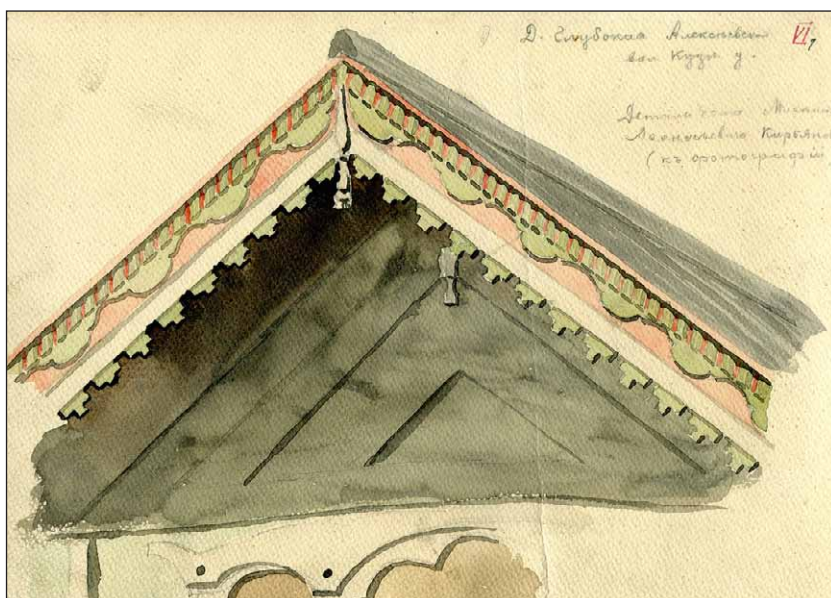

Рис. 1. Рисунок «Д. Глубокая Алексеевской вол. Кузнецкого у. Деталь дома Михаила Афанасьевича Кирьянова (к фотографии)». ГАНО, ф. Р 2102, оп. 2, д. 10, л. 1

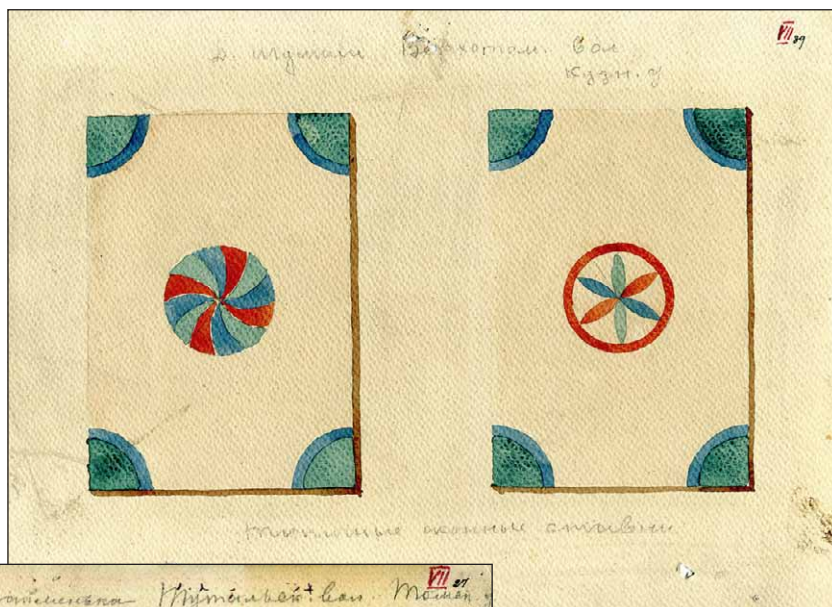

Рис. 2. Рисунок «Д. Шумиха Верхотомской вол. Кузнецкого у. Типичные оконные ставни». ГАНО, ф. Р 2102, оп. 2, д. 10, л. 3

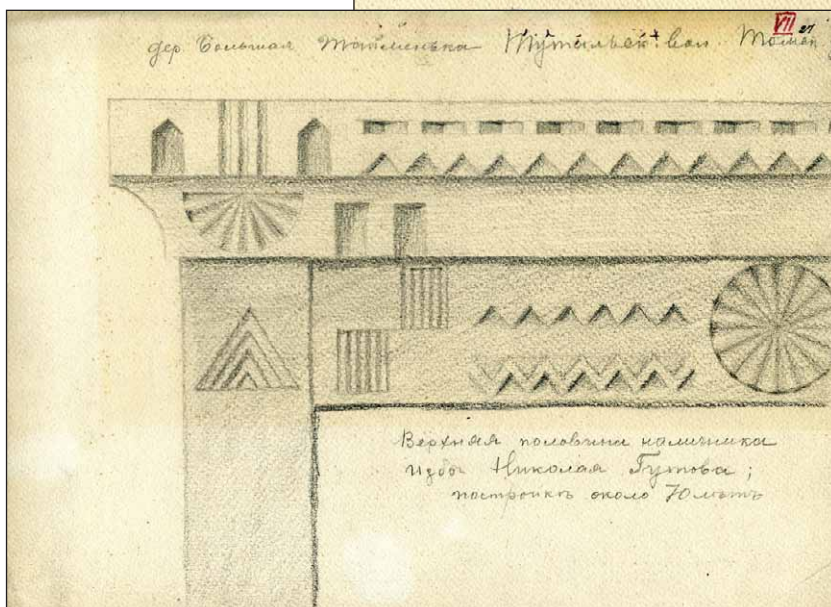

Рис. 3. Рисунок «Дер. Большая Тайменка Тугальской волости Томского у. Верхняя половина наличника избушки Николая Гугова; постройке около 70 лет». ГАНО, ф. Р 2102, оп. 2, д. 10, л. 2

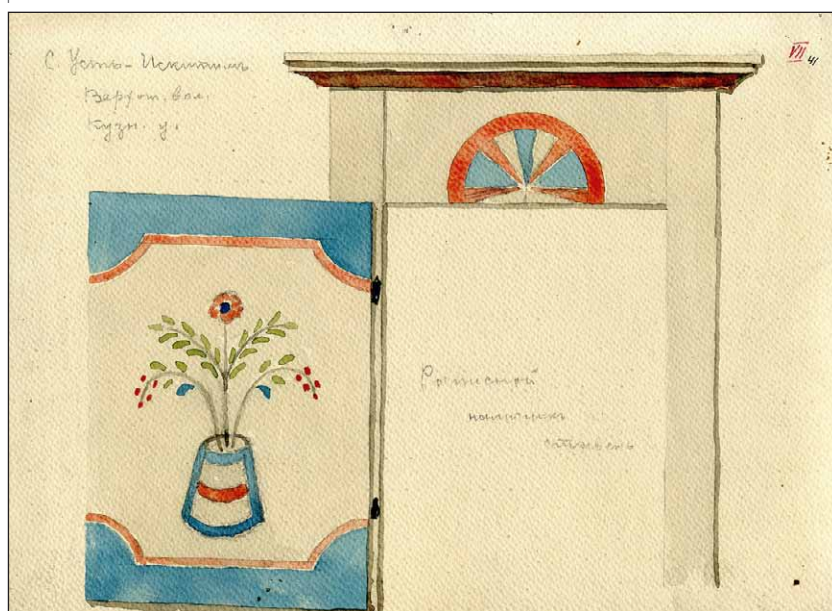

Рис. 4. Рисунок «С. Усть-Искитим Верхотомской вол. Кузнецкого у. Расписной наличник ставень». ГАНО, ф. Р 2102, оп. 2, д. 10, л. 4

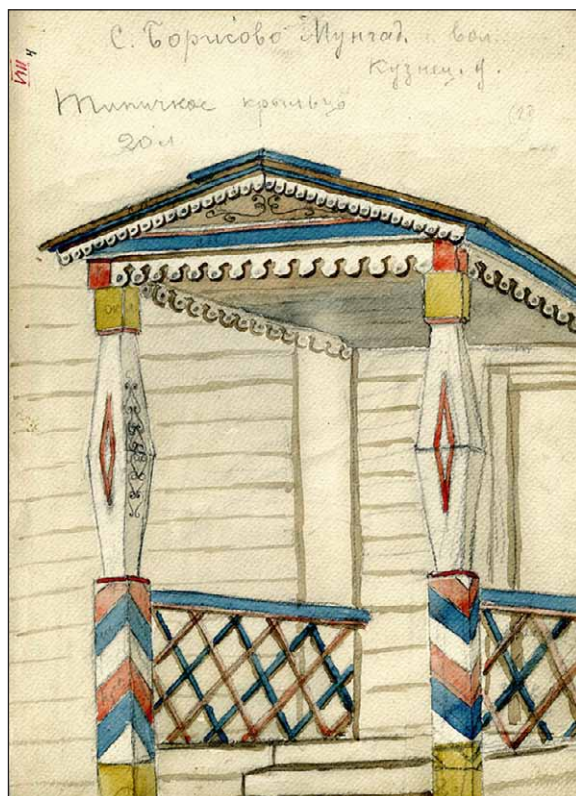

Рис. 5. Рисунок «С. Борисово Мунгадской вол. Кузнецкого у. Типичное крыльцо 20 л.». ГАНО, ф. Р 2102, оп. 2, д. 10, л. 5

Рис. 6. Рисунок «Д. Шумиха Верхотомской вол. Кузнецкого у. Деталь дома Егора Елина». ГАНО, ф. Р 2102, оп. 2, д. 10, л. 6

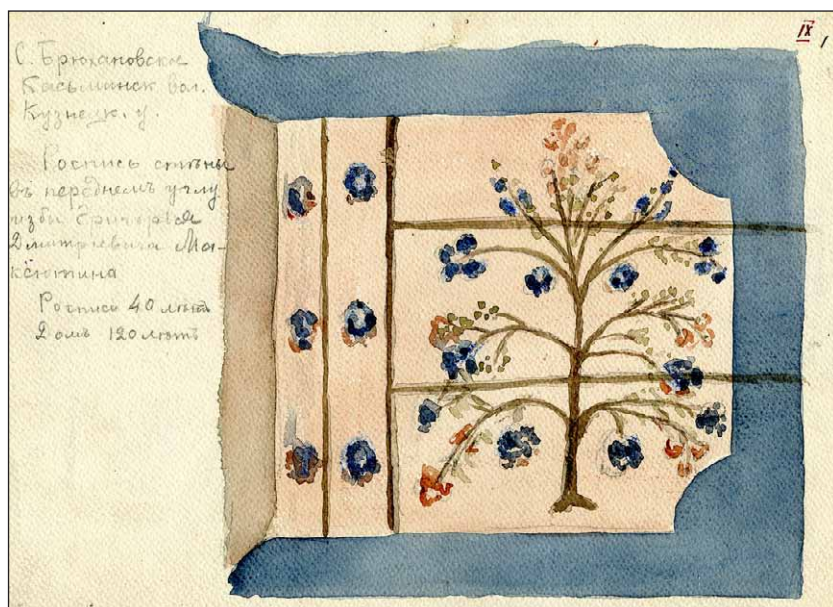

Рис. 7. Рисунок «С. Брюхановское Косьминская вол. Кузнецкий у. Роспись стены в переднем углу избы Григория Дмитриевича Максютина. Роспись 40 лет. Дом 120 лет». ГАНО, ф. Р 2102, оп. 2, д. 10, л. 7

Рис. 8. Рисунок «Д. Стрельна Алексеевской вол. Кузнецкого у. Роспись печи в избе. 40 лет». ГАНО, ф. Р 2102, оп. 2, д. 10, л. 8

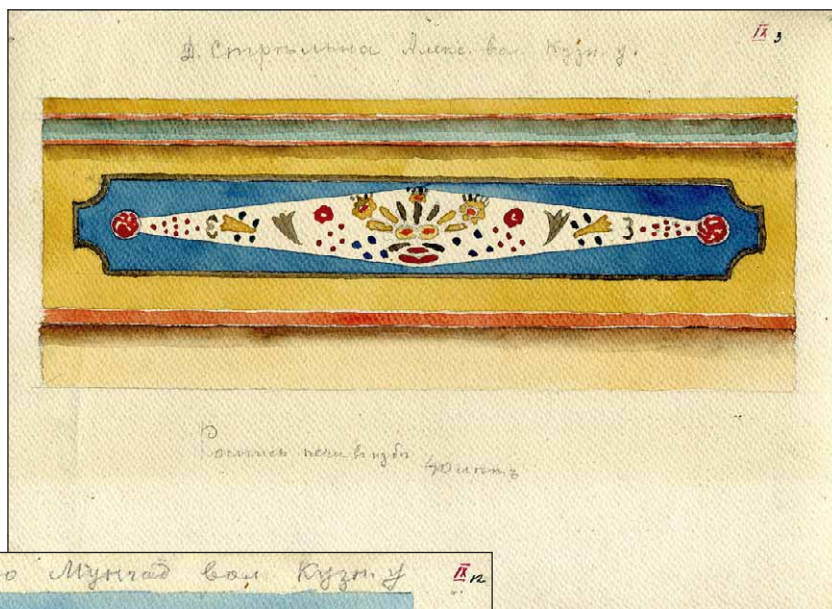

Рис. 9. Рисунок «С. Борисово Мунгад вол. Кузн. у. Роспись печи в избе 11 л.». ГАНО, ф. Р 2102, оп. 2, д. 10, л. 11

Рис. 10. Рисунок «С. Титово Тарсминской вол. Кузнецкого у. Роспись печи 30 л.».
ГАНО, ф. Р 2102, оп. 2, д 10, л. 9

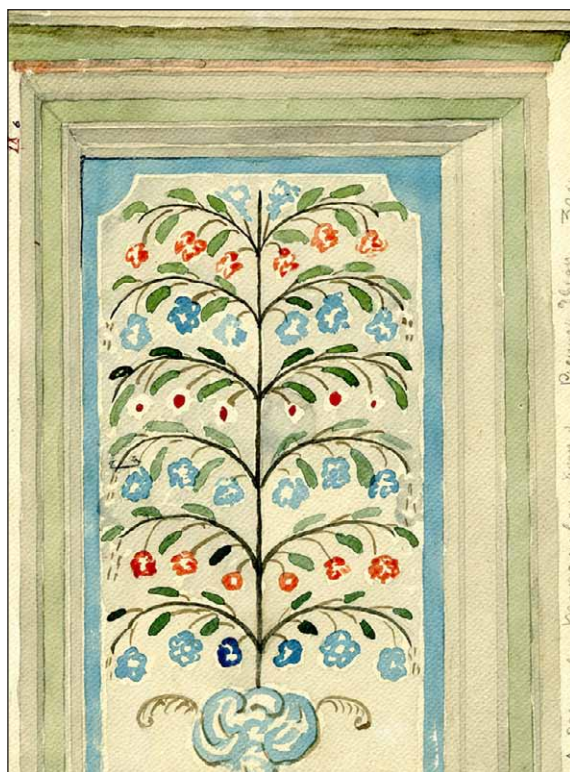

Рис. 11. Рисунок «С. Титово Тарсмин. вол. Кузн. у. Роспись двери 30 л.».
ГАНО, ф. Р 2102, оп. 2, д. 10, л. 10

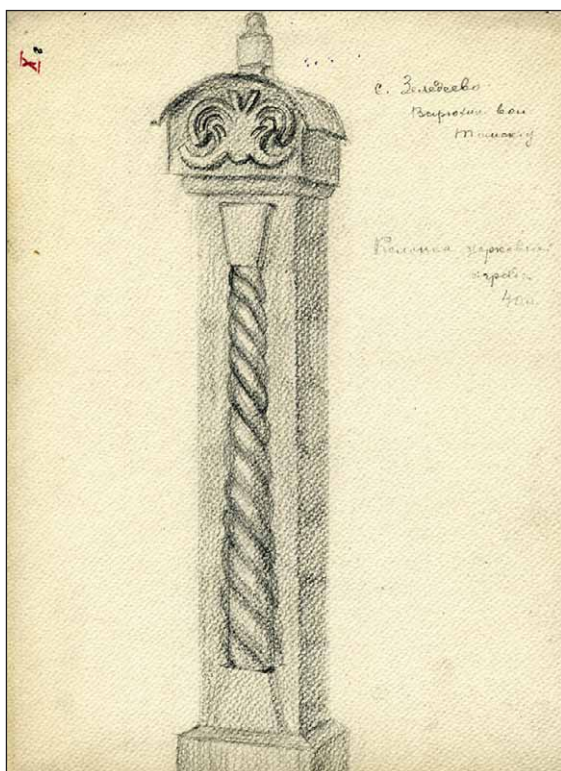

Рис. 12. Рисунок «с. Зелёное Варюхин. вол. Томского у. Колонна церковной ограды 40 л.».
ГАНО, ф. Р 2102, оп. 2, д. 10, л. 12

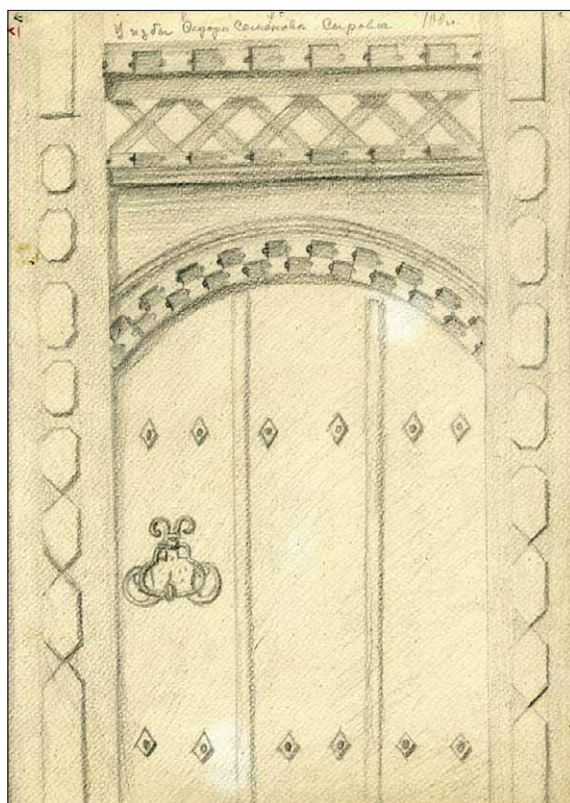

Рис. 13. Рисунок «... У избы Федора Семеновича Сырова 100 л.».
ГАНО, ф. Р 2102, оп. 2, д. 10, л. 13

Источники

Рисунки А. Д. Крячкова деревянного зодчества Томского и Кузнецкого уездов // Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р 2102, оп. 2, д. 10.

Литература

Ащепков Е. А. Русское народное зодчество Западной Сибири. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950. 140 с.

Ащепков Е. А. Русское народное зодчество Восточной Сибири. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1953. 278 с.

Баландин С. Н. А. Д. Крячков. Сибирский архитектор: документальный очерк. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1991. 160 с.

Крячков А. Д. Архитектура. Городская архитектура // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск: Сибирское краевое изд-во, 1929. Т. 1. С. 150–158.

Крячков А. Д. Материалы по истории промышленной архитектуры в Сибири (XVIII–XIX вв.) // Труды Новосибирского инженерно-строительного института им. В. В. Куйбышева. Новосибирск: Новосибирское областное изд-во, 1937. № 1. С. 3–21.

УДК 908

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ВРЕМЕНИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПОСТРОЙКИ ВЕРХОТОМСКОГО ОСТРОГА

Л. А. Скрыбина

Музей-заповедник «Томская Писаница»

О времени постройки Верхотомского острога в сибирской историографии на протяжении многих лет существовали различные мнения. Наиболее убедительной датой в настоящее время считается 1665 г., зафиксированный в рукописи Г. Ф. Миллера «Описание Томского уезда...». В статье на основе критического анализа имеющихся источников доказываемся ошибочность датировки, указанной в экспедиционных записях Г. Ф. Миллера 1734 г., и обосновывается достоверность сведений о времени и обстоятельствах постройки Верхотомского острога, содержащихся в «скаске» сына боярского Степана Круглика из Разборного списка Кузнецкого острога за 1681 г.

Ключевые слова: Верхотомский острог, Г. Ф. Миллер, экспедиционные записи, архивный документ, государева пашня, пашенные крестьяне, сын боярский Степан Круглик

NEW DATA ON THE TIME AND CIRCUMSTANCES OF CONSTRUCTION OF VERKHOTOMSKY OSTROG (STOCKADED TOWN)

L. A. Skryabina

Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"

There have been a lot of ideas about the date of the construction of Verkhotomsky Ostrog in Siberian historiography. The most convincing date so far is considered to be 1665 recorded by G. F. Miller's in his manuscript "Description of the Tomsk Uyezd (County)...". Based on a critical analysis of the available sources, the article proves the falseness of the date specified by G. F. Miller in the expedition records of 1734 and substantiates the accuracy of the information about the time and circumstances of constructing Verkhotomsky Ostrog given in "the testimony" of the boyar son Stepan Kruglik included in the Registry Book (Razborny Spisok) of Kuznetsky Ostrog of 1681.

Keywords: Verkhotomsky Ostrog, G. F. Miller, expedition records, archival document, the sovereign-owned arable land, state peasants, the boyar son Stepan Kruglik

О времени постройки Верхотомского острога в сибирской историографии долгое время бытовали самые различные мнения. Датой его основания называли 1657, 1665, 1667, 1696 гг., но при этом никто из исследователей не ссылался на какие-либо документальные источники [Костров, 1879; Емельянов, 1978, с. 18; Резун, 1996, с. 99; Разинкин, 1996, с. 27].

После публикации в 1988 г. А. Х. Элртом экспедиционной рукописи Г. Ф. Миллера «Описание Томского уезда Тобольской Провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в октябре 1734 года» [РГАДА, ф. 199, портф. 526, ч. 2, д. 6, лл. 1–36 об.], указанная в ней дата – 1665 г. – была признана наиболее убедительной и вписы-

вающейся в документально подтвержденные сведения об устройстве при этом остроге в 1670 г. «государевой десятинной пашни». В результате в литературе закрепилось мнение о том, что изначально Верхотомский острог был основан как военная крепость для защиты водного и сухопутного путей из Томска в Кузнецк от набегов киргизов и калмыков [Резун, 1996, с. 99; Усков, 1998, с. 7; Кимеев, 2018, с. 60].

Вопрос достоверности датировки Миллера до сегодняшнего дня не обсуждался. Между тем, на наш взгляд, заслуживает внимания тот факт, что, за исключением Чаусского острога, даты основания укрепленных пунктов Томского уезда в его рукописи указаны неверно.

Известно, что Томская канцелярия предоставила Миллеру дату основания лишь Уртамского острога. В отношении остальных в ответной ведомости было сказано: «...а вышепоказанные Сосновской, Чеуской, Умревинской, Верхотомской, Мелеской, и Ачинской остроги, в которых годах и по каким указам построены, и кем те места приисканы, такого известия в Томской воеводской канцелярии по делам не сыскано для того, что многая старинные дела положены были в давних годах в кладовую палату и погнили, и разобрать невозможно» [РГАДА, ф. 199, оп. 2м, портф. 481, ч. 4, лл. 97об., 98]. Следовательно, указанные в рукописи даты были получены Миллером из других источников – устных рассказов томских жителей или документов, обнаруженных им при разборе части томского архива в период пребывания в Томске со 2 октября по 26 ноября 1734 г.

Очевидно, что сам Г.Ф. Миллер достаточно критично относился к своим экспедиционным запискам, а также не очень доверял сведениям, полученным из Томской администрации. По возвращении из экспедиции после изучения подлинников и копий письменных документов XVII в., привезённых из сибирских архивов, он отказался от первоначальной датировки и трактовки ряда событий. В частности, в своём фундаментальном труде «История Сибири» Миллер указал уже уточнённые годы постройки Мелесского, Ачинского и Сосновского острогов [Миллер, 1941, с. 47, 84].

Упоминаний о Верхотомском, Уртамском, Умревинском и Чаусском острогах Томского уезда в «Истории Сибири» нет, поскольку изложение событий в этой книге доведено лишь до 1660 г. Сведения о них впервые были опубликованы в 1773 г. в «Географическом лексиконе...» Ф.А. Полунина, в издании которого Г.Ф. Миллер принял активное участие не только как редактор, но и как полноправный соавтор.

В «портфелях» Миллера, хранящихся в РГАДА, отложился документ с его редакторскими правками и дополнениями к первоначальному тексту Ф.А. Полунина. В нём исправлены и переписаны статьи о всех острогах Томского города, за исклю-

чением Верхотомского, текст о котором так и остался в первоначальной редакции Ф.А. Полунина [РГАДА, ф. 199, оп. 1, портф. 369, лл. 59, 309, 436, 440, 447].

В итоге информация о Верхотомском остроге в «Географическом лексиконе...» удивляет своей лаконичностью: «Верхотомской острог, Сибирской губернии, Тобольской провинции, принадлежащей к городу Томску, при реке Томь, от Томска 152, а по другим известиям 139 верст» [Географический лексикон, 1773, с. 53].

Для сравнения приведём представленные там же описания двух других острогов Томского уезда: «Сосновской острог, Сибирской губернии, Тобольской провинции, принадлежащий к городу Томску, расстоянием от сего города вверх по р. Томь 58 верст. Имя есть от реки Сосновки, которая там с восточной стороны в реку Томь впадает. Сей острог состроен в 1656 году для заведения хлебопашества, в чем такой изрядной успех имели, что в первый год хлеб в тринадцать мер и больше родился» [Географический лексикон, 1773, с. 368].

«Уртамский острог, Сибирской губернии, Тобольской провинции, в уезде города Томска, на левом берегу реки Оби, при устье речки Уртама, состроен в 1692 году, для умножения в тамошних местах хлебопашества, расстоянием от Томска 90 верст, по дороге которая лежит от Томска до города Тары» [Географический лексикон, 1773, с. 421].

Возникает логичный вопрос, почему в «Географическом лексиконе...» Миллер не указал дату постройки Верхотомского острога – 1665 г., содержащуюся в «Описании Томского уезда...»? Возможно, ответ кроется в том, что, изучив за прошедшее с экспедиции время огромный массив документов и не найдя никаких дополнительных сведений, первый историк Сибири сам сомневался в достоверности первоначальной датировки.

И все же документ, проливающий свет на историю основания Верхотомского острога, существует. Это хорошо известный исследователям военной сибирской истории «Список разборный кузнецких служилых детей боярских и атаманов и пятиде-

сятников и десятников и рядовым конным казакам» за 1681 г. [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 716, лл. 983–1089], опубликованный в 2005 г. И. П. Каменецким [Каменецкий, 2005, с. 279–320].

Разборные списки XVII в., как известно, составлялись со слов самих служилых людей. И вот что поведал в своей «скаске» (рис. 1–4; прил.) разжалованный из томских детей боярских «иноземского списку» служилый Степан Круглик: «...И в прошлом же во 178-м году (1670. – Л. С.) марта в 28 день по указу великого государя и по наказу стольника и воеводы Микиты Андреевича Вельяминова да дьяка Василия Шпилькина велено мне, Стенке из Томского ехать вверх по Томи реке великого государя служба служить и вновь острог ставить и новоприсыльных пашенных крестьян слободой строить. И я, Стенка против указу великого государя и наказной памяти во всем великому государю служил и работал верою и правдою. Острог поставил и слободу построил, пашенных крестьян хлебом и скотом заводил, а в остроге двор и караульную, и хлебные онбары поставил...» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 716, лл. 1001об., 1002].

Степан Круглик не упоминает названия поставленного его отрядом острога, но, без сомнения, речь идет о Верхотомском, поскольку другие остроги во второй половине XVII века «от Томского [города] вверх на р. Томи» не сооружались. Словесный оборот «вновь острог ставить» в лексике XVII в. означал «строить новый острог на новом месте», а следовательно, никакого возведенного в 1665 г. укрепленного острожного сооружения здесь не существовало.

Очевидно также, что Верхотомский острог возводился с целью защиты новой государевой десятинной пашни. Согласно «Именной книге пашенным крестьянам города Томска», составленной в том же 1670 г., с отрядом служилых к месту нового острога было доставлено 29 «новоприсыльных» пашенных крестьян, которые сразу же по прибытии на место распахали и засеяли 14,5 десятин [Усков, 2018, с. 134].

Известный историк Сибири П. Н. Буцинский называл такие остроги «слободскими» и отмечал, что они представляли со-

бою «небольшая деревянная крепостцы – вокруг сажен 40 или 50, а защитниками их были в первое время служилые люди, временно присылаемые из городов» [Буцинский, 2012, с. 47].

Итак, короткий отрывок из «скаски» кузнецкого служилого человека Степана Круглика полностью меняет все прежние представления о сооружении Верхотомского острога. На основании этих сведений можно утверждать, что **острог был построен по указу Великого Государя Алексея Михайловича и по наказу томского воеводы Никиты Андреевича Вельяминова отрядом служилых людей под руководством томского сына боярского Степана Круглика весной 1670 г. Одновременно с острогом, в котором был поставлен двор приказчика, амбары и караульная, была основана и слобода (поселение) для крестьян, присланных на новую государеву пашню.**

О себе основатель Верхотомского острога Степан Круглик при «разборе» в Кузнецке рассказал, что он «шляхетцкие породы» (дворянин. – Л. С.) из «воеводства Мстиславского» (современная Белоруссия) [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 716, л. 999 об.]. В 1655 г. был пленён казаками Запорожского Войска, которыми командовал гетман Иван Золотарёнок, и привезён в Москву. В 1656 г. поверстан в чин «сына боярского» и сослан служить в Томск с жалованием «денег двенатцать рублей, а хлеба десеть четвертей ржи, овса то ж, соли три пуда» [Там же, л. 1000]. В 1663 г., после заключения перемирия между Россией и Речью Посполитой, у Круглика была возможность вернуться на родину, но он остался служить в Томске и в награду за этот поступок получил значительную прибавку к жалованью: «денег восемь рублей, да хлеба десеть четвертей ржи, овса то ж, два пуда соли» [Там же, л. 1000 об.]. В августе 1665 г. воевода Иван Бутурлин доверил ему доставить в Москву государеву соболиную казну (собранный ясак. – Л. С.). Будучи в Сибирском приказе, Круглик хлопотал себе очередную прибавку к жалованию и, вернувшись в Томск, стал получать уже по «двадцать пят рублей денег, а хлебный и соляной оклад прежний...» [Там же, л. 1001].

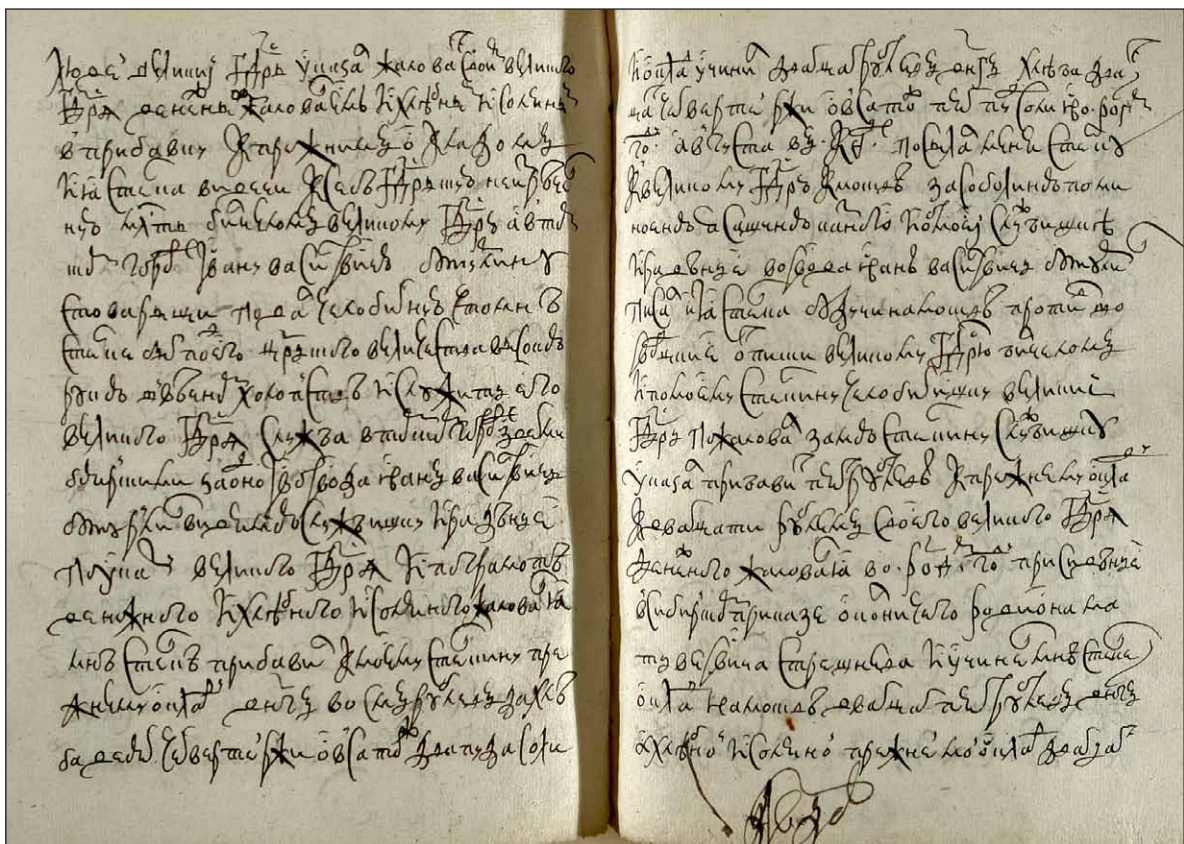

Рис. 3. «Скаска» Степана Круглика. РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 716, лл. 1001 об., 1002

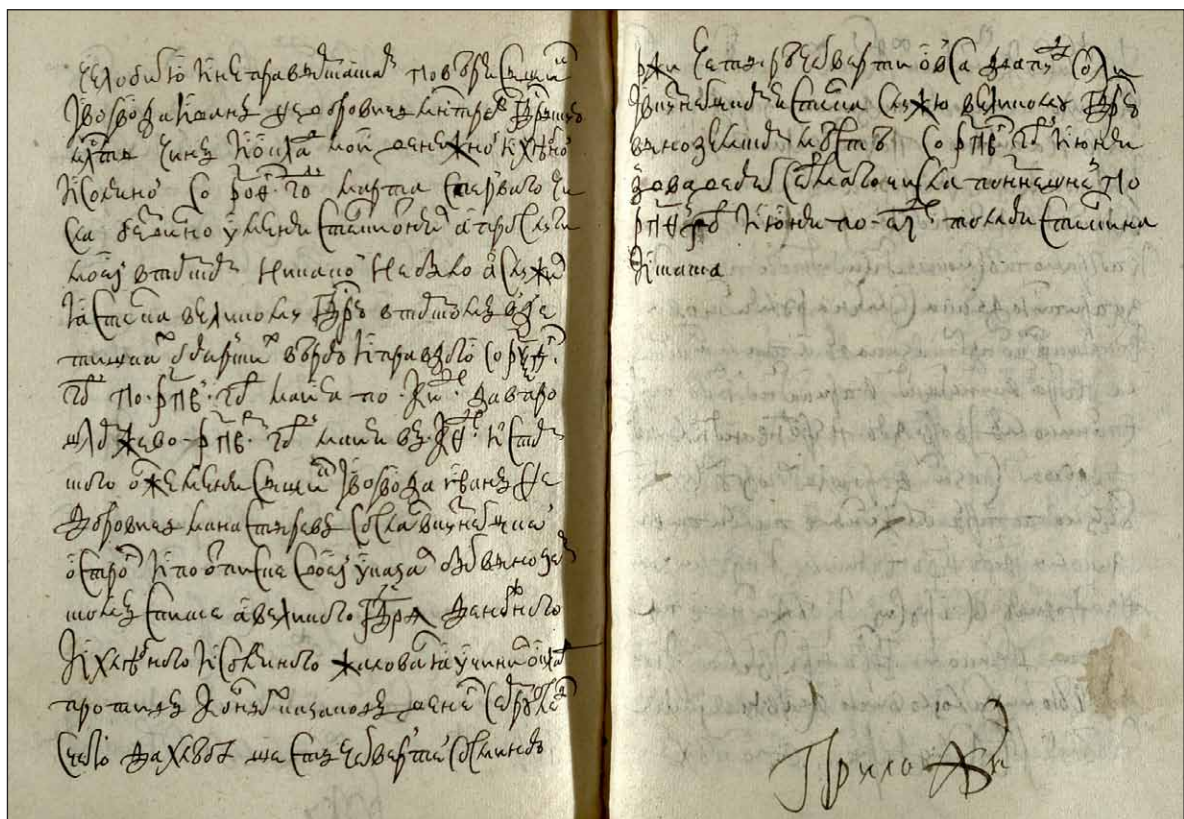

Рис. 4. «Скаска» Степана Круглика. РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 716, лл. 1002 об., 1003

Далее в «скаске» следует вышеприведённый нами рассказ о постройке им в 1670 г. острога и слободы «вверх по р. Томи от Томского» города. Но уже в следующем, 1671 г., блестящая карьера томского сына боярского прерывается. Со слов Круглика, томские дети боярские Роман Старков да Василий Бубенной «возненавидели» его за то, что он «Стенка великого государя милостью по грамоте пожалован выше их окладом» и за что к их «затейному ложному челобитью на воеводу Микиту Андреевича Вельяминова руки своей не прикладывал» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 716, л. 1002].

Очевидно, по жалобам на воеводу Вельяминова и его людей вскоре было учинено разбирательство, в результате которого, как поведал Круглик: «сыщик и вивода Иван Федорович Монастырев государскую милость, чин и оклад мой денежной, и хлебной, и соляной со 179-го году (1671) марта с первого числа безвинно у меня, Стенки отнял», а 29 мая 182 года (1673) «ис Томского он же меня сыщик и воевода Иван Федорович Монастырев сослал в Кузнецкой острог и по отписке своей указал быть в иноземском списке, а великого государя денежного и хлебного и соляного жалования учинил оклад против

конных казаков денег сем рублей с четью да хлеба шесть четвертей с осминой ржи четыре четверти овса два пуда соли» [Там же, лл. 1002 об., 1003].

Но на этом документально подтверждённая история жизни одного из основателей Верхотомского острога не заканчивается. В 1686/87 гг. Степан Круглик уже снова значился в списках томских служилых как сын боярский [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 868, л. 587]. А в 1700 г. был направлен из Томска в Сибирский приказ с доношением о набегах киргизов на Томск и селения Томского уезда [Памятники..., 1882, с. 19; Кузнецкие акты, 2011, с. 125, 126]. Последнее известное нам упоминание о томском сыне боярском Степане Круглике встречается в Дозорной книге Томского уезда за 1703 г. [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1371, л. 2 об.].

Можно предположить, что отсутствие официальных документов (воеводского наказа, отписки или доношения) о возведении Верхотомского острога и устройстве при нём новой государевой пашни как-то связано с изложенными выше событиями 1671 г. И в этой связи сведения из «скаска» иноземного списка служилого Кузнецкого города Степана Круглика являются поистине уникальными.

Приложение

**«Скаска» Степана Круглика
из «Разборного списка кузнецких детей боярских и атаманов
и пятидесятников и рядовым конным казакам за 1681 г.»¹**

[РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 716, лл. 999 об. – 1003]

(л. 999 об.) Того же числа Кузнецкого острога иноземского списку Степан Круглик подал скаску за рукою, а в скаске иво написано. По указу великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и по грамоте с Москвы из Сибирского приказу за приписью дьяка Семена Румянцова.

Кузнецкого острога иноземскаго списка Стенка² Круглик сказал в приказной избе перед стольником и воеводою перед Иваном Ильичем Давыдовым: я, Стенка, шляхетские породы³ воеводства Мстиславского. Взяли меня, Стенку, Золотаренковы казаки в Кричеве городе, и в прошлом во 163-м году (1654/55) отдали под Быхо-

¹ Публикацию документа подготовили В. Н. Добжанский и Л. А. Скрыбина. Впервые с небольшими сокращениями был опубликован: [Каменецкий, 2005, с. 285–287].

² В XVII в. форма обращения служилых людей в их именах на царское имя была уничижительной: Иван – Ивашка, Фёдор – Федка, Осип – Ооска, Пётр – Петрушка и т.д. Уничижительная форма имени Степан – Стенка.

³ И. П. Каменецкий прочитал как города [Каменецкий, 2005, с. 285].

вым гетману своему Ивану Золотаренку, а Залатаренок привез под Шклов, отдал меня, Стенку, блаженные памяти государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия // (л. 1000) и Малыя и Белья России самодержцу в полон, в то время как поход был великого государя под Вильню. И великий государь меня, Стенку, пожаловал, вместо смерти живот дал, указал послать к Москве, а на Москве указал поверстать в детишка боярские и своего, великаго государя, денежнаго и хлебного и соляного жалованья велел учинить: денег двенатцать рублей, а хлеба десеть четвертей ржи, овса то ж, соли три пуда. И с Москвы указал сослать в Сибир, в Томской город, до своего, великого государя, указу.

И в прошлом же во 171-м году (1662/63) прислана в Томской великого государя указная грамота. А в грамоте великого государя писано, велено польских и литовских людей взять к Москве на розмену, а которые похотят служить в вечном холопстве в котором городе ему, великому государю, и тех // (л. 1000 об.) людей великий государь указал жаловать своим, великого государя, денежным жалованьем и хлебным, и соляным в прибавку к прежним окладам. И я, Стенка видечи к себе государскую неизреченную милость, бил челом великому государю, а в Томском городе Ивану Васильевичу Бутурлину с товарищи подал челобитную, что мне, Стенке, быть под его, царьского величества, высокою рукою в вечном холопстве, и служить его, великого государя, служба в Томском городе с детьми боярскими заодно. И воивода Иван Васильевич Бутурлин, видя мою службишку и раденье, по указу великого государя и по грамоте денежного, и хлебного, и соляного жалованья мне, Стенке, прибавил к моему, Стенкину, прежнему окладу: денег восемь рублей, да хлеба десять четвертей ржи, овса то ж, два пуда соли. // (л. 1001) И оклад учинил двадцать рублей денег, хлеба двадцать четвертей ржи, овса то ж, пять пудов соли. И во 173-м году августа в 29 день (1665) посылал меня, Стенку, к великому государю, к Москве, за соболиною поминочною и ясашною казною, и об моей службишке и раденье воивода Иван Васи-

льевич Бутурлин писал. И я, Стенка, будучи на Москве, против воиводские отписки, великому государю бил челом. И по моему, Стенкину, челобитьишке великий государь пожаловал за мою, Стенкину службишку, указал прибавить пят рублей к прежнему окладу, к двадцати рублем своего, великого государя, денежного жалованья. Во 174 году (1666) при сиденье в Сибирском приказе окольничего Родиона Матвеевича Стрешнева учинен мне, Стенке, оклад на Москве двадцать пять рублей денег, а хлебной и соляной прежней мой оклад двадцать // (л. 1001 об.) четвертей ржи, овса то ж, пят пудов соли. И о том своем, великого государя, денежном, и хлебном, и соляном жалованье дана мне, Стенке, великого государя грамота из Сибирского приказу в Сибирь, в Томский город, к стольнику и воиводам Ивану Лаврентьевичу Салтыкову с товарищи.

И в прошлом же во 178-м году (1670) марта в 28 день по указу великого государя и по наказу стольника и воеводы Микиты Андреевича Вельяминова да дьяка Василия Шпилькина велено мне, Стенке, из Томского ехать вверх по Томи реке великого государя служба служить, и вновь острог ставить и новоприсылных пашенных крестьян слободою строить. И я, Стенка, против указу великого государя и наказной памяти во всем великому государю служил и работал верою и правдою, // (л. 1002) острог поставил и слободу построил, пашенных крестьян хлебом и скотом заводил, а в остроге двор и караульню, и хлебные онбары поставил. И томские дети боярские Роман Старков да Василий Бубенной с товарищи возненавидели меня, видя ко мне неизреченную государскую милость, что я, Стенка, великого государя милостью по грамоте пожалован выше их окладом, и за то, что к их составному затейному ложному и затейному челобитью не приставал, и руки своей к челобитной не прикладывал на стольника и воеводу Микиту Андреевича Вельяминова. И они, Роман Старков с товарищи, умысля промеж собою составом, и на меня, Стенку, били челом великому государю ложно. И по их ложному и составному // (л. 1002 об.) челобитью, и не правым скаскам поверя, сыщик и воивода Иван Федорович Мона-

стырев государскую милость, чин и оклад мой денежной, и хлебной, и соляной со 179-го году (1671) марта с первого числа безвинно у меня, Стенки, отнял. А прослуги моей в Томском никакой не было. А служил я, Стенка, великому государю в Томском в детишках боярских верою и правдою со 164 году (1656) по 182 (1673) мая по 28 день. Да в прошлом же во 182-м году мая в 29 день ис Томского он же меня сыщик и воевода Иван Федорович Монастырев сослал в Кузнецкой острог и по

отписке своей указал быть в ыноземском списке. А великого государя денежного и хлебного и соляного жалованья учинил оклад против конных казаков: денег семь рублей с четью, да хлеба шесть четвертей с осминою // (л. 1003) ржи, четыре четверти овса, два пуда соли. И в Кузнецком я, Стенка, служу великому государю в ыноземском месте со 182-го (1673) июня з двадесят седьмого числа по нынешней по 189-й (1681) год июня по 15 день. То моя, Стенкина, и скаска.

Источники

- РГАДА, ф. 199, оп. 1, портф. 369, лл. 1–676.
РГАДА, Ф. 199, оп. 2, портф. 526, ч. 2, д. 6, лл. 1–36 об.
РГАДА, ф. 199, оп. 2 т. портф. 481, ч. 4, лл. 97 об., 98.
РГАДА, ф. 214, оп 1, кн. 716, лл. 983–1089.
РГАДА, ф. 214, оп 1, кн. 868, лл. 582–728.
РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1371, лл. 1–470.

Литература

- Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых её насельников. М.: Вече, 2012. 320 с.
- Емельянов Н. Ф.* Население среднего Притомья в XVII – первой пол. XIX вв. // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – нач. XIX вв. Томск: Изд-во Томского университета, 1978. С. 35–39.
- Каменецкий И. П.* Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в. (Опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири). Омск: Типография ИП Долгов Р. Н., 2005. 338 с.
- Костров Н.* Город Кузнецк. Историко-статистический очерк // Томские Губернские ведомости. Томск, 1879. № 41.
- Кимеев В. М.* Сибирские остроги Притомья. Кемерово: «Технопринт», 2018. 154 с.
- Кузнецкие акты XVII – первой половины XVIII вв.* Сборник документов. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2011. Вып. 4. 202 с.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.-Л.: АН СССР, 1937. 641с.
- Памятники Сибирской истории XVIII века.* Кн. 1: 1700–1713. СПб.: Типография МВД. 1882. 600 с.
- Полунин Ф. А., Миллер Г. Ф.* Географический лексикон Российского государства. М.: Императорский Московский университет, 1773. 475 с.
- Разинкин А. В.* Кемеровская область с древнейших времен до конца XVIII века: Уч. пос. Кемерово: Кемер. облИУУ, 1996. 63 с.
- Резун Д. Я. Васильевский Р. С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1989. 304 с.
- Резун Д. Я.* Верхотомский острог // Историческая энциклопедия Кузбасса. Познань: Издательский концерн «Штама», 1996. Т. 1. 267 с.
- Усков И. Ю.* Формирование крестьянского населения Верхотомской волости в конце XVII – середине XIX вв. // Балибаловские чтения (Материалы научно-практической конференции). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. С. 7–15.
- Усков И. Ю.* Формирование категории пашенных крестьян Верхотомского острога // Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка. Новокузнецк: НФИ КемГУ; «Арт-экспресс», 2018. С. 133–143.
- Элерт А. Х.* Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1988. С. 59–101.

УДК 902/904

МУЗЕЙ ПЕТРОГЛИФОВ В СОСТАВЕ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА» (ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСПОЗИЦИИ)

И. Д. Русакова^{1, 2}, Е. В. Симоненко¹¹Музей-заповедник «Томская Писаница»;²Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН

В статье приводятся материалы, связанные с формированием экспозиции Музея петроглифов Азии, созданного в 1995 г. в составе музея-заповедника «Томская Писаница». Формирование современной экспозиции Музея петроглифов происходило в три этапа. Первый связан с его строительством и открытием в 1995 г. Второй начинается после пожара, произошедшего в конце 1999 г., в результате чего были проведены ремонт здания и реконструкция экспозиции. Повреждённые экспонаты были отреставрированы, утраченные – заменены на новые. Третий этап формирования современной экспозиции Музея петроглифов связан с подготовкой к международной конференции 2011 г., посвящённой 290-летию научного открытия Томской писаницы. Экспозиция была дополнена крупноформатными цветными фотографиями петроглифов и статуарных памятников; некоторые морально и физически устаревшие стенды с научно-вспомогательными материалами были изъяты из экспозиции.

Ключевые слова: Музей петроглифов, музей-заповедник «Томская Писаница», экспозиция, микалентная копия, эстампаж, наскальное искусство

MUSEUM OF PETROGLYPHS AS PART OF THE MUSEUM-RESERVE “TOMSKAYA PISANITSA” (FROM THE HISTORY OF THE FORMATION OF EXPOSITION)

I. D. Rusakova^{1, 2}, E. V. Simonenko¹¹Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa”;²Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, SB RAS

The article presents materials from the history of the Museum of Petroglyphs of Asia as part of the Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa”. The formation of the current exposition was conducted in three stages. The first is connected with the construction of the Museum of Petroglyphs and its launching in 1995. After the fire at the end of 1999 the building was renovated and the exhibition was reconstructed. Damaged exhibits were restored, lost ones were replaced by others from the Museum-Reserve. The third stage of the creating of the current exposition is connected with the preparation for the International Conference devoted to the 290th anniversary of the scientific discovery of Tomskaya Pisanitsa held in 2011. The exposition was supplemented with colour photographs of petroglyphs and statuary monuments. Part of morally and physically obsolete stands with scientific support materials was removed from the exhibition.

Keywords: Museum of Petroglyphs, Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa”, exposition, copy on transparent paper, estampe, rock art

Идея создания специализированной экспозиции по наскальному искусству в составе музея-заповедника «Томская Писаница» (МЗТП) возникла в самом начале 1990-х гг. 28 сентября 1990 г. состоялся

Учёный совет музея, в работе которого приняли участие: проф., член Европейской Ассоциации музеев под открытым небом К. Аренс (Германия), ст. науч. сотр. научно-методического отдела Государственного

исторического музея Л. И. Скрипкина, д.и.н., проф. Института археологии АН СССР М. А. Дэвлет, д.и.н., ведущий науч. сотр. сектора Сибири Ленинградского отделения Института археологии АН СССР Д. Г. Савинов, д.и.н., проф. кафедры археологии КемГУ Я. А. Шер, к.и.н., доц. кафедры археологии КемГУ В. В. Бобров. В Решении Учёного совета историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница» наряду с первоочередными мероприятиями по сохранению памятника наскального искусства значитесь следующее: «...основную информационную нагрузку о памятнике необходимо сосредоточить в стационарном павильоне – Музее петроглифов, проектирование и строительство которого следует начать в 1990–1991 гг.» [Решение Учёного совета..., 1990, с. 9 (29)].

Строительство новой экспозиции по целому ряду причин ни в 1990 г., ни в 1991 г. начато не было. Тем временем фонды музея-заповедника продолжали пополняться новыми материалами по наскальному искусству, и в начале 1990-х гг. был накоплен значительный их объём: микалентные копии, фотографии, гипсовые отливки, прорисовки на различных материалах, подлинная каменная плита с древними рисунками. Материалы представляли обширный ареал – от Дальнего Востока до Таджикистана, и были собраны сотрудниками музея в ходе экспедиций, а также приобретены у исследователей наскального искусства [Мухарева, Русакова, 2011, с. 148, 153–155]. На основе имеющихся коллекций появилась возможность показать общие черты и особенности памятников наскального искусства разного времени и разных территорий. Поэтому наряду с копиями петроглифов Томской писаницы в Музее петроглифов было решено разместить и материалы других местонахождений.

Это решение было отражено в Научной концепции музея, где прописывалось, что Музей петроглифов должен стать одним

из основных объектов показа, как первый в отечественной практике музей наскального искусства [Научная концепция..., 1993, с. 13]. Подготовку отдельного раздела Научной концепции, посвящённого Музею петроглифов [Там же, с. 18–20], можно считать началом создания новой экспозиции по древнему наскальному искусству, которая за время своего относительно недолгого существования подверглась ряду изменений (рис. 1–16)¹.

Первый тематико-экспозиционный план (ТЭП) Музея петроглифов был подготовлен в 1992 г. (составители: А. И. Мартынов, А. А. Ломтева, Е. А. Миклашевич). В обосновании предполагалось, что «по мере накопления материалов, Музей-заповедник смог бы стать центром по изучению петроглифов» [Тематико-экспозиционный план..., 1992, с. 2].

Согласно этому ТЭПу, музей предлагалось сделать как минимум двухзальным. Экспозиция должна была разместиться по хронологическому принципу – от эпохи неолита до средневековья. Предваряла хронологические разделы вводная часть, содержащая общие сведения о наскальном искусстве как части мировой культуры. В качестве экспозиционных материалов планировалось использовать «различные виды копий: микалентные эстампажи, протирки, прорисовки на прозрачных материалах, научно-художественные и художественные копии. Будут использованы подлинные плиты, валуны с рисунками, каменные изваяния. А также видеofilмы, слайды, фотографии» [Там же, с. 3]. Каждый раздел экспозиции должен был опроверждать стенд с краткой информацией об эпохе, основных образах и сюжетах наскального искусства. Предполагалось, помимо постоянной экспозиции, размещать в здании временные выставки.

К ТЭПу было подготовлено два приложения: первое – перечень экспонатов; второе – чертежи здания и схема размещения экспонатов [Тематико-экспозиционный план..., 1992] (рис. 1) .

¹ При подготовке иллюстраций к статье были использованы кадры видеозаписей 1995 г., сканированные цветные фотографии 1990-х гг., современные фотографии И. Русаковой, А. Мухаревой, А. Мартынова, Г. Полухина, Н. Опрышко.

В Перечне предполагаемых экспонатов указывались «вид экспоната» (стенд из ДСП, микалентный эстампаж на стенде из ДСП, обтянутом холстом, фотостенд, художественные копии на стенде, модель каменного изваяния, фотографии на стенде из ДСП), размеры, название памятника, его местонахождение, датировка, авторство, публикации [Там же, прил. 1].

Судя по чертежам, здание должно было иметь оригинальную планировку: два прямоугольных в плане зала, расположенные под острым углом друг к другу, между ними вестибюль пятиугольной формы; в задней части здания – восьмиугольное в плане служебное помещение (рис. 1: 2). Фундамент предлагалось сделать кирпичный на бетонной подушке; стены – из деревянных плах «по образцу американских бунгало» или кирпичные, крышу – шиферную. Для оформления центральной части фасада здания также предлагалось использовать плаху «внахлёстку» и отделочный итальянский кирпич (рис. 1: 1). То есть при неординарности формы здания строительные и отделочные материалы планировалось использовать самые простые. Предлагалось линейное размещение экспонатов вдоль стен (рис. 1: 4).

Однако проект строительства здания Музея петроглифов, разработанный в 1992 г., не получил воплощения в жизнь. На заседании Учёного совета от 9.04.1993 г. было предложено внести изменения в Генеральный план развития музея-заповедника, первым пунктом которых значилось: «Строительство Музея Петроглифов на базе здания бывшей столовой турбазы КузПИ»² [Протокол... № 7, 1997, с. 10 (41)]. Среди решений Учёного совета был также пункт «4. Утвердить ТЭП музея Петроглифов Азии» [Там же]. Таким образом, в название музея добавился ареал, который планировалось представить в экспозиции. Однако это название с самого начала не соответствовало содержанию Музея, т.к. уже в его первую экспозицию были включены материалы по памятникам наскального искусства Европы.

На заседании Учёного совета музея-заповедника «Томская Писаница» от 7 ноября 1993 г. был представлен проект Музея петроглифов «на основе бывшей столовой Политеха», подготовленный Научно-производственным объединением «Памятники Кузбасса» (архитектор В. В. Стихеева) [Протокол... № 8, 1997, с. 44]. Планировалось, что это будет «одноэтажное кирпичное здание с односкатной крышей и двухэтажной пристройкой со стороны горы» с зимней и летней экспозициями [Там же]. Летнюю экспозицию предлагалось расположить на крыше. На первом уровне, на террасе, должны были разместиться кафе, буфет, гардероб, зал (вероятно, выставочный. – *И. Р., Е. С.*). Для фондохранилища предусматривался отдельный вход. На втором этаже предполагались кабинеты и лекционный зал. Площадь летней экспозиции должна была составлять 70–120 м², зимней – 144 м² [Там же, с. 45].

В протоколе заседания Учёного совета говорится о том, что был подготовлен и второй вариант проекта Музея петроглифов с ориентацией на круглогодичную эксплуатацию, с закрытыми площадями в 350 м², в котором предлагалось разместить выставочный зал, фонды и кабинеты сотрудников [Там же, с. 45, 46]. К сожалению, более подробной информации об этом проекте не сохранилось.

Возможно, при реконструкции здания бывшей столовой КузПИ за основу был взят именно этот последний проект, учитывая, что затраты на его реализацию предлагались минимальные [Там же, с. 45], а средств на строительство было немного.

Таким образом, было решено провести реконструкцию здания бывшей столовой, с перестройкой закрытой веранды с торца здания и достройкой открытой веранды у одной из боковых стен (рис. 2; 3), а экспозиции и служебные помещения разместить на уже имеющихся площадях.

В 1995 г. был подготовлен ещё один ТЭП, рассчитанный на имеющееся в распоряжении здание (автор – А. И. Мартынов). В более сжатой и менее упорядочен-

² Сохранена орфография источника. КузПИ – Кузбасский политехнический институт – до 1993 г. название Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачёва.

ной по сравнению с ТЭПом 1992 г. форме в нём изложены основы концепции Музея и принципы показа экспонатов. Особый акцент сделан на необходимости выделения для каждой эпохи основного художественно-смыслового образа, «характерного для искусства и мировосприятия каждой из эпох. Например, для неолита – лось, для энеолита – космогоническое антропоморфное существо, для эпохи брон-

зы – баран и т.д.» [Тематико-экспозиционный план ..., 1995, с. 1]. «Вне связи с хронологией, на отдельных плоскостях пристенных конструкций» предусматривалось размещение материалов по наскальному искусству Индии, Пакистана, Кореи и Китая [Там же].

Все работы по реконструкции и экспозиционному строительству Музея петроглифов были проведены в 1994 и 1995 гг.

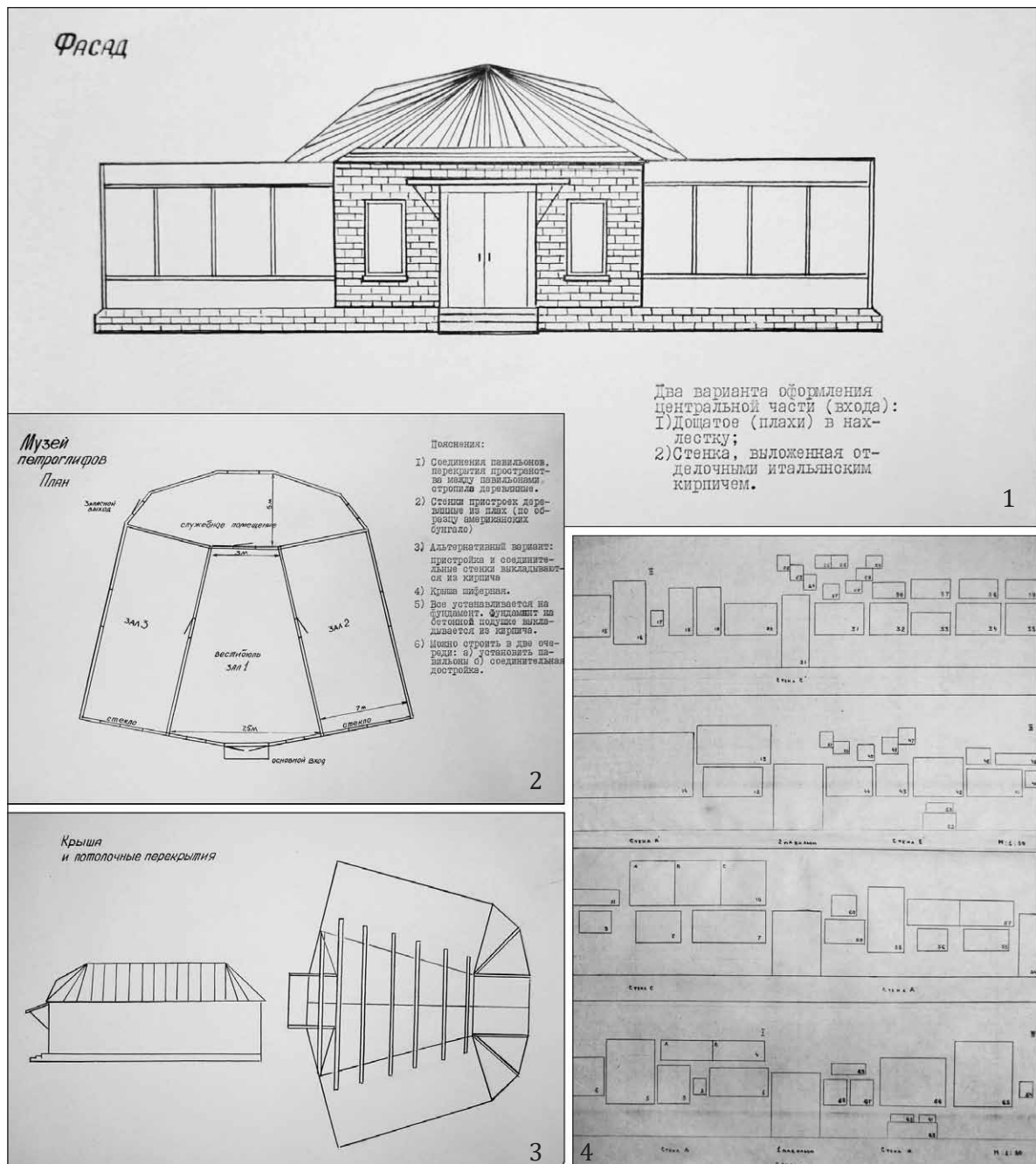

Рис. 1. Приложение 2 к ТЭПу «Музей петроглифов» 1992 г.: 1-3 – чертежи здания музея; 4 – схема размещения экспонатов

Основную часть экспозиции составили предварительно затонированные микалентные копии, презентованные в нескольких вариантах: наклеенные на холст, натянутый на планшеты; наклеенные прямо на стены или на листы ДВП, стационарно прикрепленные к стенам; наклеенные на имитацию каменных глыб и на стенды (рис. 7: 2, 3, 7; 9: 1, 3; 10: 1, 3, 5; 11: 1; 12: 1–6; 14: 1).

Чёрно-белые фотографии петроглифов и местонахождений наскального искусства были представлены на планшетах из ДСП и ДВП, наклеены на оргстекло (рис. 7: 1; 12: 1).

В экспозицию также были включены три подлинных каменных плиты с петроглифами: одна – с крупным изображением оленя, неопределёнными фигурами и зна-

Рис. 2. Бывшая столовая турбазы КузПИ. В таком состоянии здание досталось музею, по: [Фотоальбом..., 1997, № 67–72]

ками, безвозмездно переданная музею-заповеднику в 1994 или в 1995 г. военными; две – с памятника Оглахты (Хакасия), принятые на временное хранение из фондов музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Кроме того, экспонировались гипсовые отливки с петроглифов Нижнего Амура и Горного Алтая (Протокол № 3/1994 от 25.03.1994 г.; Протокол № 5/1994 от 12.05.1994 г.; Акт № 9/94 от 23.05.1994 г.); муляжи окуневской стелы, оленного камня, древнетюркского изваяния, камня с петроглифами, выполненные Е. А. Миклашевич из папьемаше в натуральную величину (Протокол № 4/95 от 03.04.1995 г.; Акт № 8/95 от 03.04.1995 г.; Протокол № 23/95 от 11.08.1995 г.; Акт № 29/95 от 11.08.1995 г.).

Широко были представлены научно-вспомогательные материалы: цветные фо-

тографии, наклеенные на ДВП; прорисовки петроглифов на оргстекле, ДВП, бумаге (рис. 7: 6, 7; 12: 1; 13: 1).

Экспозиция была построена по территориально-хронологическому принципу. Петроглифам Притомья был посвящён отдельный раздел. Рисунки Томской писаницы начинали экспозиционный ряд Музея, рисунки Тутальской, 1-й и 2-й Новоромановских писаниц, Висящего камня его заканчивали (рис. 10: 1, 5).

Для оформления экспозиционных зон, посвящённых томским петроглифам, памятнику Саймалы-Таш, средневековым петроглифам, согласно учётной документации, были разработаны эскизы и изготовлены:

1) художественное панно «Наскальное искусство Притомья: Тутальская писаница», авторы Т. В. Соснина и С. В. Наседкин (Протоколы № 26/95 и 28/95 от

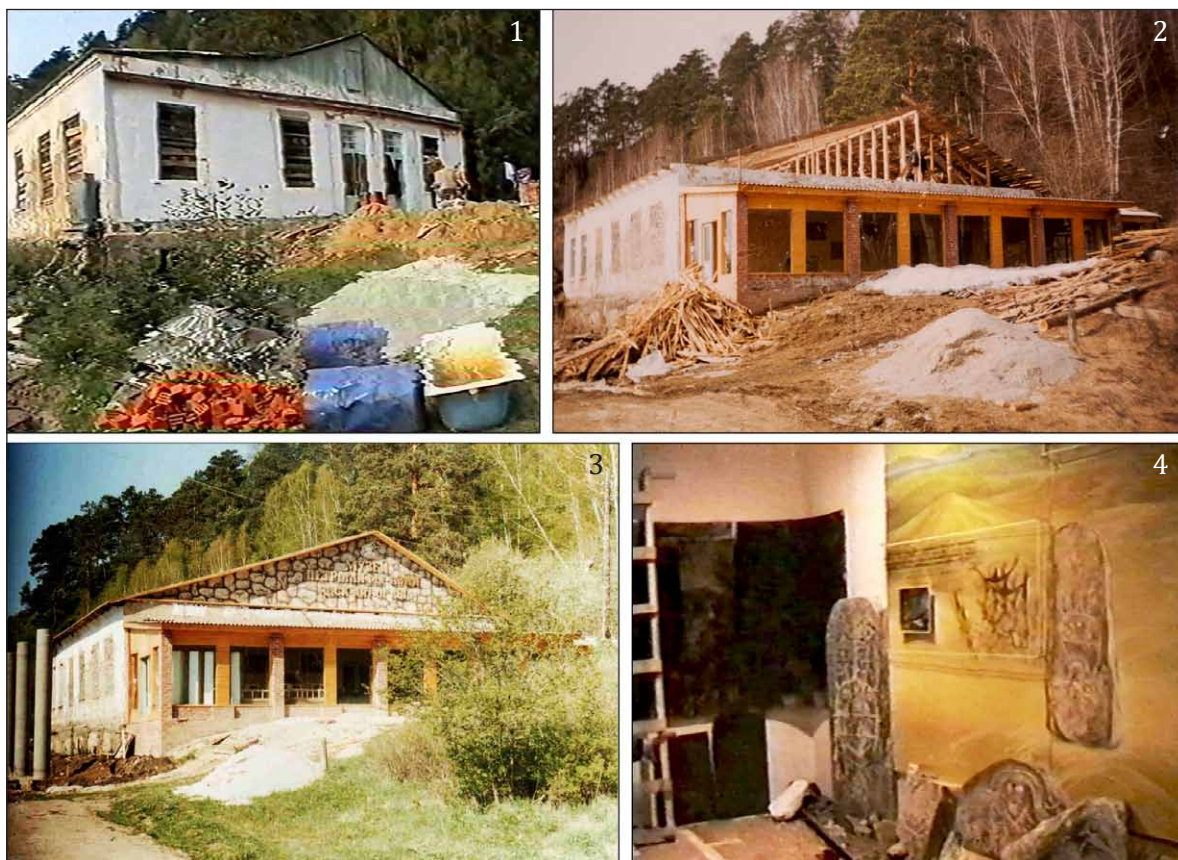

Рис. 3. Этапы реконструкции здания бывшей столовой турбазы КузПИ и создание в 1995 г. экспозиции Музея петроглифов: 1 – здание столовой в начале реконструкции; 2 – строительство закрытой веранды; 3 – установлены опорные столбы для открытой веранды; 4 – фрагмент экспозиции по эпохе бронзы и подготовленная поверхность для закрепления панно с петроглифами памятника Оглахты I

Рис. 4. Открытие Музея петроглифов и участники международной конференции «Наскальное искусство Азии (изучение, сохранение, использование)», 1995 г.: 1 – торжественное открытие Музея петроглифов; 2 – М. А. Дэвлет; 3 – Я. А. Шер и другие участники конференции; 4 – А. В. Циркин, Э. Н. Агеева, В. С. Роговских; 5 – О. С. Советова, В. В. Тихонов, Л. Ю. Китова; 6 – Л. Н. Ермоленко, Н. А. Белоусова, Р. В. Николаев, А. В. Варёнов, Е. Г. Дэвлет и другие участники конференции

Рис. 5. Заседание секции, посвящённой наскальному искусству, в экспозиционном зале Музея петроглифов: 1 – Л. А. Чиндина; 2 – Д. Г. Савинов; 3 – Ю. И. Михайлов; 4 – В. Т. Монгуш; 5 – В. Д. Кубарев; 6 – Р. В. Николаев; 7 – модераторы секции И. Д. Русакова и А. И. Мартынов

15.08.1995 г.; Акты приёма № 31/95 и 33/95 от 15.08.1995 г.);

2) художественные панно с дубликатами микалентных копий: «Томская писаница», автор С. В. Наседкин (Протокол № 35/95 от 22.08.1995 г.; Акт приёма № 40/95 от 22.08.1995 г.); «Новоромановская писаница», автор Т. В. Соснина (Протокол № 26/95 от 15.08.1995 г.; Акт приёма № 31/95 от 15.08.1995 г.);

3) «Панорама Саймалы-Таш», автор В. И. Герасимова (Протокол № 7/95 от 25.04.1995 г.; Акт приёма № 11/95 от 25.04.1995 г.), с использованием 11 дублирующих микалентных копий, выданных художнице по Акту № 10/95 от 25.04.1995 г. Также В. И. Герасимова изготовила для этой панорамы 4 планшета, выполненных масляными красками в технике художественной росписи;

4) макет скальных выступов с подсветкой с петроглифами эпохи средневековья, нанесёнными на оргстекло, автор В. И. Пономаренко (Протокол № 37/95 от 22.08.1995 г.; Акт приёма № 42/95 от 22.08.1995 г.). Для оформления этой экспозиции были выполнены художественные панно и прорисовки петроглифов на 26 «плоскостях» из тонированного оргстекла, автор Е. В. Попов (Протоколы № 2/95 от 27.03.1995 г. и 27/95 от 15.08.1995 г.; Акты приёма № 6/95 от 27.03.1995 и 32/95 от 15.08.1995 г.). Для изготовления макета и панно использовались 52 копии со средневековыми петроглифами Горного Алтая, которые были перерисованы и возвращены в фонды (Акт выдачи № 2/95 от 23.02.1995 г.).

Кроме того, были заказаны художественные панно с видами мест расположения петроглифов, для которых использовались материалы основного фонда памятников: Мугур-Саргол в Туве (КПОФ 4856, 4859, 4864, 4869); Карасай и Тамгалы в Казахстане (КПОФ 4941, 4988, 4976 (а, б), 4983, 4979, 4981, 4982, 4998, 5026); а также с Каракольского могильника в Горном Алтае (КПОФ 4647–4649) (автор Т. В. Соснина) и Шалаболинской писаницы в Красноярском крае (КПОФ 6112) (автор С. В. Наседкина). Часть копий была перерисована и возвращена в фонды.

Для оформления экспозиции, посвящённой памятникам наскального искусства Минусинской котловины, Е. А. Миклашевич были тонированы и наклеены на холст микалентные копии петроглифов Оглахты I и Малой и Большой Боярских писаниц.

В состав экспозиции были включены материалы подготовленной ранее выставки «Древнее наскальное искусство Азии», состоящей из микалентных копий, наклеенных на холст и натянутых на деревянные рамы (НВФ 620–652). В оформлении Музея петроглифов также были использованы материалы фотовыставки «Между Гандхарой и шёлковым путём» (фото В. А. Новоженова; КПОФ 684–714), чёрно-белые и цветные фотографии иллюстраций, переснятые из книг (НВФ 653–670), закупленные у В. И. Фоминского и В. П. Мыльникова.

На стене, расположенной напротив главного входа в Музей, была размещена карта памятников наскального искусства Азии, нанесённая на конструкцию из ДВП (рис. 13: 1). В центре зала по примеру художественных музеев был установлен круговой диван для отдыха посетителей.

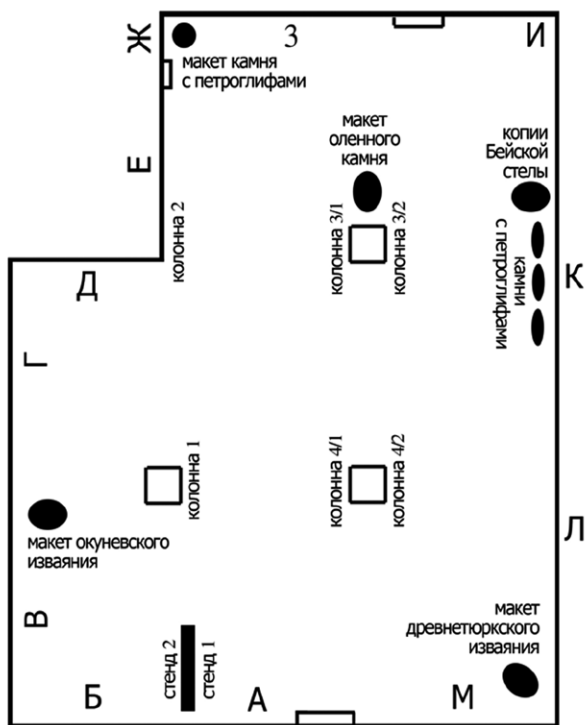

Рис. 6. Современная схема экспозиционного зала Музея петроглифов

Торжественное открытие Музея петроглифов состоялось в августе 1995 г. и было приурочено к международной конференции «Наскальное искусство Азии (изучение, сохранение, использование)», которую музей-заповедник организовал и провёл на своей территории. В стенах нового музея прошло заседание одной из секций конференции (рис. 4; 5).

11 декабря 1999 г. в здании Музея петроглифов Азии произошёл пожар. При-

чина – неисправность проводки. В результате пожара был утрачен целый ряд ценных экспонатов, часть из которых сгорела, часть покрылась копотью и не подлежала восстановлению.

После пожара была осуществлена реконструкция. Её проводил тот же коллектив художников, который готовил первую экспозицию. Судя по документам, прежде чем приступить к работам, художники изучили экспозицию 1995 г., посмотрев

Рис. 7. Варианты экспонирования петроглифов, 1995 г.: 1 – чёрно-белые фотографии на планшетах из ДСП, подвешенные к стене; 2 – микалентные копии, наклеенные на холст и натянутые на деревянные рамы, размещённые между опорными колоннами 3 и 4; 3–5 – микалентная копия, наклеенная на стенд; 6 – цветные фотографии и художественные прорисовки петроглифов на стенде; 7 – микалентная копия и художественные прорисовки петроглифов на стенде

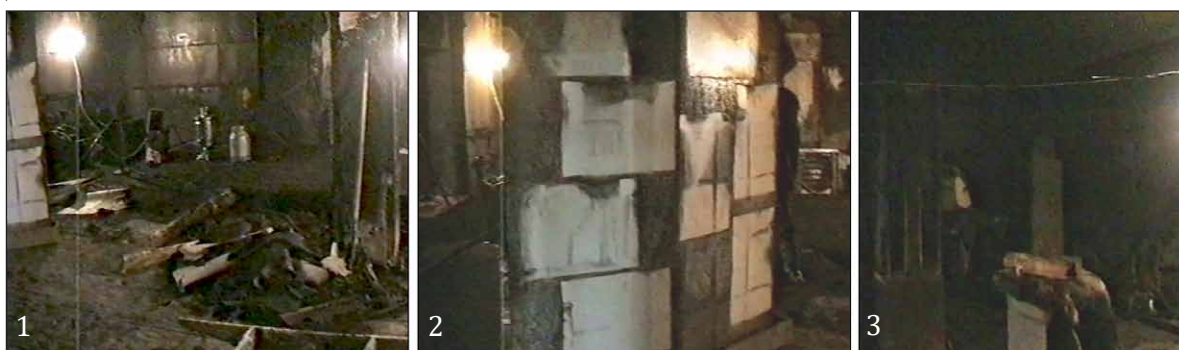

Рис. 8. Состояние экспозиции после пожара 1999 г.

Рис. 9. Фрагменты экспозиции Музея петроглифов: 1, 2 – стена Б в 1995 г. (1) и в 2000-е гг. (2); 3, 4 – А. И. Мартынов у стенда 1 с микалентной копией изображений Шалаболинской писаницы (3) и фрагменты этой копии (4), 1995 г.; 5 – стенд 1 с микалентной копией изображений памятника Оглахты I, 2000-е гг.; 6, 7 – макет камня с петроглифами памятника Куш-Булак в 1995 г. (6) и в 2000-е гг. (7)

видеоролики с экскурсиями по Музею петроглифов Азии, записанные на видеокассетах (НВФ 5719, 5482; Акт выдачи № 1/2000 от 14.01.2000 г.).

Также при воссоздании экспозиции они пользовались цветными слайдами (НВФ 244, 598, 603, 605, 617, 617, 674, 5495; Акт выдачи № 3/2000 от 20.01.2000 г.), про-рисовками (НВФ 5904–5908; Акт выдачи № 16/2000 от 24.07.2000 г.), цветными негативами (НВФ 828, 830, 873, 875, 876, 877; Акт выдачи № 5/2000 от 01.02.2000 г.), чёрно-белыми негативами (КПОФ 3513–3515, 5498, 5499, 5509; Акт выдачи № 8/2000 от 01.03.2000 г.). Позже все эти

материалы были возвращены в фонды музея-заповедника.

При проведении реэкспозиции ни принципы, ни план размещения материалов не претерпели существенных изменений. Те экспонаты, которые не пострадали от пожара или пострадали минимально, были очищены, отреставрированы и возвращены в экспозицию.

Подлинные каменные плиты с изображениями и макеты из папье-маше, покрывшиеся копотью, были частично отмыты от сажи и сверху покрашены масляной краской (рис. 14: 3). В 2018 г. силами сотрудников музея-заповедника камни были

Рис. 10. Фрагменты экспозиции Музея петроглифов: 1, 2 – стена А и стенд 1, посвящённые Томской писанице; 3, 4 – Стены И, К с изображениями Малой и Большой Боярских писаниц; 5, 6 – макет древнетюркского изваяния и копии писаниц Притомья (стена М); 1, 3, 5 – 1995 г.; 2, 4, 6 – 2000-е гг.

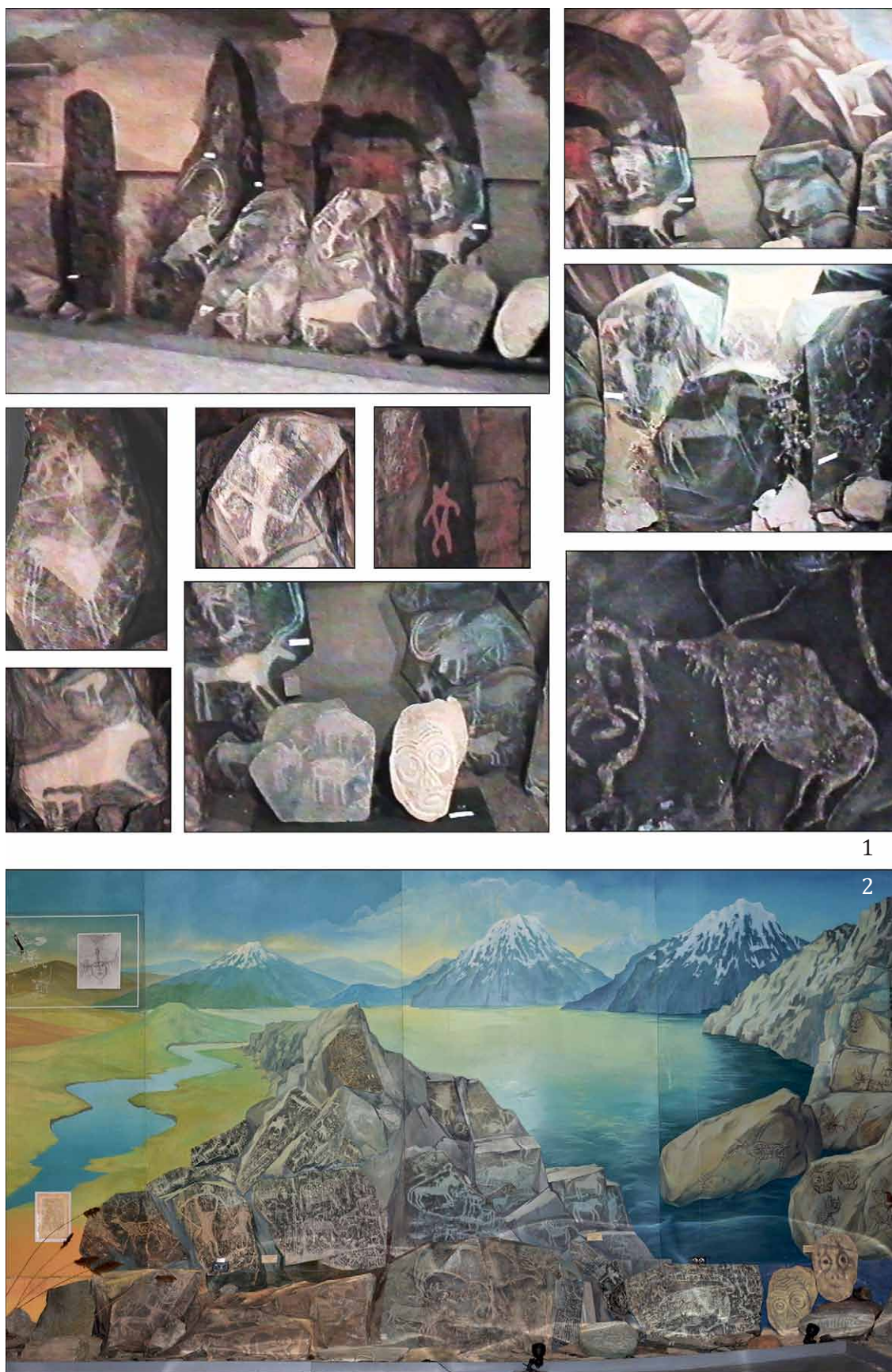

Рис. 11. Фрагменты экспозиции Музея петроглифов, эпоха бронзы: 1 – 1995 г.; 2 – 2000-е гг.

Рис. 12. Раздел экспозиции Музея петроглифов «Саймалы Таш»: 1 – 1995 г.; 2–6 – фрагменты раздела, 1995 г.; 7 – 2000-е гг.

очищены от краски и сажи и приобрели свой первоначальный вид.

На макете камня с памятника Куш-Булак (Таджикистан) петроглифы были заново прорисованы, при этом была воссоздана только часть изображений (рис. 9: 6, 7).

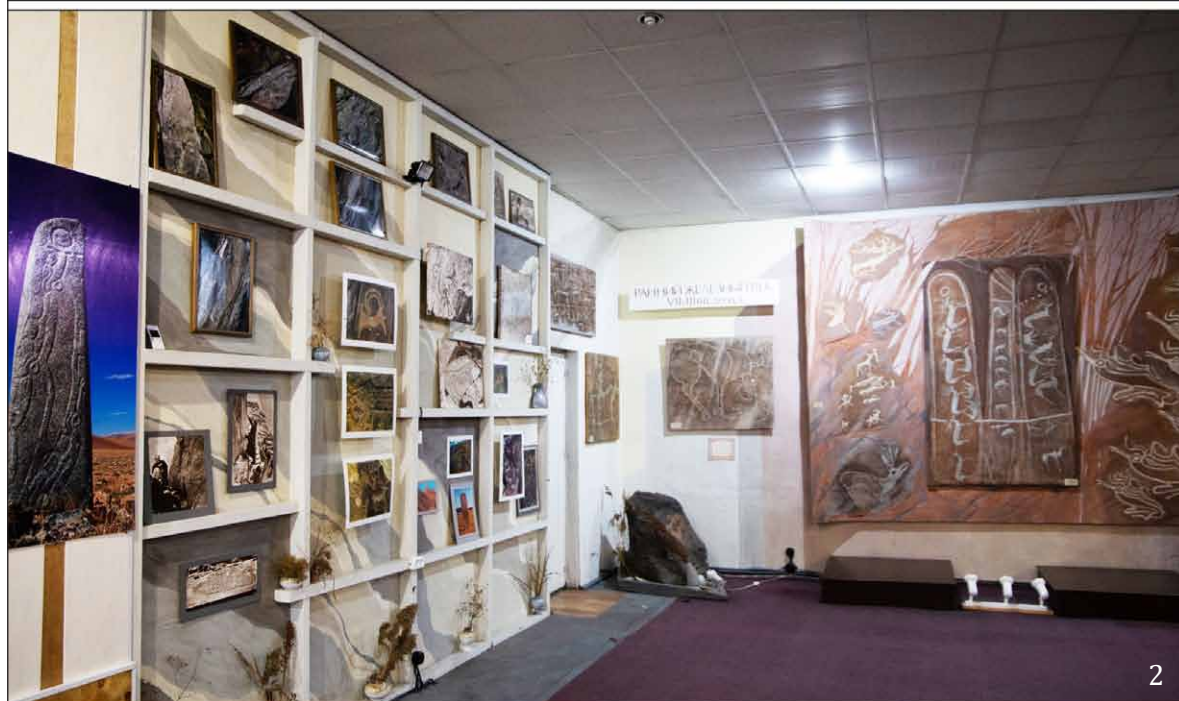
Кроме того, в новой экспозиции были использованы цветные фотографии научно-вспомогательного фонда (НВФ 5822–5842; Акт выдачи № 16/2000 от 24.07.2000 г.).

Часть утраченных микалентных копий была заменена вторыми экземплярами, имеющимися в фондах музея-заповедника. В частности, это микалентные копии Большой и Малой Боярских писаниц, частично Томской писаницы и других памятников Притомья.

Однако некоторые утраченные во время пожара эстампажи были представлены в фондах музея единственными экземпля-

1

2

Рис. 13. Фрагменты экспозиции Музея петроглифов, стены Е, Ж, З: 1 – 1995 г., 2 – 2000-е гг.

рами. Они были заменены на эстампажи с других памятников. Так, были утрачены: большое панно с древнейшими рисунками Минусинской котловины с памятника Оглахты I, экспонировавшееся на стене Б (рис. 6); микалентная копия с камня 80 памятника Шалаболино [Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 104] со стенда 2 (рис. 6; 9: 1, 3, 4). Взамен утраченного панно на стену Б была помещена микалентная копия с памятника Бояры I в Хакасии (рис. 9: 2).

Копия со стенда 2 была заменена на копию плоскости 92 памятника Оглахты I [Sher et al., 1994] (рис. 6; 9: 5). Также были заменены микалентные копии на холстах, натянутых на деревянные рамы, которые были расположены в верхней части стен Б и В (рис. 6; 9: 1, 2).

Практически полностью поменялись экспозиционные зоны эпохи бронзы (стена В, Г), раннего железного века (стена К) (рис. 6; 11; 14).

Рис. 14. Фрагменты экспозиции Музея петроглифов, раздел «Ранний железный век»: 1 – 1995 г., 2 – камень с изображением оленя, 1995 г., 3 – 2000-е гг.

В разделе, посвященном памятнику Саймалы-Таш, было заменено большое количество микалентных копий, в результате чего он стал более насыщенным (рис. 12).

Вместо карты памятников наскального искусства Азии появилась экспозиционная зона, посвящённая изображениям на оленных камнях (рис. 13).

Микалентная копия с памятника Сатэрлю (Горный Алтай), в экспозиции 1995 г. размещённая под стеклом на стене Л (рис. 6), была заменена на прорисовку средневековых петроглифов Сулекской писаницы (Хакасия).

Копии окуневских изображений, выполненных краской, и таштыкских петроглифов, занимавшие пространство между

Рис. 15. Стенды с материалами по наскальному искусству разных регионов Евразии, восстановленные в 2000 г.

опорными колоннами (№ 3 и 4) (рис. 6; 7: 2) и утраченные во время пожара, заменены не были. В настоящее время это пространство свободно.

В экспозиционной зоне, посвящённой средневековью, были заменены деформи-

ровавшиеся от высокой температуры прописки на оргстекле.

Микалентные копии, наклеенные на стенды и большей частью уничтоженные пожаром, были заменены научно-вспомогательными материалами (рис. 7: 3-5, 7; 15).

Рис. 16. Участники международной конференции «Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы)» и современная экспозиция Музея петроглифов, 2011 г.: 1 – участники конференции в обновленной экспозиции Музея петроглифов; 2-4 – новые материалы, размещенные на опорных колоннах

В целом для воссоздания экспозиции было использовано значительное количество материалов основного фонда:

- для восстановления раздела с томскими петроглифами – 19 микалентных копий (КПОФ 1860, 5861, 5867, 5869-5872, 5874, 5875, 5883, 5901, 5904, 5905, 5907, 5912, 5913, 59,17, 5925; Акт выдачи № 9/2000 от 26.04.2000 г.); часть из них была возвращена в фонды, часть – наклеена на стены;

- для восстановления макета «Саймалы-Таш» – 23 микалентные копии основного фонда (КПОФ 6136, 6271–6292; Акт выдачи № 4/2000 от 01.02.2000 г.); часть была возвращена в фонды, часть – наклеена на стены;

- для восстановления макета скальных выступов с петроглифами эпохи средневековья выдано 19 микалентных копий (НВФ 352, КПОФ 2469, 2476, 2477, 2483, 2485, 2515, 3917, 3918, 3920, 3945, 3959, 3972, 4046, 4050, 4062, 4063, 4076, 6029; Акт выдачи № 10/2000 от 04.05.2000 г.); которые были перерисованы и возвращены в фонды.

Часть микалентных эстампажей, наклеенных на планшеты, стенды и стены, не прошла через акты приёма-передачи. Это, например, копии петроглифов Малой и Большой Боярских писаниц, памятников Абакано-Перевоз I, III, VI, Бояры I, копия Бейской стелы.

В 2011 г., к международной конференции «Наскальное искусство в современном обществе», посвящённой 290-летию научного открытия Томской писаницы, экспозицию частично обновили. Были добавлены цветные фотографии статуарных памятников, наклеенные на пластик, которые разместили на опорных колоннах (рис. 13: 2; 16: 2–4). Устаревшие морально и физически стенды с научно-вспомогательными материалами по петроглифам Индии, Аравии, Монголии, Северной Европы были изъяты из экспозиции, а некоторые цветные и чёрно-белые фотографии с этих стендов пере-

мещены на стену Е, на которой в 1995 г. была расположена выставка «Петроглифы Гиндукуша. Пакистан» (рис. 6; 13: 2). Был демонтирован круговой диван в центре зала, пришедший к тому времени в негодность.

В целом, сегодня постоянная экспозиция Музея петроглифов является воплощением той первоначальной идеи, которая была заложена в ТЭПе 1992 г. Она подчинена территориально-хронологическому принципу размещения материалов и представляет целый ряд ярких и репрезентативных памятников наскального искусства широкого ареала Евразии.

Подводя итоги, следует отметить следующее. Идея создания Музея петроглифов была новаторской для своего времени, однако форма её воплощения в жизнь уже с самого начала отставала от современных форм экспонирования в музеях мира и страны. В немалой степени это было связано с тем, что перестройка здания и строительство экспозиции проводились в условиях скудного финансирования. Использовались дешёвые строительные материалы, не всегда соответствующие нормам безопасности, что и послужило причиной пожара 1999 г. Как при создании первой экспозиции в 1995 г., так и при реэкспозиции 2000 г. выбирались наименее затратные способы экспонирования; выбор дизайнерских решений также был обусловлен низкими материальными возможностями.

Названные факторы, а также то, что в последнее десятилетие петроглифическая коллекция музея существенно пополнилась новыми интереснейшими материалами, подводят нас к необходимости создания новой экспозиции Музея наскального искусства, рассчитанной на более широкие площади и на использование современных технологий экспонирования. В настоящее время этот вопрос активно обсуждается и прорабатывается сотрудниками музея-заповедника «Томская Писаница».

Источники

Научная концепция. Кемерово, 1993 // Архив музея-заповедника «Томская Писаница». Ф. 2, оп. 1, д. 58.

Протокол заседания Учёного совета музея-заповедника «Томская Писаница» № 7 от 09.04.93 г. / Протоколы заседания Учёного совета МЗТП 1989–1997 гг. Кемерово, 1997 // Архив музея-заповедника «Томская Писаница». Ф. 2, оп. 1, д. 290.

Протокол заседания Учёного совета музея-заповедника «Томская Писаница» № 8 от 07.11.93 г. / Протоколы заседания Учёного совета МЗТП 1989–1997 гг. Кемерово, 1997 // Архив музея-заповедника «Томская Писаница». Ф. 2, оп. 1, д. 290.

Решение Учёного совета историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница» от 28.09.90 г. / Протоколы заседания Учёного совета МЗТП 1989–1997 гг. Кемерово, 1997 // Архив музея-заповедника «Томская Писаница». Ф. 2, оп. 1, д. 290.

Решение Учёного совета музея-заповедника «Томская Писаница» от 7.11.93 г. / Протоколы заседания Учёного совета МЗТП 1989–1997 гг. Кемерово, 1997 // Архив музея-заповедника «Томская Писаница». Ф. 2, оп. 1, д. 290.

Тематико-экспозиционный план «Музей петроглифов». Кемерово, 1992 // Архив МЗТП. Ф. 2, оп. 1, д. 307.

Тематико-экспозиционный план музея «Наскальное искусство Азии». Кемерово, 1995 // Архив музея-заповедника «Томская Писаница». Ф. 2, оп. 1, д. 308.

Фотоальбом «История Музея-заповедника «Томская Писаница». Кемерово, 1997 // Архив музея-заповедника «Томская Писаница». Ф. 2, оп. 1, д. 90.

Литература

Мухарева А. Н., Русакова И. Д. Петроглифические коллекции в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Материалы международной научной конференции. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. Том 1. С. 148–155. (Труды САИПИ. Вып. VIII).

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 192 с.

Sher J. A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Répertoire Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Sibérie du Sud 1. Paris: Diffusion de Bocard, 1994. Fascicule № 1. 160 p.

Сведения об авторах

Боброва Лариса Юрьевна, главный хранитель, Кемеровский областной краеведческий музей; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: chaika.laraa@mail.ru

Герман Павел Викторович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углекислоты СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: lithos@mail.ru

Илюшин Андрей Михайлович, д-р ист. наук, профессор кафедры истории, философии и социальных наук, директор гуманитарного научного центра, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: ilushin1963@mail.ru

Марочкин Алексей Геннадьевич, канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углекислоты СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: comcon@yandex.ru

Миклашевич Елена Александровна, старший научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница»; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Монгуш Кежик Май-оолович, магистрант, Кемеровский государственный университет; хранитель фонда «Археология» отдела фондов и учёта, Национальный музей Республики Тыва им. «Алдан-Маадыр»; Кызыл, Российская Федерация. E-mail: kezhik.mongush.1994@yandex.ru

Монгуш Мерген Александрович, старший научный сотрудник отдела археологии, Национальный музей Республики Тыва им. «Алдан-Маадыр»; Кызыл, Российская Федерация. E-mail: monmen1989@mail.ru

Мухарева Анна Николаевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница»; доцент кафедры археологии, Кемеровский государственный университет; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: mukhareva@mail.ru

Плац Иван Андреевич, аспирант, младший научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углекислоты СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: ivanplac@yandex.ru

Русакова Ирина Дмитриевна, канд. ист. наук, научный консультант, Музей-заповедник «Томская Писаница», научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углекислоты СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: mirnes@mail.ru

Савельева Анна Сергеевна, канд. ист. наук, научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углекислоты СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: antverpen@mail.ru;

Симоненко Евгения Викторовна, главный хранитель, Музей-заповедник «Томская Писаница»; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: simonenko_kem@mail.ru

Скрябина Людмила Анатольевна, научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница»; Москва, Российская Федерация. E-mail: smila@rambler.ru

Судейменов Марат Гарифуллович, старший научный сотрудник гуманитарного научного центра, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: marat_suleymenov@mail.ru

Щербакова Алёна Викторовна, младший научный сотрудник отдела истории, Кемеровский областной краеведческий музей; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: sherbackova.al@yandex.ru

Information about the authors

Bobrova Larisa Yurievna, Chief Custodian, Kemerovo Regional Museum of Local Lore; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: chaika.laraa@mail.ru

German Pavel Viktorovich, Candidate of History, Senior Researcher, Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: lithos@mail.ru

Ilyushin Andrey Mikhailovich, Doctor of History, Professor at the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Lead Researcher, Humanitarian Research Centre of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: ilushin1963@mail.ru

Marochkin Alexey Gennadievich, Candidate of History, Senior Researcher at the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: comcon@yandex.ru

Miklashevich Elena Alexandrovna, Senior Researcher, Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Mongush Kezhik May-oolovich, Master's Degree student, Kemerovo State University; Custodian of the Fund "Archaeology", Department of Funds and Accounting, National Museum of the Republic of Tuva "Aldan-Maadyr"; Kyzyl, Russian Federation. E-mail: kezhik.mongush.1994@yandex.ru

Mongush Mergen Alexandrovich, Senior Researcher, Department of Archaeology, National Museum of the Republic of Tuva "Aldan-Maadyr"; Kyzyl, Russian Federation. E-mail: monmen1989@mail.ru

Mukhareva Anna Nikolaevna, Candidate of History, Senior Researcher, Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Assistant Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: mukhareva@mail.ru

Plats Ivan Andreevich, postgraduate student and Junior Researcher, the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: ivanplac@yandex.ru

Rusakova Irina Dmitrievna, Candidate of History, Research Adviser of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Researcher, the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, the Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: mirnes@mail.ru

Savelyeva Anna Sergeevna, Candidate of History, Researcher, the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: antverpen@mail.ru

Simonenko Evgeniya Viktorovna, Chief Custodian, Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: simonenko_kem@mail.ru

Shcherbakova Alena Viktorovna, Junior Researcher, Kemerovo Regional Museum of Local Lore; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: sherbackova.al@yandex.ru

Skryabina Lyudmila Anatolievna, Candidate of History, Researcher, Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Moscow, Russian Federation. E-mail: smila@rambler.ru

Suleymenov Marat Garifullovich, Senior Researcher, Humanitarian Research Centre of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: marat_suleymenov@mail.ru

Научное издание

**Учёные записки
музея-заповедника «Томская Писаница»**

Выпуск 9

2019

*Для оформления настоящего издания использованы
фотографии петроглифов Томской писаницы и бронзовой фигурки лошади
из ритуального жертвенника на памятнике*

Подписано в печать 19.06.2019.
Формат 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 14,9. Уч-изд. л. 12,5.
Тираж 150. Заказ № 79.

Отпечатано в издательстве КРИПКиПРО.
Адрес издательства и типографии:
650070, Российская Федерация, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Заузелкова, д. 3
Тел. : (384-2) 31-15-86; факс: (384-2) 31-16-06
E-mail: ipk@kuz-edu.ru

